А. ЗЕРНИНЪ

БАЛТІЙЦЫ

МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ

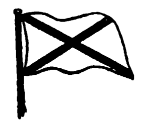

Изданіе
Военно-Морского Союза
Парижъ

А. Зернинъ

БАЛТІЙЦЫ

МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Изданіе
Военно-Морского Союза
Парижъ

ВЪ ШТОРМЪ

Миноносецъ «Послушный» стоитъ у боновъ Свеаборгскаго Порта. Бѣлыя струйки пара вырываются изъ его трубъ, мѣшаясь съ черными клубами дыма. Онъ готовъ къ походу. Ему назначено срочно доставить изъ Гельсингфорса въ Ревель командира линейнаго корабля «Андрей Первозванный», который немедленно послѣ того долженъ былъ выйти въ море.

Дуетъ шквалистый вѣтеръ и гудитъ въ снастяхъ. Низко нависшія штормовыя облака мчатся надъ головой, почти задѣвая мачты. Въ морѣ очень свѣжо, но въ гавани почти тихо. Лишь торопливая рябь дрожитъ на поверхности воды. Подъ напоромъ вѣтра миноносецъ водитъ носомъ изъ стороны въ сторону, слегка налегая на сосѣдей. Скрипятъ сходни. Командиръ посматриваетъ на небо и молчитъ. Вахтенный начальникъ на мостикѣ приготовляетъ карты. Боцманъ съ командой заваливаетъ на палубу шлюпки и крѣпитъ ихъ по штормовому. У сходенъ сидятъ два судовыхъ пса: рыжій понтеръ Джекъ и дворняга Жучка. Дрожа отъ сырости, они тоскливо позѣвываютъ въ предчувствіи близкой передряги.

— Вашсокродь! командиръ «Андрея Первозваннаго» подходитъ къ трапу, — доложилъ командиру миноносца вахтенный унтеръ-офицеръ.

— Убери собакъ, — отвѣтилъ командиръ, идя навстрѣчу. Вахтенный оттаскиваетъ собакъ въ сторону и передаетъ вѣстовому, который гонитъ ихъ на бакъ.

— Вались въ носовой кубрикъ, подсердешные, — ла-

сково говоритъ имъ боцманъ. — Выпадешь за бортъ, не поймаемъ. Ишь какова погода.

Вахтенный свиститъ трелью. Команда становится смирно. На миноносецъ входитъ командиръ «Андрея» и вмѣстѣ съ командиромъ миноносца молча поглядываютъ на небо. Затѣмъ гость спускается въ каютъ-кампанію, а командиръ миноносца идетъ на мостикъ.

Отданы швартовы. Забурливъ винтами, «Послушный» легко выскакиваетъ на середину бухты и, отбрасывая въ стороны пѣнящіяся струи, движется къ проливу Густавъ-Свернъ. Свѣжій вѣтеръ бросаетъ ему навстрѣчу соленую водяную пыль, сметая ее съ мелкихъ безпокойныхъ волнъ, разбѣжавшихся по рейду.

По обѣимъ сторонамъ пролива подымаются высокіе берега, увѣнчанные старинными фортификаціонными постройками. За ними видны крѣпостной соборъ и квадратныя зданія казармъ. Въ глубинѣ пролива на минуту наступаетъ тишина. Не слышно вѣтра, и мимолетное чувство зависти къ спокойно гуляющимъ на берегу солдатамъ стыдливо мелькаетъ въ сознаніи. Но задумываться некогда. «Послушный» дѣлаетъ послѣдній поворотъ и передъ нимъ во всей своей широтѣ раскрывается бушующее море. Онъ сразу падаетъ носомъ точно въ яму и гребень волны обрушивается ему на бакъ. Клочья пѣны летятъ на мостикъ.

— Лишніе внизъ! — приказываетъ командиръ.

Палуба пустѣетъ. Только изъ полуоткрытаго машиннаго люка видна голова инженеръ - механика Миши Порывкина, скептическимъ взоромъ оцѣнивающаго состояніе моря.

Миноносецъ вдругъ бокомъ наискось поднялся на волну и въ слѣдующую минуту повалился на противоположный бортъ, зачертивъ палубой по водѣ. Волна хлынула въ машинный люкъ. Голова инженеръ - механика исчезла и крышка плотно захлопнулась надъ ней.

Вахтенный начальникъ, мичманъ, крѣпко вцѣпившись въ поручни на мостикѣ, старался безтрепетно смотрѣть впередъ

и все оглядывался на командира, примѣръ котораго долженъ былъ служить ему руководствомъ.

Командиръ, незадолго передъ тѣмъ прибывшій изъ академіи, казался мичману салоннымъ морякомъ, теоретикомъ. Въ немъ не было рѣшительно ничего, напоминающаго морского волка. Штормовой переходъ былъ своего рода экзаменомъ для новаго командира. Вахтенный начальникъ съ любопытствомъ, украдкой, взглядывалъ на него. Изъ машиннаго люка на него же повернута была голова инженеръ-механика Миши. Рулевой старшина и боцманъ съ тѣмъ же любопытствомъ поглядывали на него черезъ иллюминаторъ носового кубрика.

Командиръ стоялъ посрединѣ мостика, крѣпко ухватившись за тумбу машиннаго телеграфа. Рядомъ съ нимъ рулевой сердито вертѣлъ штурвалъ, съ трудомъ удерживая миноносецъ на данномъ курсѣ. Волна сбивала миноносецъ. Онъ шелъ зигзагами, рыская въ стороны и поминутно зарываясь носомъ въ воду по самую носовую пушку, которая, бороздя поверхность волнъ, взметала снопы брызгъ и пѣны, летѣвшіе на мостикъ и мѣшавшіе смотрѣть впередъ.

Отъ холоднаго вѣтра, завывавшаго въ снастяхъ, стыли руки и лицо. Отъ размаховъ качки, казалось, все небо стремительно перемѣщалось изъ стороны въ сторону. Растянутый бѣгъ волнъ, мутно-зеленыхъ, покрытыхъ пѣною, какъ сѣтью, утомлялъ зрѣніе и отуплялъ слухъ. Какъ во снѣ, донеслись до мичмана слова командира:

— Ищите Эрансъ-Грундъ. Надо исправить курсъ. Насъ сильно сдрейфовало.

Командиръ былъ блѣденъ и озабоченъ. Онъ приложилъ къ глазамъ бинокль, но сейчасъ же соленыя брызги растеклись по стекламъ и командиръ опустилъ руку.

Вахтенный начальникъ, напрягая зрѣніе, обвелъ глазами горизонтъ. Справа отъ курса надъ гребнями волнъ видны были двѣ тоненькія мачты, увѣнчанныя красными плетеными шарами. Это былъ пловучій маякъ Эрансъ-Грундъ. Мичманъ указалъ на него командиру.

— Держи на пловучку, — приказалъ командиръ рулевому. Рулевой съ облегченіемъ поднялъ глаза отъ компаса, взволнованнаго качкой, и вцѣпился взоромъ въ пловучій маякъ, силуэтъ котораго сталъ медленно расти. Около него былъ виденъ бѣлый контуръ пассажирскаго парохода, дѣлавшаго очередной рейсъ изъ Гельсингфорса въ Ревель. Видно было, какъ онъ съ трудомъ боролся противъ волны и почти не сдвигался съ мѣста.

Мичманъ опять замѣтилъ голову инженеръ - механика, выглядывавшаго черезъ машинный люкъ. Съ трудомъ спустившися по трапу и цѣпляясь за штормовой leeръ, натянутый вдоль палубы, онъ подошелъ къ машинному люку. Изъ люка слышался пріятный, чмокающій стукъ машины. Работа ея была не ровна. Винты ежеминутно выскакивали на воздухъ и тогда машина давала перебои. Машинный унтеръ-офицеръ и его подручный, утирая лица паклей, стояли на клапанахъ, по мѣрѣ возможности прикрывая ихъ во время перебоевъ. Мичманъ сталъ около люка. Его обдало теплымъ дыханіемъ разогрѣвшагося смазочнаго масла.

— Какъ у васъ? — спросилъ онъ механика.

— Да что тутъ. Три четверти вахты лежитъ вповалку и травитъ. Ферапонтовъ стонетъ, что у него сію минуту кишки пойдутъ горломъ. Хоть бы молчалъ, подлецъ. Свиридовъ и Поляковъ молодцы, — одни за всѣхъ. Только такъ долго не выдержать. Сколько ходу до Ревельскаго рейда?

— Отъ Эрансъ-Грунда останется сорокъ миль.

— При такой волнѣ больше 12-ти узловъ дать нельзя. Значитъ еще три съ половиной часа пути. Можемъ скиснуть, а тогда выбросить на камни и конецъ всему. Какъ командиръ?

— Ничего. Молчитъ.

— Не для академиковъ такая погода. Смотрите, пассажирскій пароходъ ворочаетъ обратно.

Отъ пловучаго маяка, который былъ уже недалеко, надо было мѣнять курсъ и идти къ волнѣ лагомъ, т. е. принимая раскаты волнъ прямо въ бортъ. Пловучій маякъ, небольшое

судно съ мачтами, на которыхъ ночью зажигались красные огни, а днемъ были красные шары, — стояло на якорѣ у мѣста поворота. Оно почти опрокидывалось на волнѣ, то валясь съ одного борта на другой, то вздымаясь носомъ и уходя въ воду кормой. Мачты его чертили въ воздухѣ огромные круги. Все было задраено на немъ. Волны свободно перекатывались черезъ бортъ. Команда маяка заперлась внизу. Наверху нельзя было держаться безъ опасности для жизни.

— Вотъ житье каторжное, — кивнулъ инженеръ-механикъ на маякъ.

Пассажирскій пароходъ, тяжело переваливаясь на волнѣ, повернулъ на обратный курсъ. Видно было, какъ у него на мостикѣ кто-то безнадежно махалъ руками, указывая на море.

«Послушный», обогнувъ маякъ, сталъ ворочать на новый курсъ. Корма круто подалась въ сторону и огромная волна сейчасъ же перекатилась черезъ палубу, заливъ мичмана по колѣно. Инженеръ - механикъ захлопнулъ свою крышку. Полминуты спустя миноносецъ повалился на правый бортъ навстрѣчу новой грядѣ волнъ и вахтенный начальникъ съ ужасомъ замѣтилъ, какъ на размахѣ дугою изогнулись мачты. И когда въ слѣдующее мгновенье миноносецъ повалило влѣво, съ трескомъ сломалась стеньга и, запутавшись въ снастяхъ, упала клотикомъ на ютъ. Антена безпроволочнаго телеграфа легла на трубы и, перегорѣвъ сейчасъ же, раскинулась по палубѣ, путаясь подъ ногами.

Инженеръ-механикъ выглянулъ изъ люка.

— Доложите командиру, что такъ держаться мы не можемъ, — сказалъ онъ.

Въ душу мичмана закралось сомнѣнье. Волны свободно вливались на палубу и подбивали шлюпки. Крѣпко цѣпляясь за лееръ, мичманъ двинулся на мостикъ.

Его поразило блѣдное лицо командира. Рулевой едва держался на ногахъ, не скрывая приступовъ морской болѣзни. Столъ съ картами былъ залитъ водой, проникшей внутрь

подъ стеклянную крышку. Надъ головой скрипѣла стеньга фокъ-мачты, угрожая переломиться и упасть на мостикъ. Вахтенный начальникъ съ тревогой посмотрѣлъ наверхъ.

— Мнѣ кажется, что при такой погодѣ намъ не удастся пересѣчь море, — робко проговорилъ онъ, отирая соленую пѣну, залѣпившую ему глаза.

Командиръ помолчалъ секунду. Потомъ отвѣтилъ, едва разжавъ зубы.

— Слушайте, мой дорогой. Когда волею Петра Великаго у Россіи появился флотъ, онъ сразу принялъ въ свою душу лучшія традиціи прочихъ флотовъ міра и съ тѣхъ поръ никогда и ни въ чемъ не отступилъ отъ нихъ. Мы должны помнить безстрашіе и настойчивость Нельсона, Сюффрена и другихъ. Но у насъ есть и свои великія имена. Ушаковъ, Нахимовъ, Макаровъ, Николай Оттовичъ Эссенъ. Каждый изъ насъ въ трудныя минуты долженъ спрашивать себя, какъ поступилъ бы въ данномъ случаѣ, скажемъ, адмиралъ Макаровъ? Думаете ли вы, что онъ повернулъ бы теперь назадъ?

Миноносецъ стремительно легъ на бокъ. Реи, казалось, вотъ-вотъ коснутся гребней волнъ. У вахтеннаго начальника захватило духъ. Корпусъ миноносца дрожалъ отъ перебоевъ. Но командиръ продолжалъ:

— Пассажирскій пароходъ повернулъ обратно. Но мы и онъ не одно и то же. Военный корабль — все равно, что часовой на посту. Отъ возложеннаго на него долга его освободить можетъ только смерть. А потому мы должны или дойти или погибнуть. Вспомните «Русалку».

И мичманъ вспомнилъ памятникъ на Екатеринентальскомъ пляжѣ и на немъ надпись — «Россіяне не забываютъ своихъ героевъ мучениковъ».

— Велите боцману со свободной командой принайтовить сломанную стеньгу, а если это невозможно, то столкнуть ее за бортъ.

Мичманъ передалъ приказаніе.

Размахи качки стали еще сильнѣе. Берега скрылись

изъ виду. Вокругъ — разбушевавшееся море, покрытое бѣлыми гребнями, и стремительный бѣгъ волнъ. Миноносецъ, переваливаясь съ одного борта на другой и зарываясь носомъ въ воду, медленно двигался впередъ. Вахтенный начальникъ, вцѣпившись въ поручни, стоялъ рядомъ съ командиромъ, мокрый съ головы до ногъ. Поздно было надѣвать дождевое платье, такъ какъ не было возможности переодѣться, и онъ стоялъ на мѣстѣ, сгибая поочередное правое и лѣвое колѣно навстрѣчу качкѣ. Мостикъ то уходилъ изъ-подъ его ногъ, падая куда-то внизъ, и мичманъ чувствовалъ, что его тѣло какъ-бы лишалось вѣса, — то вдругъ, нажимая снизу, взмывалъ вверхъ и мичманъ едва удерживалъ на ногахъ утроенную тяжесть своего тѣла.

Большая волна водопадомъ обрушилась на полубакъ и сорвала крѣпко принайтовленную вьюшку съ перлинемъ. Вьюшка, обломавъ поручни вокругъ носовой пушки, свалилась за бортъ и стала разматываться на волнѣ вдоль борта. Размотавшійся перлинь угрожалъ попасть въ винты. Командиръ измѣнилъ курсъ и приказалъ подобрать вьюшку.

Мичманъ спустился на орудійную площадку, наблюдая за работой боцмана и комендоровъ. Немыслимо казалось что-либо сдѣлать. Палуба уходила изъ-подъ ногъ, волны обрушивались на площадку. Однако боцману удалось часть перлиня вытянуть на бакъ, остальное прихватить по борту къ стойкамъ и шлюпбалкамъ.

— Молодцы! — тихо крикнулъ командиръ, едва двигая губами. Окоченѣвшій, блѣдный, онъ стоялъ, не отрываясь отъ тумбы.

Когда миноносецъ легъ на прежній курсъ, волна ударила подъ мостикъ и, продавивъ дверь подъ полубакомъ, залила носовой кубрикъ и смыла вахтеннаго начальника съ орудійной площадки подъ полубакъ. Зацѣпившись за сломанную стойку рукавомъ, онъ повисъ надъ дверью, тщетно нащупывая ногами ступеньки трапа. «Господи, какой стыдъ», поду-

малъ онъ. Его сейчасъ же сняли. Оторванный рукавъ остался болтаться на обломкѣ стойки.

Застигнутые въ своемъ помѣщеніи волной матросы стали выскакивать наверхъ и со сконфуженными лицами озирались по сторонамъ.

— Держись, держись, молодцы! — слабо крикнулъ со своего мѣста командиръ.

Мичманъ заглянулъ въ носовой кубрикъ. Люди вышли оттуда. Въ углу, на рундукѣ, растопыривъ ноги, стоялъ Джекъ. Жучка вплавь перебиралась къ нему съ другого борта. Трюмный старшина проворно спустилъ воду въ таранное отдѣленіе и привелъ въ дѣйствіе водоотливную донку.

— Владиміръ Николаевичъ, — позвалъ мичмана командиръ, — обойдите помѣщенія и навѣстите гостя.

Вахтенный начальникъ еще разъ заглянулъ въ кубрикъ и сталъ пробираться на корму. Инженеръ механикъ выглянулъ изъ люка.

— Ну, что? — спросилъ онъ.

— Командиръ не повернетъ, — лаконически отвѣтилъ мичманъ. Срываясь ногами со ступенекъ, онъ спустился внизъ и заглянулъ въ каютъ-компанію. Противъ входной двери былъ книжный шкафъ. Книги и бумаги, сложенныя въ немъ, выбили на качкѣ фанерную дверцу и разсыпались по полу. Черезъ разбитый при паденіи стеньги свѣтовой люкъ, въ каютъ-компанію заплескивала вода. Мичманъ хотѣлъ было собрать размокшія книги, но не могъ ничего сдѣлать, т. к. обѣими руками долженъ былъ держаться за стѣнки, чтобы не упасть.

Командиръ «Андрея Первозваннаго» лежалъ на диванѣ, зацѣпившись одной ногой за шкафъ, и держась рукой за мѣдный козырекъ подъ иллюминаторомъ надъ его головой. При всемъ этомъ онъ казался спящимъ. Лицо было спокойно. Глаза закрыты.

Столъ съ оторванными ножками лежалъ опрокинутымъ

вверхъ дномъ. Иллюминаторы поминутно уходили въ воду и каютъ-компанія погружалась во тьму.

Вахтенный начальникъ повернулъ обратно. Въ уборной что-то страшно сопѣло. Подъ трапомъ онъ увидѣлъ распростертаго среди осколковъ посуды вѣстового, стонавшаго отъ мучительной икоты.

Чувствуя, что оставаться внизу дольше невозможно, мичманъ поспѣшилъ наверхъ. Онъ дошелъ до кормового помѣщенія и заглянулъ въ него. Сюда волны почти не попадали и вся свободная отъ вахты команда собралась здѣсь,растянувшись вповалку на полу и на нарахъ. Кислый запахъ рвоты ударилъ мичману въ лицо. Онъ повернулся и пошелъ на мостикъ.

— Все... въ порядкѣ... —доложилъ онъ.

— Течи нѣтъ?

— Течи нѣтъ, но почти всюду попадаютъ волны.

— Ничего. Работаютъ донки.

Командиръ замолчалъ. Мичманъ крѣпко обнялъ стойку дальномѣра и замеръ на своемъ мѣстѣ. Миноносецъ попрежнему валяло съ боку на бокъ, но мичманъ ничего уже не чувствовалъ, ни о чемъ не думалъ, ничего не говорилъ. Подъ мостикомъ отъ качки разошлись фланцы вспомогательной паровой трубы. Сталъ сочиться паръ. Какъ сквозь сонъ, слышалъ мичманъ стукъ зубила и ворчанье подвахтеннаго машиниста. Онъ изрѣдка взглядывалъ на командира и ему до слезъ радостно было, что вотъ блѣдный командиръ прочно стоитъ на своемъ мѣстѣ, никуда не уйдетъ и никогда не отступитъ. И онъ понялъ, что теперь онъ самъ никогда въ жизни не сможетъ поступить иначе, что онъ сразу сталъ старше и сильнѣе.

— Вашсокродь! Вульфскій знакъ слѣва по носу, — доложилъ сигнальщикъ.

— Смотри вѣхи по носу справа, — отвѣтилъ командиръ.

Впереди показался берегъ. Но мичману было все равно. Ему казалось, что онъ можетъ простоять такъ еще долго и

что его никогда не оставятъ силы. Онъ началъ искать вѣхи и быстро нашелъ ихъ прямо по курсу. Онѣ были повалены волной и временами пропадали за гребнями.

Миноносецъ перемѣнилъ курсъ. Передъ нимъ, какъ на дальней декораціи, обозначились островерхія башни стараго города. Бѣлая полоска пѣны отмѣтила деревянный молъ гавани. На рейдѣ, прервавъ сообщеніе съ берегомъ, стояла бригада линейныхъ кораблей. Миноносецъ поднялъ позывные, отдавая этимъ честь адмиралу.

— Идти въ гавань, — отвѣтилъ сигналомъ адмиралъ.

Миноносецъ уменьшилъ ходъ. Покрытые тиной срубы гавани то вздымались надъ волнами, то закрывались ими совершенно. Надо было попасть въ ворота. Командиръ «Андрея» поднялся на мостикъ.

Огромные валы медленно катились мимо воротъ. Передъ командиромъ миноносца была труднѣйшая задача — войти въ гавань на штормовой волнѣ, не зацѣпивъ ворота. Видно было, какъ онъ колебался. Но, взявъ поправку на неизбѣжный сносъ, онъ сразу далъ полный ходъ. Падая носомъ въ разверзавшіяся передъ нимъ морскія нѣдра, миноносецъ, точно толчками, приближался къ молу. Всѣ стоявшіе на мостикѣ крѣпко впились въ поручни руками. Инженеръ-механикъ по поясъ высунулся изъ своего люка.

— Наддай, наддай! — украдкой покрикивалъ онъ въ машину.

Миноносецъ поднялся носомъ почти надъ срѣзомъ стѣнки и влетѣлъ въ ворота. Подъ ударами волнъ осталась корма. Ее бросило подъ вѣтеръ. Носъ оказался передъ крайней сваей.

— Отводи! — нервно бросилъ командиръ рулевому.

Носъ слегка коснулся сваи, остріе форштевня сейчасъ же загнулось вправо.

— Какой позоръ, — съ волненіемъ промолвилъ командиръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — быстро возразилъ командиръ «Ан-

дрея». — Походъ выполненъ образцово, я сочту долгомъ доложить объ этомъ адмиралу. Форштевень вамъ выправятъ въ полъ дня.

Въ гавани почти не было волны. Лишь вѣтеръ гудѣлъ въ снастяхъ и снопы брызгъ и пѣны летѣли черезъ молъ.

«Послушный» отдалъ якорь посреди гавани и подошелъ кормой къ стѣнкѣ. Подали сходни. Командира «Андрея» ждалъ баркасъ, подъ парусами. Крѣпко пожавъ руку командиру миноносца, онъ сошелъ на стѣнку.

Командѣ было дано время обѣдать.

Вечерѣло. Мичманъ поднялся на молъ и долго не могъ оторвать взора отъ разбушевавшагося моря. Лишь, когда совсѣмъ стемнѣло, онъ вернулся на миноносецъ. Проходя мимо кормового люка, заглянулъ внизъ. Въ кубрикѣ все было уже прибрано. Мокрое платье вынесено наверхъ. Утомленная походомъ команда спала. Въ глубинѣ кубрика, на переборкѣ, темной позолотой поблескивалъ образъ Николая Чудотворца. Слабое мерцаніе лампады озаряло его строгій ликъ и благословляющую руку.

ПОХОДЪ.

Недѣлю спустя послѣ прибытія Миртова на миноносецъ, раннимъ утромъ, когда завороженная природа въ сладкой истомѣ пробуждалась и заря багрянымъ золотомъ блистала на востокѣ, — флотъ снялся съ якорей и корабли длинными четкими колоннами потянулись съ рейда въ море.

Мичманъ Миртовъ вышелъ наверхъ, неся футляръ съ картами подъ мышкой. Ему казалось, что все должно быть еще въ глубокомъ оцѣпененіи сна, что это лишь на его долю пришлось томительное раннее вставанье, когда каждый атомъ его тѣла жаждалъ сонной нѣги и покоя.

Но, поднявшись на верхній мостикъ миноносца, онъ увидѣлъ въ движеніи весь рейдъ. Линейные корабли во главѣ съ «Рюрикомъ» уже вытянулись въ кильватерную колонну. На мостикѣ флагманскаго корабля весь штабъ и самъ адмиралъ, зорко наблюдающій съемку съ якорей.

Покрытые комьями мокрой глины и залѣпленные иломъ якоря медленно подползали къ своимъ клюзамъ, которые, какъ ноздри чудовищнаго звѣря, зіяли въ носахъ кораблей. Струя воды, мѣтко направленная изъ пипки, смывала илъ и глину и якоря очищенными втягивались въ свою ноздрю.

На всѣхъ реяхъ «Рюрика» поднялись сигналы.

— Шестому дивизіону миноносцевъ вступить въ кильватеръ Отряду Заградителей, — доложилъ сигнальный старшина содержаніе сигнала.

Начальникъ дивизіона добродушно посматривалъ на

свои миноносцы, видя, что съ ихъ стороны не будетъ задержки.

— Федоръ Ивановичъ, — ласково картавя, обратился онъ къ командиру. — Ложитесь въ кильватеръ «Енисею».

— Уже въ кильватерѣ, —отвѣтилъ тотъ.

— Ну вотъ и хорошо. Я знаю, у насъ все идетъ само собою, какъ заведенные часы, — благодушно продолжалъ начальникъ дивизіона, сознавая свою совершенную ненужность. Герой японской войны, контуженный и обожженный взрывомъ, потерявшій зрѣніе на одинъ глазъ, онъ былъ всецѣло въ зависимости отъ своихъ командировъ, которые видѣли въ немъ не начальника, а кроткаго, немѣшающаго пассажира. Тѣмъ не менѣе дивизіонъ отлично выполнялъ учебный планъ и получалъ призы, а начальникъ дивизіона награды, поражавшія его неожиданностью. Онъ зналъ, что ровно ничѣмъ ихъ не заслужилъ, но всему личному составу дивизіона доставляло огромное наслажденіе увѣрять его въ противномъ.

— Что это отъ васъ, Владиміръ Николаевичъ, такъ хорошо пахнетъ? — шутливо спросилъ онъ Миртова.

— Вчера на вечерѣ въ Морскомъ Собраніи одна дама подарила мнѣ свой носовой платокъ.

— Сигнальщики! Съ «Енисея» семафорятъ! — крикнулъ командиръ.

Тѣ уже видѣли это, но замѣшкались, высвобождая семафорные флажки, застрявшіе между поручнями и обвѣсомъ. Секунду спустя, они уже принимали семафоръ.

— Что же это вы, сигнальщики, сами не смотрите, — безгнѣвно напустился на нихъ начальникъ дивизіона, мѣшая имъ читать семафоръ.

— Николай Федоровичъ, — деликатно отвлекъ его командиръ и сталъ показывать на картѣ схему предстоящихъ боевыхъ эволюцій, какъ-бы спрашивая нѣкоторыхъ его указаній.

На мостикъ поднялся флагъ-офицеръ и окончательно затмилъ начальника дивизіона.

—«Подвижный» подтянулся, наконецъ, — энергично заговорилъ онъ. — У него заѣло съ якорнымъ канатомъ. Теперь все въ порядкѣ.

— Ну вотъ и отлично, — обрадовался начальникъ дивизіона. — А я и не зналъ.

— Я запрашивалъ по линіи съ кормового мостика.

— Прекрасно. А какъ нашъ ревнитель военно-морскихъ знаній?

— Спитъ.

— Ха-ха-ха, — неторопливо посмѣялся начальникъ дивизіона. — Извѣстное дѣло, въ четыре часа утра крѣпко спится. Какъ вы ихъ распредѣлили?

— По одному на каждый миноносецъ. У насъ слушатель академіи генеральнаго штаба, болгарскій капитанъ.

— Ну и пусть себѣ спитъ, — продолжалъ посмѣиваться начальникъ дивизіона.

Отрядъ Заградителей и миноносцы, назначенные вмѣстѣ съ нимъ изображать непріятеля, понемногу обогнали линейный флотъ и склонились къ весту.

Благодатная тишина царствовала надъ моремъ. Берега заволакивались голубой дымкой и скрывались въ отдаленьи. Мелкія волны тихо плескались по бортамъ.

Миноносцы шли за концевымъ заградителемъ, купаясь въ широкой струѣ, пѣнистой дорогой стлавшейся за нимъ. Это былъ старый корабль со множествомъ надстроекъ, непозволительныхъ для современнаго боя, и выступовъ, замедлявшихъ ходъ. Но онъ былъ красивъ своими стройными, ненужными больше мачтами и тяжелымъ рангоутомъ. Отъ него вѣяло уютомъ старины, уносившей мысль къ тѣмъ счастливымъ временамъ, когда для боя нужно было меньше техники и расчета, но больше доблести и чувства.

Начальникъ дивизіона и командиръ ушли внизъ, оставивъ Миртова на вахтѣ.

Скрывшись изъ поля зрѣнія линейнаго флота, Отрядъ повернулъ на остъ, атакуя центральную позицію, на которой

его должны были встрѣтить дѣйствующіе корабли. Какъ только показались линейныя суда, шедшія навстрѣчу, Миртовъ послалъ доложить командиру. Офицеры на всѣхъ миноносцахъ поднялись наверхъ записывать отдѣльныя стадіи воображаемаго боя и прокладывать разстоянія и направленія на противника черезъ каждую минуту. Такимъ образомъ вычерчивалась на картѣ полная картина боевыхъ локсодромій, описанныхъ обѣими сторонами, имѣвшими заданіе охватить голову противника.

Боевыя эволюціи тянулись до полудня и были повторены дважды. Послѣ чего флотъ собрался вмѣстѣ и тремя колоннами двинулся къ Балтійскому морю для производства ночныхъ маневровъ.

Тихо проплыли и исчезли съ горизонта лѣсистыя очертанія острововъ и широкая морская гладь раскинулась вокругъ, сливаясь съ небесами.

Вечеромъ флотъ подошелъ къ одному изъ острововъ Монзунда и все множество кораблей стало на якорь въ глубинѣ хорошо обслѣдованнаго стратегическаго рейда.

На горизонтѣ показались тяжелыя свинцовыя тучи. Блистали зарницы. Ночью надо было ожидать грозы.

Адмиралъ сигналомъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ командировъ кораблей перваго и второго ранга, а съ миноносцевъ — начальниковъ дивизіоновъ.

Николай Федоровичъ немедленно сѣлъ на вельботъ и отправился на «Рюрикъ».

НОЧНАЯ АТАКА.

Вернувшись отъ адмирала, начальникъ дивизіона сейчасъ же собралъ всѣхъ своихъ командировъ. Тѣсная каютъ-компанія наполнилась до отказу.

Развернувъ карту, начальникъ дивизіона объявилъ, что ему приказано сегодня ночью атаковать эскадру, для чего миноносцы его дивизіона должны немедленно покинуть рейдъ и выбрать себѣ стоянку въ другомъ мѣстѣ.

— Конечно, нѣтъ надобности отходить далеко. Мы станемъ здѣсь, въ сосѣдней бухтѣ, — указалъ онъ на картѣ мѣсто, предложенное флагъ-офицеромъ.

— Теперь намъ надо выбрать часъ, — неторопливо продолжалъ начальникъ дивизіона. — Это предоставлено нашему усмотрѣнію, чтобы атака была неожиданной. Въ свою очередь эскадра перестроится совершенно въ иномъ порядкѣ и займетъ неизвѣстное намъ пространство рейда. Мы должны, пользуясь темнотой, незамѣтно проникнуть въ бухту, прорвавъ дозоры, и выпустить учебныя мины съ мнущимися зарядными отдѣленіями — по линейнымъ кораблямъ и крейсерамъ. Съ того момента, какъ мы будемъ открыты, на всѣхъ корабляхъ будетъ вестись ежеминутная запись маневра. Выпускъ минъ надо записывать съ точностью до секунды. То же сдѣлаютъ и атакованные корабли, отмѣтивъ секунду попаданія по секундомѣру, пущенному по ракетѣ открывшаго насъ корабля. Это необходимо, чтобы потомъ разобраться, какой миноносецъ кого атаковалъ и съ какимъ успѣхомъ. Мины подберутъ атакованные корабли, такъ какъ мы должны стрѣ-

лять не останавливаясь, пока не пройдемъ всей эскадры. Такъ вотъ, въ которомъ же часу предпочтительнѣй по вашему атаковать?

— Давайте, въ полночь, — предложилъ одинъ изъ командировъ.

— Хорошо, — немедленно согласился начальникъ дивизіона.

— Лучше было бы немного попозже. До полуночи навѣрно всѣ будутъ бодрствовать. Лучше оттянуть до того времени, когда всѣ, не дождавшись, лягутъ спать и наверху останутся только вахтенные.

— Вѣрно, лучше попозже. Ну, скажемъ, въ два часа.

— Николай Федоровичъ, — энергично вмѣшался флагъ-офицеръ, — лучше всего вовсе не назначать часа, а атаковать въ зависимости отъ погоды. Сегодня надо ожидать грозы. Вотъ мы и нагрянемъ одновременно съ ней.

— Совершенно правильно, — одобрилъ начальникъ дивизіона. — Такъ и сдѣлаемъ, господа. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Командиры отбыли на свои миноносцы, послѣ чего дивизіонъ немедленно снялся и въ густыхъ сумеркахъ перешелъ въ сосѣднюю бухту.

Небо медленно затягивалось тучами. Погромыхивалъ громъ. Миноносцы стояли подъ полными парами.

Но вотъ, точно что-то треснуло надъ бухтой. Молнія ослѣпительнымъ зигзагомъ прорѣзала густую тьму и сразу хлынулъ дождь.

Было лишь немного за полночь. Начальникъ дивизіона хотѣлъ оттянуть еще, но флагъ-офицеръ побаивался, что гроза перестанетъ, а потому рѣшено было идти сейчасъ же.

Дивизіонъ тихо снялся и подъ проливнымъ дождемъ вышелъ въ море. Черезъ полчаса онъ повернулъ и взялъ курсъ къ рейду, гдѣ имѣлъ стоянку флотъ. На мостикѣ собрались всѣ офицеры и ревнитель, надѣвшій матросское дождевое платье. Дивизіонъ уменьшилъ ходъ, чтобы не выдавать себя

искрами изъ трубъ, неизбѣжными на форсированномъ ходу.

— Ни зги не видно, — проворчалъ командиръ. — Этакъ можно запросто влипнуть кому-нибудь прямо въ бортъ.

Командиръ, какъ академикъ, былъ расчетливъ и любилъ дѣйствовать навѣрняка.

— Ничего, Федоръ Ивановичъ, — успокаивалъ его начальникъ дивизіона. — Свернемъ себѣ носъ и только всего. Командующій морскими силами только похвалитъ. Онъ обѣщалъ свое заступничество, если рискъ будетъ цѣлесообразенъ.

— Конечно, — быстро подтвердилъ флагъ-офицеръ. — Мы идемъ въ атаку, а атака безъ риска не цѣлесообразна.

— Правда, Федоръ Ивановичъ, — обрадовался начальникъ дивизіона. — Валяйте полный ходъ.

— Сигнальщики! Передайте по линіи: «буки» (больше ходъ)! — крикнулъ флагъ-офицеръ.

Сигнальщики бойко замигали фонаремъ. Миноносецъ запульсировалъ всѣмъ корпусомъ отъ большого числа оборотовъ.

— Ни зги не видно... — продолжалъ ворчать командиръ.

Дождь лилъ, не переставая.

Вдругъ молнія ударила гдѣ-то совсѣмъ рядомъ и освѣтила дозорный контръ-миноносецъ, стоявшій у входа на рейдъ передъ самымъ носомъ у атакующаго дивизіона.

— Право руля! — крикнулъ командиръ.

Всѣ на мгновеніе ослѣпли. Но дозорный корабль замѣтилъ миноносцы и длинная хвостатая ракета вылетѣла съ него въ небо.

— Не будь молніи разрѣзали бы его пополамъ. Какая ужъ тутъ цѣлесообразность, — высказывалъ свое неудовольствіе командиръ.

— Больше ходъ! — въ увлеченіи крикнулъ начальникъ дивизіона. — Теперь нельзя медлить.

Командиръ повиновался и далъ рѣзкій звонокъ въ машину.

— О-охъ напоремся на кого-нибудь. Ни зги не видно.

Увидѣвъ ракету, всѣ корабли эскадры, какъ по волшебству, открыли прожекторы и направили на встрѣчу миноносцамъ снопы ослѣпляющихъ лучей. Загремѣли орудія, стрѣлявшія холостыми зарядами.

— Николай Федоровичъ, я рѣшительно ни черта не вижу: мы летимъ на эскадру съ закрытыми глазами, — возмущался командиръ.

Молніи поминутно разсѣкали небо и хлесталъ проливной дождь, довершая впечатлѣніе первозданнаго хаоса.

Миртовъ, стоя внизу у минныхъ аппаратовъ, напрягалъ зрѣніе, стараясь разсмотрѣть ближайшіе силуэты. Намѣтивъ цѣль между двухъ смежныхъ слѣпившихъ его прожекторовъ, онъ самолично повернулъ аппаратъ.

— Пли! — крикнулъ онъ.

Мина, всхлипнувъ, вылетѣла за бортъ и, оставляя за собой слегка свѣтящійся слѣдъ, устремилась въ неизвѣстность.

Миртовъ замкнулъ секундомѣръ и, подбѣжавъ ко второму аппарату, повторилъ тотъ же маневръ.

— Мины выпущены! — доложилъ онъ, бѣгомъ подымаясь на мостикъ.

Въ этотъ моментъ дружный залпъ орудій съ неизвѣстнаго корабля совсѣмъ рядомъ справа оглушилъ всѣхъ на мостикѣ миноносца.

Ревнитель схватилъ Миртова за рукавъ.

— Господи! — шепталъ онъ, не скрывая своего испуга.

— Лѣво руля! — скомандовалъ командиръ, отводя миноносецъ отъ стрѣлявшаго корабля.

— Ба-ахъ! — раздалось вдругъ слѣва. И при вспышкѣ орудійнаго выстрѣла, стоявшіе на мостикѣ увидѣли, что миноносецъ, только что избѣжавъ столкновенія съ однимъ кораблемъ, мчится прямо на другой.

— «Цесаревичъ»! — крикнули сигнальщики.

— Право на бортъ! — коротко приказалъ командиръ.

Миноносецъ даже накренился отъ рѣзкаго переложенія руля съ одного борта на другой.

— Носовое орудіе, пли! — скомандовалъ Миртовъ, безъ особой надобности, но для усиленія эффекта.

— Бахъ! — грохнуло орудіе холостымъ зарядомъ. При вспышкѣ выстрѣла всѣ увидѣли, что носъ миноносца откатился отъ «Цесаревича», но за то онъ сядетъ на него раскатившейся кормой.

— Отводи! — скомандовалъ командиръ. Но миноносецъ всѣмъ корпусомъ навалился на бортъ «Цесаревича» и съ трескомъ, ломая шлюпбалки, на полномъ ходу, прочертилъ по всей его длинѣ.

— Бахъ! — оглушительно рявкнуло прямо въ уши. Съ «Цесаревича» вылетѣла огненная колбаса и, шипя, повисла на поручняхъ у носовой пушки миноносца. Комендоры отскочили къ противоположной сторонѣ.

— Господи! Что же это такое? — шепталъ ревнитель, вцѣпившись Миртову въ плечо.

— Это отсырѣвшій порохъ. Бываетъ съ холостыми. Столкни за бортъ, молодцы! — крикнулъ командиръ, стараясь покрыть гулъ, грохотъ и хаосъ.

Выскочилъ боцманъ съ обгалдеромъ въ рукахъ. Стремительно взлетѣлъ на орудійную площадку и столкнулъ огненную колбасу за бортъ.

Миноносецъ выскочилъ на свободную воду и уменьшилъ ходъ.

— Ободрались начисто, — сказалъ командиръ, усиливаясь разглядѣть поломки. — Какъ то другіе?

Громъ и молнія, орудійные выстрѣлы и сверканіе прожекторовъ, точно гигантскими свѣтящимися щупальцами водившихъ по небу и водѣ, — силы стихіи и силы человѣческія слились въ невиданной фееріи, потрясая зрѣніе и слухъ.

— Я ничего подобнаго не видѣлъ, — взволнованно повторялъ ревнитель, вызывая улыбки офицеровъ.

— Ну, довольно «Петрушки», — сказалъ командиръ,

стопоря машину. — Это у насъ называется — показывать «Петрушку». Такого положенія на войнѣ не будетъ, ибо никакой флотъ не рискнетъ стать на якорь въ непріятельскихъ водахъ, безъ плотной завѣсы изъ истребителей и быстроходныхъ дозорныхъ судовъ. Все дѣло рѣшилось бы еще до входа нашего на рейдъ и, вѣроятно, безъ особыхъ свѣтовыхъ эффектовъ.

— Федоръ Ивановичъ, это необходимо для воспитанія находчивости личнаго состава, — съ ласковою вразумительностью протянулъ начальникъ дивизіона. — Мы немножко сгустили атмосфе-гу, но тѣмъ легче будетъ намъ дѣйствовать въ менѣе густой.

Черезъ минуту прожектора потухли и стрѣльба прекратилась. Корабли открыли мирные якорные огни.

Сигнальщики начали принимать сигналъ съ флагманскаго корабля:

«Шестому дивизіону миноносцевъ адмиралъ изъявляетъ свое удовольствіе. Стать на якорь по диспозиціи».

ПОСЛѢДНІЙ ОТДЫХЪ

Закончивъ шлюпочныя ученія въ Тагалахтѣ и дневныя эволюціи въ открытомъ морѣ, эскадра тихо подходила къ Гангэудду, къ мѣстамъ, прославленнымъ первою побѣдой Русскаго Флота на Балтійскомъ морѣ.

Въ глубинѣ рейда, по берегамъ бухты, за грядой розовыхъ гранитныхъ скалъ и зеленыхъ мшистыхъ островковъ, раскинулся курортъ. Живописныя дачи просвѣчивали сквозь зеленое кружево молодого сосняка, хвойное дыханіе котораго доносилось до кораблей, еще облитыхъ чистотой и свѣжестью моря.

Оба пляжа пестрѣли нарядной публикой. Бѣлыя лѣтнія платья и цвѣтные зонтики яркими пятнами играли на пескѣ. Цѣлая стая байдарокъ скользила отъ берега навстрѣчу кораблямъ, бороздя тихую гладь воды своими легкими носами и оставляя позади быстро тающій ровный слѣдъ.

Эскадра шла тремя колоннами, — посрединѣ — линейные корабли и крейсера, по сторонамъ — эскадренные миноносцы. 2-я Минная Дивизія шла отдѣльно, проникая на рейдъ одновременно съ эскадрой боковыми входами черезъ шхеры.

На «Рюрикѣ», несшемъ адмиральскій флагъ, шары обозначавшіе уменьшеніе хода, поднялись подъ ноки рея, — корабли застопорили машины.

«Стать на якорь всѣмъ вдругъ», — поднялся сигналъ и за нимъ исполнительный флагъ, со спускомъ котораго всѣ корабли одновременно должны отдать якорь.

На всѣхъ мостикахъ вахтенные начальники, держа передъ правымъ глазомъ призму Белля, регулировали разстояніе до впереди идущаго корабля, дабы интервалы между ними были вездѣ одни и тѣ же. Теперь это было особенно важно, такъ какъ съ отдачей якоря фиксировалась малѣйшая ошибка, непріятной тяжестью ложась на самолюбіе личнаго состава.

Сигнальщики замерли, вперивъ взоры въ бѣло-красный исполнительный флагъ на адмиральскомъ кораблѣ. И вдругъ, дернувшись всѣмъ тѣломъ, точно по нимъ промчался токъ, вскричали:

— Исполнительный долой!

— Ат-дать я-корь! — провозгласили на всѣхъ корабляхъ голоса старшихъ офицеровъ. Сѣрыя массы якорей соскользнули изъ подъ полубаковъ и, взметнувъ высокіе всплески, упали въ воду. Оглушительный грохотъ якорныхъ цѣпей, мчавшихся за якорями на морское дно, зарокоталъ далеко вокругъ. И, когда смолкъ, старшій боцманъ на каждомъ кораблѣ, приложивъ руку къ козырьку, съ достоинствомъ доложилъ на мостикъ:

— Отданъ якорь.

Такова традиція, хотя только глухой могъ не знать, что якорь отданъ.

На всѣхъ корабляхъ отвалились выстрѣла и мощныя стрѣлы вынесли съ ростеръ за бортъ паровые катера, изъ трубъ которыхъ легкими клубами уже подымался дымъ. Они неторопливо стравливались на воду, сейчасъ же давали ходъ и подходили къ трапу.

Первый рейсъ на берегъ совершили артельщики и писаря: за провизіей и за почтой. На адмиральскомъ катерѣ отправился одинъ изъ флагъ-офицеровъ сообщить дирекціи курорта, что эскадра дастъ у нихъ сегодня балъ, на который приглашаетъ всѣхъ обитателей курорта. Адмиралъ признавалъ право молодежи на приличное веселье, кромѣ того это

побуждало публику къ знакомству съ флотомъ. Командѣ назначено гулянье съ утра слѣдующаго дня.

Передъ заходомъ солнца всѣ парковыя аллеи сверкали бѣлизною кителей и лѣтнихъ дамскихъ туалетовъ. Открытую эстраду въ центрѣ пляжа занялъ адмиральскій оркестръ, уже гремѣвшій на весь паркъ. Второй оркестръ, струнный, расположился на хорахъ въ танцовальномъ залѣ, черезъ который, предводимая метръ д'отелемъ, двигалась шеренга пылесосовъ. На огромной верандѣ — безчисленные ряды столиковъ, украшенныхъ цвѣтами. Лакеи въ бѣлыхъ смокингахъ готовили парадную сервировку.

Тихій вечеръ. Солнце коснулось горизонта и краснымъ огненнымъ столбомъ дрожитъ въ водѣ. Теплый сумракъ накрываетъ сосновый паркъ. На главной аллеѣ веселый шумъ и смѣхъ.

Отъ кургауза видно, какъ минута молчанія неспѣшно катится по главной аллеѣ. Бѣлые кителя почтительно отступаютъ къ краю: офицеры вереницами становятся во фронтъ, образуя стройныя шеренги, между которыми подвигается скромная фигура адмирала, сопровождаемая свитой. Она двигается впередъ очень медленно, — адмиралъ каждому подаетъ руку и каждому смотритъ въ глаза своимъ яснымъ взглядомъ. Шагъ за шагомъ онъ проходитъ всю аллею и появляется на пляжѣ въ тотъ моментъ, когда съ «Рюрика» слетаетъ салютное облачко и гремитъ выстрѣлъ, сопутствующій спуску флага. Солнце исчезаетъ подъ горизонтомъ. Къ адмиралу спѣшно подходитъ флагъ-офицеръ и подаетъ телеграмму, доставленную прямо съ поста Службы Связи. Адмиралъ читаетъ молча, и задумчиво идетъ по пляжу.

Изъ курзала вырываются манящіе звуки перваго вальса. Начинается балъ. Особый, лѣтній балъ, когда танцы чередуются съ прогулками по парку и томный вальсъ уступаетъ мѣсто томному шопоту подъ ласковый воркотъ дремлющаго моря.

Въ танцовальномъ залѣ яркій свѣтъ, яркія лѣтнія платья, разгорѣвшіяся щеки, ароматъ духовъ. Стройный лейтенантъ во всемъ бѣломъ дирижируетъ вальсомъ съ фигурами. Потъ градомъ катится по его смуглому лицу. Танцующіе, покорные бальной дисциплинѣ, исполняютъ безъ заминки всѣ прихоти дирижера.

Кавалеры становятся на одно колѣно и цѣлуютъ пальчики своихъ дамъ. Разгоряченныя пары выбѣгаютъ на веранду. Лакеи едва поспѣваютъ бѣгомъ доставлять освѣжающіе напитки. Около всѣхъ столиковъ вазы со льдомъ и въ нихъ вспотѣвшія бутылки съ искристымъ дорогимъ виномъ.

Моряки шутя учатъ своихъ дамъ пить сода-виски, но прелесть этого напитка имъ трудно доказать, а потому шампанское сверкаетъ и шипитъ во всѣхъ бокалахъ. Дамамъ подаютъ фрукты и мороженое.

Пока не танцуютъ — играетъ румынскій оркестръ на верандѣ. Дирижеръ, зажавъ скрипку между плечомъ и подбородкомъ, сверкая черными глазами, раскачивается всѣмъ туловищемъ въ тактъ сладострастнымъ звукамъ захлебывающагося вѣнскаго эстраднаго вальса. Ему подносятъ бокалъ. Онъ выпиваетъ залпомъ и вытираетъ надушеннымъ платкомъ вспотѣвшее лицо.

— Маэстро! Танго! — кричатъ ему.

Онъ улыбается, блестя бѣлыми зубами, и музыканты играютъ геніальный меланхолично-страстный танецъ.

Звенятъ бокалы. Провозглашаются тосты за прекрасныхъ дамъ. Передъ верандой рвется фейерверкъ. Ракеты, бороздя воздухъ огненными хвостами, улетаютъ въ небо и разноцвѣтными звѣздами разсыпаются надъ паркомъ. Гремитъ опять оркестръ. У барышень сладко кружится голова.

Передъ Миртовымъ и его друзьями за столикомъ двѣ барышни. Одна въ золотыхъ кудряхъ, завитками падающихъ на лобъ, пунцовая отъ движенія и отъ комплиментовъ, которые ей щедро расточаются со всѣхъ сторонъ. Другая —

блѣдная, темноволосая, въ гладкой прическѣ, съ глазами, оттѣненными легкой синевой. У нея тонкія черты лица, въ глазахъ скрытое пламя, а губы точно змѣйки. Она сдержанно отвѣчаетъ на шутки и остроты. Миртовъ нѣсколько разъ поймалъ на себѣ ея темный взглядъ. Мать ея обезпокоена предпочтеніемъ, которое замѣтно оказывается блондинкѣ.

— Ты не устала, Лидочка? — спрашиваетъ она. И, наклонившись къ ней, довольно громкимъ шопотомъ добавляетъ:

— Вѣдь ты, Лида, не безприданница. Ты будешь имѣть все, что пожелаешь.

— Grand rond! — громко раздается въ залѣ. Начинается котильонъ. Молодежь устремляется въ залъ. Открываютъ настежь огромныя окна, въ которыя видно море въ лунной чешуѣ и иллюминація на пляжѣ.

По пляжу, въ сопровожденіи двухъ флагъ-капитановъ, тихо идетъ адмиралъ. Къ нему опять быстро подходитъ дежурный флагъ-офицеръ и подаетъ телеграмму. Адмиралъ опять читаетъ молча и идетъ на пристань. Тамъ, ярко сверкая рубиновымъ и изумруднымъ отличительными огнями, его ждетъ адмиральскій катеръ.

Въ дверяхъ зала — сербскій капитанъ, ревнитель военно-морскихъ знаній.

— Какъ вамъ нравится у насъ? — спрашиваетъ его Миртовъ.

— Знаете, что? — отвѣчаетъ тотъ. — Мнѣ тридцать восемь лѣтъ, но я только вчера — въ морѣ, и сегодня — здѣсь увидалъ, что еще и не начиналъ жить.

Миртовъ двинулся было, чтобы пригласить на котильонъ блѣдную Лиду, но въ этотъ моментъ подошелъ флагъ-офицеръ.

— Слышали новость? — обратился онъ къ стоявшимъ у входа. — Убитъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ.

— Ну и слава Богу. Однимъ изъ главныхъ враговъ Рос-

сіи меньше. Теперь можно вздохнуть спокойно, — сказалъ кто-то.

— А можетъ быть и совсѣмъ наоборотъ, — возразили другіе.

— Кто убилъ? — упавшимъ голосомъ спросилъ сербскій капитанъ.

ДЫМЪ, ДЫМЪ, ДЫМЪ.

На «Рюрикѣ» въ адмиральскомъ кабинетѣ собрались флагманы и чины штаба. Всѣ сосредоточены и молчаливы. Передъ адмираломъ на столѣ мобилизаціонный часовикъ. Адмиралъ говоритъ тихо, но каждое его слово, какъ молотъ, падаетъ на сердце слушающихъ его людей.

— Мы не политики, но нашъ долгъ быть готовыми ко всему.

— Флотъ всегда мобилизованъ, — вставляетъ свое слово начальникъ штаба.

Адмиралъ сосредоточенно молчитъ и смотритъ на развернутую передъ нимъ карту, испещренную мобилизаціонными курсами и секретными фарватерами. Потомъ опять говоритъ тихо, отчеканивая каждое слово.

— Подъ предлогомъ маневровъ, линейный флотъ и миноносцы теперь же перейдутъ на Свеаборгскій рейдъ. Заградители, крейсера и прочія суда, подъ тѣмъ же предлогомъ, немедленно перейдутъ въ мобилизаціонныя базы и такимъ образомъ возможный сигналъ о мобилизаціи застанетъ всѣхъ уже на должномъ мѣстѣ и дальнѣйшее выполненіе мобилизаціоннаго плана получитъ весьма важное ускореніе. Я назначаю походъ на завтра въ пять часовъ утра. Сдѣлайте соотвѣтствующій сигналъ.

Чины штаба въ молчаніи расходятся по каютамъ. Флагманы отбываютъ на свои отряды.

На мачтахъ «Рюрика» начинаетъ мелькать клотиковый огонь, — флагманскіе сигнальщики даютъ сигналъ о походѣ.

**
*

На внѣшнемъ и внутреннемъ Свеаборгскомъ рейдѣ весь Русскій флотъ.

Съѣздъ на берегъ запрещенъ. Офицеры и команда въ полномъ составѣ на корабляхъ. Всѣ ждутъ таинственно краткаго радіо, которое рѣшитъ судьбу Россіи.

«Дымъ-дымъ-дымъ», — мобилизація.

«Огонь, огонь, огонь», — война.

Мелкія суда, не имѣющія радіо, смотрятъ на гротъ-мачту «Рюрика»: въ моментъ объявленія мобилизаціи адмиральскій флагъ будетъ замѣненъ особымъ флагомъ Командующаго флотомъ. Въ мирное время этого званія, такъ же какъ на сушѣ званія Командующаго Арміей, — не существуетъ.

Синяя рябь играетъ между сѣрыхъ стальныхъ громадъ. Вѣтеръ холодный, предосенній. По небу быстро плывутъ разорванныя облака.

Раннимъ утромъ заградители, тучные, какъ библейскіе быки, ушли куда то. Но сигнала о мобилизаціи все нѣтъ.

На ютѣ броненоснаго крейсера «Рюрикъ» маленькая, крѣпкая фигура адмирала. Живой и ясный взоръ его быстро скользитъ по кораблямъ. Нѣтъ «Андрея Первозваннаго», потерпѣвшаго небольшую аварію нѣсколько дней тому назадъ. Онъ въ Кронштадтѣ. Будетъ готовъ черезъ недѣлю. Но онъ нуженъ сегодня, сію минуту, для дѣла, ради котораго существуетъ флотъ, ради котораго жилъ, работалъ и учился его личный составъ.

Адмиралъ Эссенъ, безстрашный воинъ, рыцарь и герой Артура, мудрый флотоводецъ, которому Россія обязана возрожденіемъ своего флота, мѣрно ходитъ по юту «Рюрика», опустивъ по швамъ руки, чуждый манерности и позы.

Въ батарейной палубѣ начинается богослуженіе. Адмиралъ присутствуетъ на немъ, погруженный въ свои думы. Подъ конецъ службы къ нему тихонько подходитъ флагъ-ка-

питанъ съ синимъ листкомъ въ рукахъ. На листкѣ — три слова: «дымъ, дымъ, дымъ».

— Принесите флагъ, — приказываетъ адмиралъ.

Флагъ появляется немедленно. Его кладутъ на аналой. Священникъ читаетъ молитву и кропитъ его святой водой. Адмиралъ прикладывается ко Кресту, цѣлуетъ флагъ и говоритъ, обращаясь къ командиру:

— Этотъ флагъ вы подымете теперь и передъ боемъ. Если же меня постигнетъ смерть и могилой моей не будетъ море, то этимъ флагомъ вы покроете мои останки.

Играютъ большой сборъ. Офицеры и команда выстраиваются во фронтъ на ютѣ. Дуетъ холодный вѣтеръ, расправляя во всю ширину красивый флагъ Командующаго Флотомъ. Флагъ медленно подымается на гротъ-мачту. Навстрѣчу, внизъ, такъ же медленно спускается обыкновенный адмиральскій флагъ. На нокахъ рей сигналъ:

— «Дымъ, дымъ, дымъ. Оставаться на мѣстахъ».

Эти же слова невидимыя волны радіо-телеграфа разносятъ по всему Балтійскому морю и его портамъ.

Подымается новый сигналъ, приглашающій Начальника 2-й Минной Дивизіи. Контръ-Адмиралъ Курошъ прибываетъ на катерѣ черезъ пять минутъ и послѣ краткаго разговора съ Командующимъ Флотомъ отбываетъ къ себѣ на миноносцы.

Черезъ полчаса 2-я Минная Дивизія снимается съ якоря. Миноносцы длинной вереницей проходятъ черезъ Лангэрнъ и рѣжутъ корму флагманскому кораблю флота. Команды во фронтѣ. Командующій флотомъ здоровается съ каждымъ миноносцемъ. Въ отвѣтъ несется дружный хоръ:

— Здравь желаемъ, ваш-сок-стиль-ство, ура-а-а!

Голова колонны скрывается за островами, концевые миноносцы еще рѣжутъ корму. Ура протяжно и безостановочно несется, періодически прерываемое вскриками «здравія желаемъ, ваш-сок-стиль-ство». 2-я Минная Дивизія съ этой

ночи становится въ дозоръ и закроетъ собою входъ въ Финскій Заливъ.

Адмиралъ смотритъ вслѣдъ. На глазахъ его блестятъ слезы. Одинъ изъ Младшихъ Флагмановъ, прибывшій на «Рюрикъ», добивается свиданія съ адмираломъ по дѣлу, не соотвѣтствующему важности момента. Начальникъ Штаба останавливаетъ его:

— Вы видите — Командующій Флотомъ плачетъ, — тихо говоритъ онъ, оттѣсняя контръ-адмирала къ трапу.

Къ «Рюрику» подходитъ и держится на траверзѣ большой катеръ начальника охраны рейдовъ. Дежурный флагъ-офицеръ беретъ мегафонъ и громкимъ голосомъ передаетъ на катеръ:

— Командующій Флотомъ повелѣлъ сегодня потушить всѣ маяки, створные огни, мигалки и свѣтящіеся буи.

— Есть, — отвѣчаютъ съ катера и катеръ отходитъ. Торжественно и необычно звучитъ дотолѣ не употребительное слово «повелѣлъ».

На «Рюрикѣ» новый сигналъ:

— «Финляндскому генералъ-губернатору. Съ сегодняшняго дня прекращается коммерческое и пассажирское мореплаваніе въ Балтійскомъ морѣ, шхерахъ и заливахъ».

Центральная сигнальная станція отвѣчаетъ: «ясно вижу».

Подъ предводительствомъ начальника охраны рейдовъ выходитъ боновая партія. Цѣлая флотилія мелкихъ судовъ работаетъ до вечера у окраинъ рейда. Рейдъ медленно затягивается длинной змѣевидной линіей боновъ.

ПЕРВЫЕ ВЫСТРѢЛЫ

Вотъ уже ровно мѣсяцъ, какъ 5-й и 6-й дивизіоны миноносцевъ, базируясь на Лапвикъ, — опорный шхерный пунктъ для миноносцевъ, — держатъ ночные дозоры, крейсируя поперекъ Финскаго Залива между банками Олегъ и Апполонъ.

Они работаютъ въ двѣ смѣны. Поочередно — одну ночь проводятъ въ морѣ, другую отдыхаютъ, готовые сняться съ якоря въ любой моментъ.

Осеннее море реветъ. Равноденственные штормы треплютъ нѣжные корпуса миноносцевъ и расшатываютъ механизмы. Нервно стучатъ машины, требующія отдыха и переборки, грѣются подшипники, паръ просвистываетъ сквозь фланцы. Люди извелись и устали.

Непріятеля не видно и не слышно. Но онъ близко. Тѣнь его витаетъ совсѣмъ рядомъ...

На дняхъ штормъ разбушевался съ такой силой, что меньшіе водоизмѣщеніемъ миноносцы 6-го дивизіона не смогли держаться противъ волны и провели ночь подъ защитой каменистой гряды у входа въ Гангэ. Гудѣло море и на слѣдующій день, точно заключивъ союзъ съ притаившимся врагомъ.

И наблюдательные посты донесли, что видятъ посторонніе дымы, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ наши миноносцы обычно держали свою завѣсу. Линейный флотъ, стоя у центральной позиціи, насторожился, готовый каждую минуту къ бою. Но дымы исчезли такъ же неожиданно, какъ появились.

Постамъ службы связи показалось, что среди этихъ дымовъ высился странный силуэтъ, похожій на паромъ. Можетъ быть, просто переутомилось зрѣніе и перенапряглись нервы. Но всѣ посты показывали одно и то же.

Молчаливый заходъ непріятельскихъ судовъ въ наши воды могъ означать только одно, — постановку минъ. А потому на слѣдующій день, когда волна немного стихла, — длинной, вьющейся между каменистыми островками лентой потянулись въ море тральщики и миноносцы.

На мостикѣ тральщика «Проводникъ» — лейтенантъ Князевъ, только что покинувшій миноносцы, гдѣ онъ былъ групповымъ миннымъ офицеромъ, — захотѣвшій посвятить себя новой, интересной и особенно опасной службѣ.

Выйдя на свободную воду, тральщики сейчасъ же стали въ пары и двинулись по направленію, указанному наблюдательными постами.

Миноносцы повернули въ открытое море и вѣеромъ разошлись въ дозоръ.

Круглая, умягченная зыбь размашисто ходила по морю гладкими стальными валунами. Миноносцы, раскачиваясь на зыби, то легко вздымались на холодный, гладкій гребень, то зарывались носомъ въ воду, отбрасывая по бортамъ шипящую, клокочущую пѣну.

На линіи Апполонъ-Олегъ миноносцы дали малый ходъ и, не теряя другъ друга изъ виду, стали медленно передвигаться отъ норда къ зюду и обратно, наблюдая за тою частью горизонта, откуда можно было ожидать появленія врага.

На маломъ ходу зыбь переносилась трудно. Килевая и боковая качка, слагаясь съ поступательнымъ ходомъ впередъ, создавали винтообразное движеніе, которое, по выраженію сигнальщиковъ, ломило глаза и выматывало душу. Отъ холоднаго вѣтра ныло въ вискахъ. Монотонно и снотворно журчала за бортомъ пѣна.

Начальникъ дивизіона спустился внизъ. Командиръ миноносца «Видный», флагъ-офицеръ и вахтенный начальникъ

остались на мостикѣ. Крѣпко держась за поручни, они вглядывались въ горизонтъ и жадными взорами искали невидимаго врага. Но горизонтъ былъ пустъ. Темно-стальное море четкой линіей отдѣлялось отъ блѣдно-голубого неба, по которому снѣжными громадами неслись бѣлыя кучевыя облака.

— Пятую недѣлю болтаемся, какъ въ проруби, и хоть бы разъ непріятеля увидѣли, — ворчалъ командиръ, сердито попыхивая папиросой. — Болтались ночью, а теперь еще и днемъ. «Ни сна, ни отдыха измученной душѣ»... — пропѣлъ онъ неподражаемымъ козлитономъ.

Миноносецъ окунулся носомъ въ воду и волна заплеснула мостикъ. Командиръ, отряхиваясь, гнѣвно бросилъ вымокшій окурокъ и отвелъ душу крѣпкой бранью.

— Даже покурить не дастъ, такъ ее и разэтакъ...

Миноносецъ осѣлъ кормой, накренился, медленно перевалился на другой бортъ и, рыскнувъ по волнѣ въ сторону, опять грузно зарылся носомъ въ воду. Правый винтъ, выскочивъ изъ воды, быстро замелькалъ въ воздухѣ, разбрызгивая пѣну и сотрясая миноносецъ. Одинъ изъ сигнальщиковъ, украдкой наклонился за бортъ.

— Тэкъ, тэкъ, — замѣтилъ командиръ. — Блевать блюй, а службу исполняй. Это тебѣ не москательная торговля. Скабской что ли?

— Калуцкій, вашсокродь.

— То-то и оно. Не принюхался еще къ водѣ. Ты не смотри, умная твоя голова, какъ размахиваетъ. Смотри только вдаль: качку меньше замѣчать будешь... канатная твоя фабрика. Господа, — повернулся онъ къ офицерамъ. — Вы можете идти пить чай, если что-нибудь изъ этого выйдетъ. Когда будетъ нужно, я вызову васъ наверхъ. А пока нѣтъ надобности всѣмъ сразу расходовать свои силы.

Офицеры спустились въ каютъ-компанію. Внизу качка чувствовалась еще сильнѣе. Со стола убраны были всѣ предметы. Кожаныя подушки съѣхали съ дивана на полъ и медленно ползали подъ столомъ, застревая между ножекъ. Уныло

скрипѣлъ посудный шкапъ. Въ каютъ-компаніи стоялъ зеленоватый сумракъ, который то свѣтлѣлъ, то вдругъ сгущался, когда иллюминаторы погружались въ воду.

Вѣстовой, разъѣзжаясь ногами по полу и хватаясь за встрѣчные предметы, подалъ офицерамъ по полъ стакана чаю, который они приняли въ руки, такъ какъ на столѣ ничто не держалось.

Отъ перебоя поминутно обнажавшихся винтовъ все внутри миноносца дрожало тяжелой металлическою дрожью.

Разговоръ не клеился. Миноносецъ вдругъ повалился на бокъ и иллюминаторы ушли такъ глубоко, что въ каютъ-компаніи стало совсѣмъ темно. Сидѣвшіе на диванѣ офицеры почувствовали, что они лежатъ. Но въ слѣдующее же мгновенье миноносецъ перевалился на другой бортъ. Ножки стола съ трескомъ вырвались изъ мѣдныхъ гнѣздъ и столъ грузно перевернулся вверхъ ногами. Сидѣвшіе на диванѣ автоматически встали й, махнувъ рукой, отправились въ каюты.

Но и въ каютѣ было не многимъ лучше. Лежавшій на койкѣ ясно чувствовалъ стремительное перемѣщеніе центра тяжести своего тѣла отъ головы къ ногамъ и обратно. Голова то тяжело наѣзжала на подушку, а ноги уходили куда то вверхъ, то вдругъ испытывала противную легкость и отставала отъ подушки, а ноги крѣпко становились на стѣнку шкапа.

Флагъ-офицеръ силился уснуть, чтобы отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія качки, но пребывалъ лишь въ состояніи тяжелой дремоты. Съ фотографіи, висѣвшей передъ нимъ, большими ясными глазами на него смотрѣла женская головка, осѣненная густыми свѣтлыми кудрями. Когда онъ открывалъ глаза, то неизмѣнно встрѣчался съ нею взоромъ.

— О, если бы ты знала... — прошепталъ онъ, наѣзжая головой на переборку. Глаза его сомкнулись. Миноносецъ затряссся отъ перебоя.

— «Рояль былъ весь раскрытъ и струны въ немъ дро-

жали»..., зазвенѣла въ его головѣ пріятная мелодія сентиментальнаго романса.

Сквозь закрытыя вѣки флагъ - офицеру привидѣлись иныя, мирныя, картины. Онъ быстро катился подъ горку на автомобилѣ. По сторонамъ дороги вдоль палисадниковъ, — бѣлыя благоухающія розы. И розы въ рукахъ и на шапочкѣ у его сосѣдки. Автомобиль быстро скатился внизъ и сталъ подыматься въ гору, такую крутую, что онъ невольно откинулся на спинку и ноги его поднялись кверху. Ему стало неловко и страшно за сосѣдку...

Дверь отодвинулась со скрипомъ.

— Вашсокродь, — услышалъ онъ. — Начальникъ дивизіона проситъ васъ наверхъ.

Флагъ-офицеръ вскочилъ, надѣлъ пальто и выбѣжалъ наверхъ, крѣпко цѣпляясь за поручни уходившаго изъ подъ ногъ трапа.

Едва удерживаясь на ногахъ, онъ поспѣшилъ на мостикъ, съ наслажденіемъ вдыхая чистѣйшій морской воздухъ и стараясь быть совершенно бодрымъ.

— Честь имѣю явиться, — сказалъ онъ начальнику дивизіона.

— Хе-хе-хе, — добродушнымъ смѣхомъ встрѣтилъ его командиръ. — Притворяется, будто не спалъ. Ну, ладно, ладно. Посмотрите-ка вонъ туда, — махнулъ онъ рукою къ горизонту.

Флагъ-офицеръ взглянулъ черезъ лѣвое крыло мостика и увидѣлъ три черныхъ дыма со стороны открытаго моря.

— Наконецъ-то! вырвалось у него. Приложивъ къ глазамъ бинокль, онъ сталъ внимательно разглядывать дымы.

— Ну что? — спросилъ у него начальникъ дивизіона.

— По обстановкѣ, данной намъ отъ службы связи, тамъ нѣтъ нашихъ кораблей. Значитъ это непріятель.

— Такъ. Дайте мнѣ телеграфный бланкъ.

И начальникъ дивизіона размашистымъ почеркомъ напи-

салъ радіо-телеграмму: «Вижу непріятеля въ квадратѣ № 85. Курсъ — остъ».

— Зашифруйте и отправьте поскорѣе, — велѣлъ онъ.

— Телеграфиста на мостикъ! — крикнулъ командиръ.

Флагъ-офицеръ вынулъ секретный кодъ и быстро зашифровалъ телеграмму. Телеграфистъ стремглавъ побѣжалъ въ радіо-рубку.

— Семенъ Ильичъ, — обратился начальникъ дивизіона къ командиру. — Ворочайте навстрѣчу, чуть уклоняясь влѣво, чтобъ увидѣть профиль. Давайте полный ходъ.

Миноносецъ повернулъ на зюдъ-остъ. Звякнулъ машинный телеграфъ и черный дымъ густо повалилъ изо всѣхъ трубъ. На большомъ ходу качка сразу уменьшилась.

Непріятель продолжалъ идти прежнимъ курсомъ. Черезъ нѣсколько минутъ стала видна вся колонна. Впереди виденъ былъ силуэтъ легкаго крейсера, истребителя миноносцевъ.

— Кто это? — спросилъ начальникъ дивизіона.

— Крейсеръ типа «Аугсбургъ».

— Тогда намъ тутъ дѣлать нечего. Давайте на Партію Траленія. Надо предупредить, чтобы сматывали манатки.

Офицеры, приложивъ къ глазамъ бинокли, неотступно слѣдили за непріятельскимъ крейсеромъ. Миноносецъ, вибрируя отъ большого числа оборотовъ, мчался по направленію къ Партіи Траленія, мѣсто которой отмѣчалось въ восточной части горизонта тоненькими струйками дыма.

Непріятель шелъ позади слѣва, слегка нагоняя миноносецъ. Подъ первой трубой непріятельскаго крейсера сверкнулъ зеленоватый огонекъ и, двадцать секундъ спустя, недалеко отъ миноносца легкимъ фонтаномъ поднялся изъ воды высокій бѣлый всплескъ, медленно растаявшій на вѣтру.

— Первый выстрѣлъ по Русскому Флоту, — сказалъ командиръ.

Сейчасъ же вслѣдъ за первымъ поднялось еще три всплеска, одинъ за другимъ, ближе, ближе, — точно кто то, не-

видимый, легкой поступью подбѣгалъ къ миноносцу, исторгая изъ волнъ дымчато-бѣлые, тающіе въ воздухѣ фонтаны.

— Послѣ перваго перелета можно будетъ поздравить васъ, господа, съ боевымъ крещеніемъ, — сказалъ командиръ офицерамъ.

— Дайте телеграмму: «иду на соединеніе съ Партіей Траленія. Непріятель меня преслѣдуетъ», — приказалъ начальникъ дивизіона.

Миноносецъ мчался полнымъ ходомъ, не отвѣчая на выстрѣлы непріятеля, такъ какъ разстояніе до него на много превышало дальность выстрѣла 75-ти миллиметровыхъ пушекъ, которыми миноносецъ былъ вооруженъ.

Разстояніе увеличилось еще. Непріятель прекратилъ огонь, но продолжалъ слѣдовать за миноносцемъ. Струйки дыма тралящаго каравана приблизились. Стали видны крошечные силуэты, сбившіеся на небольшомъ пространствѣ. Изъ самой ихъ середины поднялся вдругъ высокій бѣлый столбъ, надолго остановившійся надъ горизонтомъ. Всѣ повернули на него свои бинокли. Столбъ медленно таялъ въ воздухѣ. По обѣ его стороны обнажились два красныхъ конуса непонятнаго вида.

— Это взорвалась мина, — сказалъ флагъ-офицеръ. — Но что значатъ эти конусы?

Въ молчаливомъ напряженіи всѣ старались разгадать загадку.

— Знаете что? Это погибъ одинъ изъ тральщиковъ. Онъ разорвался пополамъ и мы видимъ отдѣльно его носъ и корму, погружающіеся въ воду и повернутые къ намъ подводной частью.

— Ну вотъ, что за страхи вы разсказываете, — возразилъ кто то.

— Не страхи, а такъ и есть, — согласился командиръ. — Сразу видно, что не крестились мы еще боевымъ крещеніемъ: по мирной привычкѣ ищемъ благополучнаго исхода.

Разорвавшійся силуэтъ исчезъ подъ водою.

— Утонулъ, — тихо проговорилъ начальникъ дивизіона, приподнявъ фуражку. — Пошлите сказать механику, чтобы далъ максимальный ходъ. Можетъ быть они не приняли нашей телеграммы. Надо скорѣй сблизиться и отправить ихъ домой. Поднимите сигналъ — «возвратиться».

Сигнальщики засуетились. Механикъ самъ явился на мостикъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, спѣшно спустился въ кочегарки. Густой дымъ жирными, тяжелыми клубами повалилъ изъ трубъ. Нервно и протяжно завыли вентиляторныя машинки, усиливая тягу. До тралящаго каравана оставалось около 35-ти кабельтовъ, что составляло десять минутъ ходу.

Наконецъ стало видно, что съ головного тральщика семафорятъ. Сигнальщики схватились за флажки, чтобъ отвѣчать. Флагъ-офицеръ самъ началъ читать семафоръ.

— Что они говорятъ? — нетерпѣливо спрашивалъ начальникъ дивизіона.

— Не видно. Дымъ мѣшаетъ.

— Отведите немного къ зюду, — приказалъ начальникъ дивизіона.

Командиръ измѣнилъ курсъ.

— Теперь видно?

— Да... «Вы... идете... по...» — не понялъ. Сигнальщики, отмахните — «не понялъ». «Вы... идете...» — сигнальщики, сдѣлайте «ясно вижу». «Вы идете по... минному... полю...»

— Застопорьте машины, — приказалъ начальникъ дивизіона.

Звякнулъ машинный телеграфъ.

— Комендоры носового орудія — на бакъ, — крикнулъ командиръ. — На самый форштевень! смотрѣть въ воду и докладывать, что видно въ водѣ.

Комендоры соскользнули съ орудійной площадки и, вцѣпившись въ поручни, уставились глазами въ воду.

— Дайте самый малый ходъ. Надо выбираться.

— Слѣва мина! съ колпаками! — закричалъ одинъ изъ комендоровъ.

— Право руля, — приказалъ командиръ.

— Прямо по носу мина! — крикнулъ другой.

— Больше право, — приказалъ командиръ рулевому. — Юрій Федоровичъ, спуститесь сами на бакъ и докладывайте о минахъ, — повернулся командиръ къ вахтенному начальнику.

Миноносецъ тихо двигался впередъ. Паръ, нагнетенный въ котлахъ для самаго большого хода, не находя себѣ употребленія въ машинѣ, сталъ густыми бѣлыми струями стремительно вырываться черезъ предохранительные клапаны. Оглушительное шипѣніе засверлило уши.

— Не слышу! — надорваннымъ голосомъ кричалъ вахтенному начальнику командиръ. Вахтенный начальникъ показалъ рукою влѣво. Сразу вспотѣвшій рулевой завертѣлъ штурвалъ.

— Одерживай, — остановилъ его командиръ. — Не раскатывай корму.

Наклонившись черезъ поручни, начальникъ дивизіона съ командиромъ смотрѣли, какъ по лѣвому борту, уплывая назадъ, тихо колебался подъ водою цѣлый букетъ рогатыхъ минъ, точно связанныхъ вмѣстѣ.

Миноносецъ медленно прошелъ между тральщиками и вышелъ на свободную воду подъ кормою ихъ начальника, собиравшаго къ себѣ свою славную стаю.

— Вы чудомъ прошли черезъ сѣверный уголъ миннаго поля, — сказалъ въ рупоръ начальникъ Партіи Траленія. — У насъ взорвался тральщикъ «Проводникъ». «Прочный» спасаетъ команду.

— Возвращайтесь! — крикнулъ въ отвѣтъ начальникъ дивизіона. — Подходитъ непріятель. Я останусь здѣсь, пока не будутъ подняты люди.

Въ этотъ моментъ два бѣлыхъ фонтана стремительно

взлетѣли изъ воды по обѣимъ сторонамъ концевого тральщика, не успѣвшаго убрать свои тралы.

Опять всѣ бинокли устремились на непріятеля, который, развернувшись всѣмъ бортомъ, сталъ обстрѣливать тралящія суда съ разстоянія, недосягаемаго для артиллеріи миноносца. Онъ не подходилъ ближе, опасаясь миннаго поля, раздѣлявшаго его и тралящій караванъ. Охраняемый двумя большими миноносцами онъ, спокойно застопоривъ машины, открылъ бѣглый огонь. Концевой тральщикъ «Якорь» весь закрылся всплесками отъ падавшихъ вокругъ него снарядовъ. Зеленые огоньки бѣгали по борту непріятельскаго крейсера. Глухо гремѣли отдаленные выстрѣлы. Вокругъ отставшаго тральщика цѣлымъ лѣсомъ выростали все новые и новые каскады. Его вовсе не стало видно.

— Конецъ, — мрачно произнесъ начальникъ дивизіона и сталъ смотрѣть на миноносецъ «Прочный», оставленный съ утра при Партіи Траленія для связи. Не смущаясь падающими вокругъ снарядами, «Прочный» продолжалъ спасать едва державшихся на водѣ людей.

Стрѣльба вдругъ затихла. Всѣ невольно устремили взоры на тральщикъ, покрытый всплесками отъ безпрерывно падавшихъ снарядовъ. Сквозь мутную завѣсу медленно таявшихъ каскадовъ тихо выдвинулся темный силуэтъ, спокойно продолжавшій свой путь впередъ.

— Живъ курилка! — воскликнулъ вахтенный начальникъ.

— Не шутите въ такую минуту, — строго замѣтилъ командиръ, — тамъ могутъ быть раненые и убитые.

Непріятель вдругъ круто повернулъ и, сильно задымивъ, сталъ быстро уходить на вестъ.

— Почему это? — подумалъ флагъ-офицеръ и, медленно осмотрѣвъ въ бинокль горизонтъ, увидалъ на фонѣ шхеръ крейсера «Макаровъ» и «Баянъ», шедшіе полнымъ ходомъ на пересѣчку курса непріятельскимъ судамъ. Слегка искаженные рефракціей сѣрые силуэты крейсеровъ казались растя-

нутыми и осѣвшими носомъ, точно они уходили въ воду. И на мгновенье показалось флагъ-офицеру, что все это происходитъ на странномъ, неживомъ, какъ бы внѣчувственномъ экранѣ. И эти крейсера, точно нарисованные на далекой декораціи, и вся эта движущаяся панорама, въ центрѣ которой стонутъ и умираютъ люди.

Тральщики вытянулись въ длинную колонну, направляясь въ шхеры.

Подошелъ «Прочный».

— Всѣхъ подобрали? — спросилъ начальникъ дивизіона въ рупоръ.

— Поднялъ семнадцать человѣкъ, — отвѣтилъ голосъ съ «Прочнаго». — Погибъ лейтенантъ Князевъ и съ нимъ двѣнадцать человѣкъ команды.

БОЙ У ЭСТЕРГАРНА

1-ая бригада крейсеровъ: «Адмиралъ Макаровъ», «Баянъ», «Олегъ» и «Богатырь» — уже два мѣсяца стоитъ на стратегическомъ рейдѣ — Люмъ у выхода въ Балтійское море, чтобы въ случаѣ проникновенія непріятеля въ Финскій Заливъ отрѣзать его съ тыла.

Время тянется томительно скучно.

Отцвѣли ландыши и незабудки, своею скромной красотою такъ оживлявшіе суровую финляндскую природу. Кругомъ — гранитные мшистые острова, поросшіе сосною. Безлюдье. Лишь рѣдкія рыбачьи хижины среди дикихъ скалъ и мрежи на пустынномъ берегу.

Сегодня, — 17-го іюня, что то важное творится въ отрѣзанныхъ отъ судовой жизни командирскихъ кабинетахъ. Командиры только что вернулись отъ начальника бригады и немедленно же пригласили къ себѣ старшихъ офицеровъ и старшихъ спеціалистовъ. Прочіе офицеры съ терпѣливымъ любопытствомъ ждутъ въ каютъ-компаніи.

За круглымъ столикомъ ведутъ нескончаемую игру въ трикъ-тракъ. Подъ аккомпаниментъ піанино шумно распѣваютъ «Типерери».

Игуменъ Вассіанъ мирно дремлетъ въ креслѣ послѣ сытнаго обѣда, распустивъ вѣеромъ сѣдую бороду на полномъ животѣ.

Около него двое шахматистовъ въ трудные моменты съ пафосомъ декламируютъ морскую поэму о Сидоніи Мединѣ и о сватовствѣ Филиппа.

— Но королева была упряма 6
И имъ сказала прямо,
Что это сватовство —
Одно лишь хвастовство.

Игуменъ, не подымая отяжелѣвшихъ вѣкъ, грустно вздохнулъ.

И, вильнувъ пышнымъ задомъ,
Пошла отъ нихъ садомъ.
Дала въ морду дежурному лорду
И сося пеперменты,
Удалилась во внутренніе аппартаменты.

Игуменъ поднялъ вѣки.

— И что за охота вамъ гадости декламировать, — мрачно сказалъ онъ.

— А вы, батя, зачѣмъ слушаете. Шли бы къ себѣ въ каюту да помолились.

Игумена не очень уважали, такъ какъ былъ онъ нѣсколько сонливъ, любилъ покушать и въ религіозной области ничѣмъ себя не проявлялъ.

Въ эту минуту старшій офицеръ и старшіе спеціалисты съ таинственнымъ видомъ вошли въ каютъ-компанію. Взоры всѣхъ обратились на нихъ. Музыка, декламація, шахматы и трикъ-тракъ сразу прекратились.

— Господа, я могу поздравить васъ съ предстоящей боевой операціей, — сказалъ старшій офицеръ и, занявъ свое предсѣдательское мѣсто, кратко изложилъ офицерамъ суть предстоящаго дѣла.

Штабъ Флота получилъ агентское сообщеніе, что 19-го числа весь германскій флотъ собирается на смотръ въ Килѣ. Поэтому 1-ой бригадѣ крейсеровъ приказано сегодня же вечеромъ выйти въ Балтійское море и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня бомбардировать Мемель. Каждый крейсеръ получаетъ свой секторъ для обстрѣла. Плутонговымъ командирамъ на-

длежитъ немедленно обсудить съ артиллеристами планъ веденія стрѣльбы. Вечеромъ на смѣну крейсерамъ придетъ 2-я бригада и займетъ ихъ мѣсто на Люмскомъ рейдѣ. Въ морѣ къ крейсерамъ присоединится «Рюрикъ» и миноносцы.

Воодушевленіе сразу овладѣло всѣми. До вечера, склонившись надъ планомъ Мемеля, плутонговые командиры изучали цѣль обстрѣла.

А передъ заходомъ солнца на стратегическомъ шхерномъ фарватерѣ показались огромные силуэты «Громобоя» и «Россіи», за ними «Діана» и «Аврора».

Обмѣнявшись привѣтственными сигналами и визитами адмираловъ, 1-я бригада снялась съ якоря и, спустившись до самаго выхода въ море у острова Утэ, пошла шхерами на остъ, дабы создать у нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ, дежурившихъ около Утэ, впечатлѣніе ухода въ тылъ послѣ смѣны.

На другомъ стратегическомъ рейдѣ, у острова Эрэ, крейсера застали линейные корабли «Цесаревичъ» и «Славу», посланные сюда на случай, если крейсера, столкнувшись въ морѣ съ болѣе сильнымъ врагомъ, будутъ имѣть необходимость въ поддержкѣ.

Створные огни на Эрэ вспыхнули на полчаса, чтобы дать возможность крейсерамъ подъ покровомъ ночи выбраться изъ шхеръ въ море и — по миновеніи надобности — потухли.

На разсвѣтѣ, въ легкой мглѣ, со стороны Финскаго Залива показался красавецъ «Рюрикъ». Встрѣча съ нимъ была расчитана математически точно. Лаконическимъ сигналомъ адмиралъ приказалъ ему быть концевымъ. «Рюрикъ» подоспѣлъ на рандеву прямо изъ Кронштадта, гдѣ онъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ чинился послѣ тяжелой аваріи, понесенной имъ зимою во время похода съ минами къ нѣмецкимъ берегамъ.

Утромъ крейсера вышли въ открытое море. Курсъ на Мемель. Корпуса ихъ дрожатъ и точно дышатъ, запыхавшись отъ полнаго хода.

Но какъ бы ни шуровали кочегары, какъ ни старались

машинисты, — передъ крейсерами 300 миль пути. Они вынуждены идти весь день совершенно открыто. И если въ морѣ нѣтъ большого непріятельскаго флота, то всегда есть дежурныя подводныя лодки, которыя или атакуютъ или предупредятъ по радіо о движеніи нашихъ судовъ къ непріятельскимъ берегамъ. Трудно, невозможно почти, думать, что крейсера нагрянутъ къ Мемелю врасплохъ.

И вотъ сама природа неслышно становится на нашу сторону въ этой жуткой игрѣ на жизнь и смерть. Легкая завѣса тумана опускается вокругъ. И весь день крейсера идутъ по спокойному морю, какъ въ шапкѣ невидимкѣ, скрытые отъ нескромныхъ взоровъ и отъ ударовъ изъ подъ воды.

Къ вечеру туманъ густѣетъ. Концевые корабли колонны, — «Рюрикъ» и присоединившійся къ намъ днемъ «Новикъ», — давно уже не видны. По законамъ мореплаванія въ туманѣ всѣ корабли должны идти малымъ ходомъ, давая о себѣ знать сиреной черезъ каждую минуту. Теперь смѣшно даже вспоминать объ этомъ. Крейсера продолжаютъ свой мощный бѣгъ — въ густомъ туманѣ и въ темнотѣ. Каждый крейсеръ видитъ передъ собой только слабо мигающій кильватерный огонь, исчезающій сейчасъ же, какъ только идущій сзади выйдетъ изъ кильватерной струи. А найти потомъ трудно, иногда и невозможно. Поэтому чрезвычайное напряженіе царитъ на мостикахъ. Рулевые вцѣпившись въ мѣдные пальцы штурваловъ, чутко держатся за огонекъ. Вахтенные начальники, не выпускаютъ изъ рукъ шнура, условными звонками прибавляя или убавляя по 5-10 оборотовъ машины, чтобы нагнать или слегка отстать въ случаѣ сближенія или удаленія.

Вахта страшно трудна въ такой моментъ. Командиры не покидаютъ рубки. Штурмана слѣдятъ за каждой пройденной милей. Комендоры спятъ у своихъ пушекъ.

На верхней палубѣ потушены всѣ огни. Гробовая тишина. Широкая пѣнистая дорога миріадами влажныхъ искръ сте-

лется за кораблями. Журчатъ забортныя струи. Море точно дышетъ въ спокойномъ, тихомъ снѣ.

Вдругъ яркое пятно свѣта блеснуло слѣва. Всѣ насторожились. Каждый на своемъ мѣстѣ и каждый, какъ натянутая струна...

Невозможно рѣшить, что это. Догадки безполезны. На адмиральскомъ кораблѣ замигалъ зеленый огонекъ: «ворочаю вправо». Сигналъ немедленно пробѣжалъ по всей колоннѣ съ крейсера на крейсеръ. Теперь только бы не оторваться другъ отъ друга на поворотѣ. Найти потерянное мѣсто въ туманѣ невозможно.

«Баянъ» благополучно повернулъ за адмираломъ, не выйдя носомъ изъ кильватерной струи. Въ этотъ моментъ, слѣва, въ мутномъ сумракѣ ночи промелькнули два силуэта.

Въ закрытыхъ палубахъ сдавленно протрубили горны. Боевая тревога. Команда неслышной поступью, босикомъ, разбѣжалась по мѣстамъ. Спѣша на мостикъ, младшій штурманъ натолкнулся у машинныхъ люковъ на темную фигуру. Присмотрѣвшись, увидѣлъ, что это игуменъ Вассіанъ, въ епитрахили, съ кропиломъ. Младшій штурманъ улыбнулся. Онъ думалъ, что игуменъ спитъ. Но вотъ — онъ на посту по боевой тревогѣ. Нѣсколько капель святой воды упало лейтенанту на лицо, принеся съ собой таинственно обновляющую свѣжесть.

На мостикѣ глубокое молчаніе. Бригада идетъ измѣненнымъ курсомъ, уклоняясь отъ возможныхъ встрѣчъ, чтобы не опоздать отдать Мемелю свой страшный салютъ на разсвѣтѣ.

Слабымъ миганіемъ ратьера адмиралъ запрашиваетъ по линіи о составѣ колонны. Запросъ быстро передается съ крейсера на крейсеръ. «Рюрикъ» и «Новикъ», бывшіе концевыми, — не отвѣчаютъ. Оторвались во время неожиданнаго поворота. Неудачный маневръ. Бригада лишилась своего сильнѣйшаго корабля. Но цѣль дана и адмиралъ ведетъ къ ней корабли, безъ колебаній.

Кругомъ туманъ; капельки росы влажной пылью осѣли на башняхъ, пушкахъ и надстройкахъ, и, если приложить къ нимъ руку, тоненькія струйки побѣгутъ въ рукавъ.

Старшій офицеръ вызываетъ наверхъ всѣхъ офицеровъ. До Мемеля близко. Можетъ быть придется пройти черезъ сторожевую цѣпь. Офицеры группами прогуливаются по юту. Ночная сырость прохватываетъ насквозь. Покуриваютъ въ кулакъ, такъ какъ всякій огонь снаружи запрещенъ.

Мемель близко, но онъ закрытъ туманомъ. Дальше идти нельзя. Можно наскочить на сѣти и боновыя загражденія.

Адмиралъ передаетъ сигналъ: «буду крейсировать между Мемелемъ и Хоборгомъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ туманъ».

Бригада поворачиваетъ и идетъ на Готландъ. Черезъ два часа ворочаетъ обратно. Командиръ и штурмана бодрствуютъ въ ходовой рубкѣ.

Тихонько стучитъ въ дверь телеграфистъ. Въ рубкѣ гасятъ свѣтъ и послѣ того, какъ телеграфистъ вошелъ и закрылъ дверь за собою, зажигаютъ снова. Командиръ принимаетъ радіо командующаго флотомъ. Штурмана расшифровываютъ ее по секретному коду.

«Въ квадратѣ 987 курсомъ 195 и ходомъ 22 узла идетъ крейсеръ «Аугсбургъ».

Штурмана сейчасъ же наносятъ на карту мѣсто непріятельскаго корабля и прокладываютъ его курсъ и скорость. Быстро рѣшается тактическая задача, требующая отвѣта на вопросъ, — какой курсъ должна взять бригада, чтобы встрѣтить «Аугсбургъ» въ 7 часовъ утра. Отвѣтъ — курсъ 295.

Но Командующій Флотомъ не даетъ приказанія о боѣ. Мемель или «Аугсбургъ» — рѣшитъ начальникъ бригады. Запрашивать ни о чемъ нельзя, такъ какъ телеграфированіе въ морѣ можетъ насъ обнаружить.

Скрытое волненіе охватываетъ всѣхъ въ штурманской рубкѣ. Рѣшеніе начальника бригады должно послѣдовать сію же минуту.

— Сигнальщикамъ смотрѣть въ оба, — приказываетъ старшій штурманъ изъ рубки на мостикъ по трубѣ.

Младшій штурманъ не выдерживаетъ, выходитъ изъ рубки, взлетаетъ на мостикъ и сквозь мокрую тьму видитъ прямо по носу слабое мерцаніе ратьера. Онъ знаетъ, что сигнальщики выше всякой похвалы и что они сигнала не пропустятъ, но все же читаетъ самъ. У него такъ сильно бьется сердце.

— Аз-Иже, Аз-Иже, — Адмиралъ показываетъ курсъ: — двѣсти... девяносто... пять...

Младшій штурманъ, обжигая руки о мокрыя поручни, скатывается съ мостика въ штурманскую рубку.

— Двѣсти девяносто пять! — почти кричитъ онъ, врываясь въ рубку, и конфузится, видя передъ собою командира.

Вахтенный начальникъ докладываетъ о сигналѣ по трубѣ.

На адмиральскомъ кораблѣ быстро мигаетъ красный огонекъ. Крейсера, не отрываясь отъ кильватерной струи, ворочаютъ влѣво и ложатся на курсъ 295. Итакъ — бой въ 7 часовъ утра. Командиръ приглашаетъ къ себѣ въ рубку старшаго артиллериста.

Вокругъ попрежнему легкій туманъ. Онъ можетъ быть причиною того, что встрѣча не состоится. Но крейсера придутъ къ мѣсту боя, какова бы ни была погода. Бой, точно по расписанію, назначенъ въ 7 часовъ утра. Еще есть время отдохнуть. Младшій штурманъ спускается внизъ и, несмотря на томящія его волненіе и любопытство, быстро засыпаетъ.

Гулкою дробью постукиваетъ рулевая машинка. Поворчитъ и отдохнетъ. Опять поворчитъ и снова отдохнетъ. Легко спится подъ ея ворчанье. Но вотъ и другой стукъ. Слегка дребезжитъ дверь. Вѣстовой просовываетъ въ каюту голову и, подергивая штурмана за полу пальто, внушительнымъ шопотомъ докладываетъ; — Вашсокродь, — боевая тревога!

Лейтенантъ мгновенно вскакиваетъ и вылетаетъ наверхъ. «Что такъ рано», — думается ему.

Но наверху уже разсвѣло. Туманъ отодвинулся далеко къ горизонту. Волны рябятъ стальною чешуей. Солнце лѣ-

ниво проглядываетъ черезъ прозрачную пелену тумана и золотитъ крылья чаекъ, плавающихъ въ воздухѣ вокругъ кораблей.

Подъ полубакомъ бьютъ пять склянокъ. Половина седьмого. Офицеры и команда на мѣстахъ. Медленно ворочаются башни, провѣряя механизмы. Въ батарейной палубѣ щелкаютъ тяжелые затворы. Дальномѣрщики вращаютъ на тумбѣ Баръ и Струдъ, зорко вглядываясь въ горизонтъ.

Въ боевой рубкѣ артиллеристы надѣваютъ свою сбрую, — широкій поясъ съ кронштейномъ, поддерживающимъ у подбородка переговорную трубу, наушники съ микрофономъ, бинокли съ градуированнымъ полемъ зрѣнія.

Командиръ и старшій штурманъ впереди штурвала смотрятъ въ узкую, горизонтально вырѣзанную въ бронѣ щель. Младшій шурманъ сбоку, у откидного столика, прилаживаетъ карту съ прокладкой курса корабля.

Безъ десяти семь еще ничего нѣтъ. Можетъ ничего не будетъ.

Безъ пяти — легкое облачко дыма подымается надъ туманной полосой, стелющейся по горизонту. Крейсера идутъ точно расчитаннымъ курсомъ. Встрѣча неизбѣжна.

Прорѣзавшись черезъ туманную завѣсу, на горизонтѣ появляется трехъ-трубный крейсеръ.

— «Аугсбургъ»!

Указаніе Командующаго Флотомъ оказалось вполнѣ точнымъ. Впрочемъ не совсѣмъ. Позади «Аугсбурга» вытянулся вверхъ еще одинъ дымокъ. За нимъ третій, — четвертый, — пятый. «Аугсбургъ» не одинъ. Съ нимъ еще четыре корабля. Ихъ силуэты выступили изъ тумана и передъ бригадой крейсеровъ вытянулась цѣлая колонна.

На чьей сторонѣ сила, — еще сказать нельзя. Три концевыхъ силуэта кажутся приземистыми, растянутыми по водѣ... Можетъ быть дреднауты, а можетъ быть только миноносцы. Но рѣшеніе принято. Будетъ бой.

Изъ носовой башни «Макарова» сверкнулъ огонь. Гулко

разнесся по морю первый выстрѣлъ. Вызовъ брошенъ. Отступленіе невозможно.

— Разстояніе 80 кабельтовъ! передали изъ дальномѣрной рубки.

— Товсь, — нервно крикнулъ въ трубу старшій артиллеристъ, и, послѣ второго выстрѣла съ адмирала: — Пли!

«Баянъ» вздрогнулъ. Въ прорѣзи боевой рубки дохнуло теплой воздушной волной, едва не сорвавшей съ головъ фуражекъ. Тупая боль кольнула въ уши. Ординарецъ мичманъ пустилъ въ ходъ секундомѣръ. Снарядъ пролетитъ 80 кабельтовъ въ 25 секундъ. Корабль узнаетъ паденіе своего снаряда по секундомѣру, измѣряя время его полета.

Всѣ ждутъ. Пристрѣлка. Мичманъ молча слѣдитъ за бѣгущей стрѣлкой. Съ 20-ти начинаетъ считать вслухъ.

— Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре... Паденіе!

За «Аугсбургомъ» подымается бѣлый столбъ воды. Перелетъ.

— Два кабельтова меньше, — командуетъ старшій артиллеристъ.

— Пли...

— Двадцать одинъ, двадцать два... паденіе!

Столбъ закрываетъ цѣль. Недолетъ и вилка.

— Прицѣлъ 79, бѣглый огонь.

Башни начинаютъ самостоятельную стрѣльбу. Гулъ орудійныхъ выстрѣловъ наполняетъ воздухъ. Немыслимо говорить.

Сквозь тяжелый ревъ стрѣльбы послышался свистящій звукъ.

— Тій-йюпъ!

Подъ бортомъ «Баяна» встали три бѣлыхъ столба. Непріятельскій залпъ накрылъ его.

— Тій-йюпъ! слышится съ другого борта и сейчасъ же за этимъ металлическій трескъ и лязгающее мяуканье осколковъ отъ разорвавшихся снарядовъ.

Младшій штурманъ вспомнилъ о сигнальщикахъ, стоящикъ на мостикѣ открыто. Надо выйти къ нимъ.

Боевая рубка опять сотрясается отъ залпа. На нее каскадомъ летитъ водяная пыль. Зловѣщее мяуканье рѣжетъ ухо. Штурману немного страшно. Но выйти все же надо. Сигнальщики одни. Штурманъ оставляетъ свое мѣсто въ боевой рубкѣ и выходитъ на открытый воздухъ.

— Тій-йюпъ!.. тій-йюпъ!.. слышится вокругъ. Мостикъ окутанъ облакомъ водяной пыли. Штурманъ смотритъ сквозь него на горизонтъ.

Нѣмецкая колонна растянулась. «Аугсбургъ», давъ полный ходъ, отошелъ впередъ. Передъ бригадой прямая цѣль — заградитель «Альбатросъ» и три миноносца. Огонь перенесенъ на нихъ. «Альбатросъ» въ густомъ лѣсу бѣлыхъ водяныхъ столбовъ. Ходъ его падаетъ. Валится мачта. Стрѣльба его слабѣетъ. Уже не слышно мяуканья подъ бортомъ. Миноносцы пытаются прикрыть его собой. Въ строѣ пеленга они отважно идутъ въ атаку на бригаду. Силуэты ихъ растутъ.

— Какъ красиво, — слышится сверху. Младшій штурманъ подымаетъ голову и видитъ на площадкѣ главнаго компаса ревизора, невозмутимо щелкающаго фотографическимъ аппаратомъ навстрѣчу непріятельскимъ снарядамъ.

Командиръ отдаетъ приказаніе младшему артиллеристу установить огневую завѣсу, бѣглый огонь на постоянный прицѣлъ 40 кабельтовъ и передъ атакующими миноносцами выростаетъ на этой дистанціи цѣлая стѣна водяныхъ столбовъ. Не рѣшаясь пройти сквозь эту стѣну, они выпускаютъ свои мины и ворочаютъ обратно. Отъ мѣста ихъ поворота потянулись по направленію къ крейсерамъ борозды быстро рѣжущихъ воду торпедъ. Слѣдуя движеніямъ адмирала, крейсера ворочаютъ навстрѣчу минамъ и вдогонку миноносцамъ. Мины, отмѣчая пѣнистыми струями свой бѣгъ, прошли благополучно между кораблями.

На мѣстѣ поворота миноносцевъ появилась полоса жир-

наго бѣлаго дыма. По водѣ, подъ дымомъ, протянулась полоса огня. Въ боевой рубкѣ высказывается предположеніе, что миноносцы отдѣлили себя отъ насъ газовой волной. Но, спустя минуту, крейсера проходятъ черезъ нее, не чувствуя вреда. То была лишь дымовая завѣса, которую нѣмецкіе миноносцы хотѣли прикрыть гибнущій «Альбатросъ».

Увидѣвъ, что цѣль не достигнута, миноносцы, обогнувъ бригаду, зашли съ противоположной стороны и повторили маневръ атаки, чтобы отвлечь крейсера отъ «Альбатроса». Крейсера снова отвѣтили огневой завѣсой и продолжали преслѣдовать «Альбатросъ».

Изрѣшетенный нашими снарядами, со сбитой мачтой и сильнымъ креномъ «Альбатросъ» повернулъ на обратный курсъ, пытаясь скрыться за островкомъ Эстергарнъ.

Младшій штурманъ неожиданно замѣтилъ, что горизонтъ очистился вполнѣ и невдалекѣ открылись берега острова Готландъ.

— Съ «Макарова» семафоръ: — «Баяну» отрѣзать непріятеля съ норда», — громко доложилъ сигнальный старшина.

«Баянъ», круто положивъ руля, повернулъ за «Альбатросомъ», чтобы взять его подъ обстрѣлъ съ сѣверной стороны островка, куда тотъ хотѣлъ укрыться.

— Подходимъ къ нейтральнымъ водамъ, — доложилъ старшій штурманъ командиру.

— Прицѣлъ 30 кабельтовъ! пли! — командуетъ младшій артиллеристъ.

Вступившая въ дѣйствіе шестидюймовая артиллерія даетъ залпъ и въ борту «Альбатроса» ясно обозначаются, зіяя чернотой, четыре новыхъ пробоины. Приспустивъ флагъ, съ большимъ креномъ онъ идетъ къ берегу, чтобы выброситься на мель.

— Прекратите огонь, — велитъ командиръ.

— Прицѣлъ четыре меньше! пли! — не унимается младшій артиллеристъ, который не видитъ ничего кромѣ цѣли и

не слышитъ командира, такъ какъ уши его закрыты слуховыми пріемниками. Въ борту «Альбатроса» зазіяли еще четыре черныхъ круга... Содрогнувшись всѣмъ корпусомъ онъ выбрасывается на камни.

— Прекратите огонь.

— Прицѣлъ два меньше!..

Старшій штурманъ оттаскиваетъ артиллериста за поясъ отъ аппаратовъ и снимаетъ съ него наушники. Тотъ возмущенно оглядывается и хочетъ протестовать.

— Прекратите огонь, — повторяетъ свое приказаніе командиръ. — Непріятель въ нейтральныхъ водахъ.

Младшій артиллеристъ повинуется, но не отрываетъ глазъ отъ цѣли.

На «Альбатросѣ» все разбито. Флагъ спущенъ. Самъ онъ на боку.

Непріятельскіе миноносцы, безплодно израсходовавъ всѣ мины, быстро отходятъ къ зюду, гдѣ на горизонтѣ видны новые дымки.

Крейсера выстраиваются въ кильватерную колонну и ворочаютъ на нордъ. Надо уходить. Теперь всполошится весь германскій флотъ. Погоня неизбѣжна.

Море совсѣмъ затихаетъ и затягивается штилевыми полосами, волнующими воображеніе сигнальщиковъ, которымъ все море начинаетъ казаться испещреннымъ струями бѣгущихъ отовсюду минъ.

Трубятъ отбой. Команда собирается на утреннюю молитву. Кроткое Отче Нашъ огласило воздухъ, встревоженный другимъ пѣніемъ, желѣзнымъ пѣніемъ пушечныхъ жерлъ. Минуту назадъ — война, теперь — миръ... Но нѣтъ, — мира нѣтъ, — послѣднія слова молитвы вдругъ оборвались огромнымъ всплескомъ, столбомъ вырвавшимся изъ подъ праваго борта.

Рѣзкіе звуки горновъ зовутъ на мѣсто по боевой тревогѣ. Второй такой же мощный всплескъ подымается съ лѣваго

борта. «Баянъ» уже въ вилкѣ. Стрѣляетъ кто то, чья пристрѣлка является шедевромъ артиллерійскаго искусства.

Штурмана, перенесшіе карты въ легкую штурманскую рубку, проворно сворачиваютъ ихъ и бѣгутъ въ броневую. Черезъ нѣсколько секундъ всѣ уже на мѣстахъ. Въ прорѣзи боевой рубки виденъ большой четырехъ-трубный крейсеръ, подошедшій на помощь германскому отряду. Типичная конструкція трубъ не оставляетъ сомнѣній, — это «Роонъ». Флагманскій корабль германскаго артиллерійскаго отряда. Его огонь чудовищно точенъ. Своей мишенью онъ избралъ «Баянъ», шедшій сейчасъ концевымъ. Вокругъ «Баяна» выросъ цѣлый лѣсъ огромныхъ водяныхъ столбовъ. Но «Роонъ» стрѣляетъ почти съ предѣльной для 8-ми дюймовой артиллеріи дистанціи, а потому его снаряды не пронизываютъ бортъ, а падаютъ на излетѣ почти по вертикали и рвутся въ водѣ подъ самымъ бортомъ.

«Адмиралъ Макаровъ», идущій головнымъ, не отвѣчаетъ на огонь, приберегая запасъ 8″ снарядовъ на случай крайней нужды. Шестидюймовыя батареи еще не могутъ вступить въ бой. «Баянъ» ведетъ поединокъ съ «Роономъ», отвѣчая ему всего лишь изъ двухъ своихъ восьмидюймовыхъ пушекъ. Его паденія видны близь «Роона». Артиллеристъ спокойно дѣлаетъ свои расчеты по таблицамъ и корректируетъ стрѣльбу. Въ рубкѣ мертвая тишина, нарушаемая тяжкими, глухими взрывами подъ самымъ бортомъ. Всѣ понимаютъ, что положеніе гораздо болѣе серьезно, чѣмъ въ бою съ «Альбатросомъ».

Младшій штурманъ опять дѣлаетъ попытку выйти на незащищенный мостикъ, чтобы побыть среди сигнальщиковъ, лишь морально прикрытыхъ контуромъ боевой рубки.

У выхода изъ боевой рубки онъ видитъ игумена, въ епитрахили, съ кропиломъ въ рукахъ. Величавое спокойствіе разлито на его лицѣ. Взрывъ у тараннаго отдѣленія потрясаетъ мостикъ. Струею воздуха игуменъ и младшій штурманъ отбрасываются къ рубкѣ. Сигнальщики испуганно жмут-

ся другъ къ другу. Игуменъ невозмутимо движется впередъ и кропитъ ихъ святой водою. Всѣ стягиваютъ фуражки и крестятся. Медленно, точно за богослуженіемъ, игуменъ спускается съ мостика, подходитъ къ носовой башнѣ и кропитъ ее водой. Орудіе мечетъ огонь изъ своего жерла, оглушая страшнымъ громомъ. Воздушная волна рветъ волосы и рясу. Игуменъ тихо поворачиваетъ назадъ и, крестообразно помахивая кропиломъ, идетъ на корму по спардеку. Штурманъ и сигнальщики невольно оглядываются ему вслѣдъ. Игуменъ тихо движется по лѣвому борту, ничѣмъ неприкрытый.

Глухой, давящій виски взрывъ сотрясаетъ весь корабль. Съ праваго шкафута взлетаетъ столбъ огня и щепокъ. Лязгъ разрываемаго желѣза рѣжетъ слухъ. Облако пара со свистомъ вылетаетъ изъ лопнувшаго паропровода и растекается по шкафуту. Видно, какъ щепки и обрывки желѣза, кувыркаясь въ воздухѣ, падаютъ вокругъ игумена. Онъ останавливается и кропитъ разорвавшуюся трубу.

Изъ камбузной двери стремительно выскакиваетъ трюмный Шерамудиновъ, расторопный матросъ, татаринъ. Онъ проворно перекрываетъ паръ и вводитъ въ дѣйствіе запасную проводку. Игуменъ благословляетъ его крестомъ и кропитъ водой. Шерамудиновъ, не отрываясь отъ работы, сбрасываетъ съ головы шапку.

Игуменъ медленно поворачивается и богослужебной поступью идетъ дальше. Водяная пыль отъ всплесковъ тонкой завѣсой накрываетъ его и мелкими каплями серебрится на рясѣ и на клобукѣ. Онъ идетъ къ кормовой башнѣ.

— Недолетъ, — говорятъ въ рубкѣ.

— Ворочаетъ, — докладываютъ съ дальномѣрнаго поста.

«Роонъ» начинаетъ отставать и медленно погружается въ туманную полосу, лежащую на горизонтѣ. Однако, гулъ его стрѣльбы продолжаетъ доноситься до «Баяна», хотя всплесковъ подъ бортами уже нѣтъ.

Младшій штурманъ входитъ въ боевую рубку. Гулъ стрѣльбы не прекращается.

— Это вступилъ въ бой «Рюрикъ», — догадываются въ рубкѣ. — Повидимому онъ спустился ночью къ зюду дальше насъ.

Стрѣльба учащается и вдругъ тяжелой дробью разсыпается по морю. Послѣ этого затихаетъ.

Изъ радіо-рубки звонитъ телефонъ:

— «Рюрикъ» ведетъ бой съ «Роономъ». Атакованъ подводной лодкой.

Стрѣльбы больше не слышно. Нѣсколько минутъ спустя «Рюрикъ» даетъ радіо: «Иду на соединеніе съ бригадой. Прошу указать ея мѣсто».

«Адмиралъ Макаровъ» даетъ по радіо просимыя указанія, послѣ чего сигналомъ приказываетъ идти ломанными курсами для затрудненія атакъ подводныхъ лодокъ. На мостикѣ устанавливается усиленное наблюденіе. По морю тянутся штилевыя полосы, очень похожія на слѣды отъ бѣгущихъ минъ. Крейсера, то тотъ, то другой, неожиданно покидаютъ строй и описываютъ циркуляцію, уклоняясь отъ подозрительныхъ бороздъ. Можетъ быть напрасно. Но примѣръ «Паллады» слишкомъ очевиденъ, чтобы имъ пренебрегать.

Крейсера передаютъ по линіи на «Макаровъ» о количествѣ раненыхъ и о полученныхъ поврежденіяхъ.

На «Баянѣ» чинятъ паропроводъ и прибираютъ обломки. Снарядъ съ «Роона» пробилъ наружный бортъ и, сдѣлавъ въ верхней палубѣ огромную воронку, разорвался въ батарейной, подбивъ 75-ти милиметровое орудіе и въ щепки разнесши шлюпку, висѣвшую надъ мѣстомъ взрыва. Осколками были пробиты нѣкоторыя паровыя трубы и разорванъ котелъ со щами, заправленными съ утра для команднаго обѣда. Стряпню пришлось начать сызнова, послѣ того, какъ на мѣсто былъ установленъ запасной котелъ.

На кораблѣ праздничное настроеніе. Командиръ, снявъ

фуражку, благодаритъ о. Вассіана за доблестное поведеніе въ бою.

Радіо-рубка принимаетъ донесеніе начальника бригады Командующему Флотомъ. Гордые успѣхомъ всѣ ждутъ внушительныхъ и гордыхъ словъ, и потому въ первый моментъ разочарованы скромнымъ тономъ радіограммы.

«Порученія не исполнилъ, — телеграфировалъ адмиралъ Бахиревъ Командующему Флотомъ. — Туманъ воспрепятствовалъ бомбардировкѣ Мемеля. Ночью крейсировалъ около германскихъ береговъ, ожидая проясненія погоды. Получивъ ваше указаніе о наличіи непріятеля въ квадратѣ 987, легъ на встрѣчный курсъ въ расчетѣ сойтись съ нимъ на разсвѣтѣ. Въ 7 часовъ открылъ непріятельскій крейсеръ и миноносцы. Вступилъ съ ними въ бой, въ результатѣ котораго германскій заградитель «Альбатросъ», получивъ серьезныя поврежденія, спустилъ флагъ и выбросился на берегъ у маяка Эстергарнъ. На бригадѣ 14 раненыхъ. Поврежденія ничтожны».

Черезъ полчаса приносятъ отвѣтное радіо Командующаго Флотомъ:

«Поздравляю съ успѣхомъ. Не увлекайтесь преслѣдованіемъ. Возвращайтесь въ Ревель».

Крейсера идутъ на нордъ, предвкушая заслуженный отдыхъ. Навстрѣчу, со стороны Финскаго Залива, подымаются дымки. Послѣ тревоги, пробитой на всякій случай, узнаютъ «Цесаревича» и «Славу», идущихъ полнымъ ходомъ на поддержку крейсерамъ. Они окружены миноносцами, которые охраняютъ ихъ отъ подводныхъ лодокъ. Броненосцы обмѣниваются привѣтственными сигналами съ крейсерами и ворочаютъ на параллельный съ ними курсъ.

Миноносецъ «Внимательный» вдругъ выходитъ изъ строя и бросается въ сторону.

— «Вижу подводную лодку», — сигналитъ онъ.

Подъ носомъ «Внимательнаго» огромный бѣлый бурунъ. Миноносецъ вдругъ испытываетъ толчекъ на свободной во-

дѣ. Сомнѣній нѣтъ. Онъ таранилъ нѣмецкую подводную лодку. Въ трюмѣ обнаруживается вмятина и течь. Откачивая воду, онъ возвращается въ строй и идетъ вмѣстѣ съ крейсерами.

На корабляхъ сдержанное ликованіе. Опасность не миновала, пока корабли въ открытомъ морѣ. Но все вокругъ празднично и тихо. Солнце устало клонится къ закату. Вечерняя заря причудливыми красками расцвѣчиваетъ берега Монзунда. Крейсера поворачиваютъ въ Финскій Заливъ.

Миновалъ день въ ореолѣ мимолетной славы. На корабляхъ все затихаетъ. Только вахтенные маячатъ на своихъ постахъ, да штурмана въ ходовыхъ рубкахъ, склонивши головы надъ картой, освѣщенной узкой полоской свѣта изъ лампы, задвинутой металлическою ширмой, прокладываютъ пеленга и курсы. Командиръ дремлетъ рядомъ на диванѣ.

Среди скалъ у Эстергарна лежитъ на боку разбитый «Альбатросъ». Повалены мачты. Спущенъ флагъ. Волны вливаются въ пробоины и, выливаясь обратно, уносятъ съ собою окровавленные обломки и никому уже не нужный скарбъ. Сонныя чайки покачиваются на волнахъ.

По дорогѣ въ Висби тянется длинный рядъ подводъ. На соломѣ, рядами лежатъ раненые съ «Альбатроса». Ихъ сопровождаютъ шведскіе стражники въ треугольныхъ шляпахъ. Печальное шествіе замыкается повозкой съ трупомъ командира.

ВЪ НОСОВОЙ БАШНѢ

Всю ночь густой туманъ лежалъ надъ моремъ. На зарѣ онъ разсѣялся немного, но горизонтъ оставался закрытымъ мглистой пеленой, красноватой на востокѣ и дымчато-сизой въ другихъ частяхъ.

Вокругъ «Рюрика» было пусто. Бригада крейсеровъ, за которою онъ шелъ въ кильватеръ, — исчезла. Въ густомъ ночномъ туманѣ на «Рюрикѣ» не замѣтили перемѣны курса и онъ шелъ теперь совсѣмъ одинъ.

Тѣмъ не менѣе, ночная радіо-телеграмма Командующаго Флотомъ указывала на наличіе въ этомъ районѣ непріятельскихъ судовъ. Встрѣчи съ ними надо было ждать каждую минуту.

Одновременно съ утренней побудкой горны протрубили боевую тревогу. Офицеры и команда заняли свои мѣста для приготовленія къ бою.

Ходившая съ вечера зыбь улеглась. Мелкія волны пріятно рябили въ глазахъ бирюзовой чешуей и ласково плескались за бортомъ, отгоняемыя широкой пѣнистой струей, кипѣвшей вокругъ корабля, шедшаго полнымъ ходомъ.

Холодное еще солнце лѣниво подымалось надъ моремъ и розоватымъ золотомъ играло на бѣлыхъ крыльяхъ чаекъ, чертившихъ круги въ воздухѣ, то ниспадая на воду, то взмывая къ небесамъ.

За отсырѣвшимъ обвѣсомъ ходового мостика видна была высокая, статная фигура командира. Онъ мѣрнымъ, твер-

дымъ шагомъ ходилъ взадъ и впередъ, изрѣдка прикладывая къ глазамъ бинокль.

Боевая вахта сигнальщиковъ, разставленныхъ по отдѣльнымъ секторамъ, напряженно вглядывалась въ горизонтъ.

У главнаго компаса оба штурмана, а надъ ними на особой площадкѣ — дальномѣрный офицеръ.

— Въ какомъ квадратѣ долженъ быть сейчасъ непріятельскій дозоръ? — спросилъ командиръ у старшаго штурмана.

— Въ восемьсотъ шестьдесятъ третьемъ, если онъ послѣ дачи телеграммы не измѣнилъ скорости и курса.

— А какъ мы?

— Подходимъ. Непріятель долженъ открыться на нордъостъ: мы какъ разъ пересѣкаемъ его курсъ на Данцигъ.

— Сигнальщикамъ смотрѣть въ оба.

Сигнальщики, зябко поеживаясь въ утренней сырой прохладѣ, усердно пытали глазами горизонтъ, стараясь проникнуть взоромъ за лежавшіе на немъ мглистые покровы.

— Какъ время? — спросилъ командиръ.

— Семь часовъ, отвѣтили изъ рубки.

— Если не было перемѣнъ, то сейчасъ долженъ открыться. Впередъ смотрѣть.

— Есть впередъ смотрѣть.

За горизонтомъ вдругъ прокатился глухой раскатъ грома. Небо ясное.

— Съ какой стороны? — спросилъ командиръ, не довѣряя слуху, ибо загоризонтный гулъ, казалось, шелъ сразу отовсюду.

— Съ нордъ - веста, Вашбродь, удостовѣрилъ сигнальный старшина.

Раскатъ грома повторился. Еще и еще разъ.

— Это наши крейсера вступили въ бой. Надо же было намъ оторваться, мрачно процѣдилъ командиръ.

Глухіе раскаты бѣжали по морю, догоняя другъ друга,

временами давая перебои, временами сливаясь въ общій гулъ. Было ясно, что стрѣляли орудія крупнаго калибра.

— Позвоните старшему механику. Пусть кочегары подшуруютъ. Надо сблизиться.

Телефонистъ зазвонилъ въ машину. Густой черный дымъ жирными тяжелыми клубами повалилъ изъ трубъ.

У всѣхъ амбразуръ и пріоткрытыхъ броневыхъ башенныхъ дверей столпились люди, съ жаднымъ любопытствомъ слушая канонаду и усиливаясь разсмотрѣть что-либо за туманнымъ горизонтомъ.

Гулкіе взрывы слышались яснѣе. Будто лопалось въ воздухѣ что то необнимаемое ни умомъ, ни чувствомъ.

...И вдругъ изъ за туманной завѣсы вырвался четкій силуэтъ... За нимъ другой.

— По мѣстамъ стоять! Дальномѣрщики — разстояніе! — громко крикнулъ командиръ, уходя въ боевую рубку, сопровождаемый штурманами.

Люди исчезли изъ амбразуръ. Броневыя двери, движимыя невидимою силой, накатились по рельсамъ на свои мѣста, плотно закрывъ входы въ башни. И сейчасъ же самыя башни повернулись вслѣдъ непріятелю, точно щупальцами двигая орудіями, разыскивая цѣль.

Лейтенантъ Арчеевъ сѣлъ на свой боевой стулъ, головою подъ броневымъ колпакомъ, слегка выступавшимъ надъ верхнимъ срѣзомъ башни. Съ удовлетвореніемъ обвелъ взоромъ сверкавшія бѣлизною стѣны и блестѣвшія надраенною мѣдью, части орудій.

— Не подгадь, сердечные! — крикнулъ онъ внимательно смотрѣвшей на него орудійной прислугѣ и приложилъ глаза къ оптическому прицѣлу.

— Прицѣлъ 80 кабельтовъ! — прокричалъ соотвѣтствующій номеръ башенной прислуги, не спускавшій глазъ

съ циферблата, приводимаго въ дѣйствіе изъ боевой рубки.

Орудія съ пріятнымъ зудѣніемъ подняли свои жерла на соотвѣтствующую высоту.

Телефонъ зазвонилъ надъ ухомъ Арчеева. Онъ взялъ слуховую трубку.

— Носовой башнѣ стрѣлять по «Роону». Головной.

— Есть стрѣлять по головному, — отвѣтилъ Арчеевъ, вѣшая трубку.

— Наводи на головной, четырехъ-трубный, — приказалъ онъ комендорамъ.

— Есть на головной четырехъ - трубный, — отвѣтили наводчики.

Башенный унтеръ - офицеръ Ковальчукъ, внушительно поглядывая на застывшихъ по мѣстамъ людей, тихонько подошелъ къ башенному командиру.

— Это что же «Роонъ»? — вполголоса спросилъ онъ у Арчеева.

— Германскій броненосный крейсеръ «Роонъ». Ходитъ для поддержки дозоровъ, — отвѣтилъ Арчеевъ.

— Какова у нихъ артиллерія? — спросилъ снова Ковальчукъ.

— Четыре восьмидюймовыхъ съ борта.

— Такъ что слабѣе насъ.

— Слабѣе. Но ихъ двое. Второй типа «Бременъ». А вонъ... еще миноносцы.

— А такъ что мы одни.

— Товсь! — приказалъ Арчеевъ.

— Есть товсь! — отвѣтили комендоры.

Зазвонилъ телефонъ.

— Пристрѣлка. Стрѣлять только по ревуну, — сказали изъ боевой рубки.

«Рюрикъ» легъ на курсовой уголъ, позволявшій стрѣлять главнымъ башнямъ, съ 10-ти дюймовыми орудіями, и пошелъ на пересѣчку курса германскимъ крейсерамъ.

Запѣлъ ревунъ.

— Пли! — скомандовалъ Арчеевъ.

Башня содрогнулась. Глухой мощный гулъ наполнилъ воздухъ, захвативъ дыханіе людей. Правое орудіе быстро откатилось на компрессорѣ и сейчасъ же плавно стало подтягиваться на свое мѣсто.

Правый замочный сжатымъ воздухомъ продулъ оставшіеся въ орудіи газы. Орудіе снизилось и приняло положеніе для зарядки.

Подносчики замкнули коммутаторы элеватора и черезъ нѣсколько секундъ изъ нѣдръ башни поднялся желобообразный мѣдный столъ съ лежащими на немъ отдѣльно снарядомъ и зарядомъ. Затворъ орудія открылся. Изъ стальной коробки позади орудія, какъ по волшебству, выскочилъ автоматическій прибойникъ, гибкій стержень изъ складныхъ отдѣльныхъ звеньевъ, съ дискомъ на концѣ, втолкнулъ въ орудіе снарядъ и, откатившись назадъ, повторнымъ движеніемъ дослалъ за нимъ зарядъ, зашитый въ картузѣ.

Затворъ орудія тяжело замкнулся, сочно чавкнувъ, и орудіе снова подняло свое жерло на соотвѣтствующую восьмидесяти кабельтовымъ высоту. Зарядный столъ, подъ зудящее пѣніе моторовъ, опустился въ бездну.

Кормовая башня выстрѣлила одновременно съ носовой.

Всплески отъ паденія снарядовъ въ воду бѣлыми пѣнистыми столбами поднялись передъ непріятельскимъ кораблемъ.

— Оба недолетъ, — сказалъ Арчеевъ, наблюдавшій стрѣльбу, въ оптическій прицѣлъ.

— Прицѣлъ 85 кабельтовъ! — прокричалъ замочный, слѣдя за стрѣлкой циферблата.

Жерла поднялись еще выше.

— Товсь! — сказалъ Арчеевъ.

Запѣлъ ревунъ.

— Пли!

Опять глухо содрогнулась башня, перехвативъ дыханіе людей. Лѣвое орудіе мягко осѣло внизъ и сейчасъ же плав-

но вернулось на свое мѣсто. Загудѣли моторы и повторился параллельный маневръ зарядки.

Водяные столбы поднялись по обѣ стороны непріятельскаго корабля.

— Вилка! — съ удовлетвореніемъ произнесъ Арчеевъ.

Въ это время по борту «Роона» вспыхнули сразу четыре огонька и черезъ 20 секундъ совсѣмъ близко отъ «Рюрика» поднялись высокіе бѣлые, медленно тающіе въ воздухѣ фонтаны.

— Такъ. Сейчасъ и мы будемъ въ вилкѣ, — промолвилъ Арчеевъ.

— Прицѣлъ 83 кабельтова. Бѣглый огонь! — прокричалъ замочный, передавая указаніе изъ боевой рубки.

— Бѣглый огонь! — скомандовалъ Арчеевъ.

Башня дала залпъ, и у обоихъ орудій сразу началась молчаливая лихорадочная работа. Зудѣли моторы. Поднимались и опускались зарядные столы. Вылетали и прятались змѣевидные прибойники. Башня содрагалась и гудѣла.

Вокругъ «Роона» поднялся цѣлый лѣсъ бѣлыхъ столбовъ. Точно вереницы смертей въ бѣлыхъ саванахъ гналися за нимъ. Два или три раза черный дымокъ надъ его бортомъ отмѣтилъ попаданіе и взрывъ на палубѣ непріятельскаго корабля.

Въ свою очередь восьмидюймовые снаряды «Роона» взметали вокругъ «Рюрика» бѣлые каскады, которые, разсѣиваясь по вѣтру, мелкимъ дождемъ падали ему на палубу и на борта. Но скоро перешли на недолеты. Получивъ нѣсколько нашихъ попаданій, «Роонъ» сталъ уходить.

— Прицѣлъ 90 кабельтовъ!

Жерла поднялись еще выше. Подъ самой носовой башней раздался вдругъ сухой трескъ и черный дымъ поднялся вокругъ нея.

— Попаданіе въ насъ, около самой башни, — подумалъ Арчеевъ. — Но странно: «Роонъ» уходитъ. У него уже все недолеты.

И, повернувъ свой прицѣлъ, Арчеевъ увидѣлъ, что по «Рюрику» стрѣляетъ «Бременъ», державшійся въ сторонѣ и не тревожимый нашимъ огнемъ.

— Такъ. Впрочемъ у него калибръ меньше. Но хорошо бьетъ, размышлялъ онъ, слыша новый трескъ подъ бортомъ и видя бѣлые саваны, снова вставшіе вплотную къ «Рюрику» съ обѣихъ сторонъ.

Арчеевъ почувствовалъ легкую боль въ вискахъ. Зеленоватые блики зарябили въ его глазахъ. Вздохнулъ съ трудомъ.

— Что это меня такъ развинтило? — подумалъ онъ и снова навелъ прицѣлъ на «Роонъ».

Не обращая вниманія на «Бременъ», «Рюрикъ» полнымъ ходомъ шелъ вдогонку за «Роономъ», представлявшимъ болѣе цѣнную добычу. Кормовая башня вышла изъ курсового угла и стрѣляла только носовая.

— Навались! навались, братцы! — крикнулъ Арчеевъ, съ удивленіемъ замѣтивъ вялость и медленность въ движеніяхъ орудійной прислуги. Нѣсколько человѣкъ сидѣло на желѣзной настилкѣ, поводя вокругъ мутными глазами.

— Что такое, Ковальчукъ? — спросилъ Арчеевъ, поворачиваясь внутрь башни, чувствуя слабость во всѣхъ членахъ и зеленые круги передъ глазами.

— Вродѣ угорѣли какъ бы, — отвѣтилъ тотъ. — Ну, ну, шевелись, молодцы! чего разсѣлись? потомъ отдыхать будешь.

И Ковальчукъ, самъ едва передвигая ноги, сталъ тормошить сидѣвшихъ на полу людей.

Арчеевъ почувствовалъ, что къ сладковатому, уже давно дурманившему его, запаху метиловаго ленточнаго пороха, которымъ заряжались орудія, примѣшивался другой, — удушливый, давившій грудь.

— Неладно, Ковальчукъ, — проговорилъ Арчеевъ, слѣзая съ боевого стула. — Надо стрѣлять дальше, а то нѣмецъ уйдетъ.

Ковальчукъ сталъ на мѣсто свалившагося горизонтальнаго наводчика и, наведя нить на непріятеля, нажалъ спусковой рычагъ.

Орудіе ухнуло, откатилось, накатилось и, когда замочный открылъ затворъ, изъ орудія тихо поползла тяжелая сизая струйка непродутаго газа.

— Вотъ оно. Не дѣйствуетъ продуваніе, сказалъ Арчеевъ. — Но и не это только. Это бывало раньше, но такого дѣйствія не производило. Должно быть нѣмецкіе снаряды! — мелькнула у него мысль. — Одинъ разорвался подъ самой башней.

Зазвонилъ телефонъ. Арчеевъ приложилъ трубку къ уху.

— Почему носовая башня рѣдко стрѣляетъ?

— Испортилось продуваніе орудій. Прислуга угорѣла.

— Можете ли исправить поврежденіе?

— Попытаемся.

Чувствуя ужасающую слабость и помутнѣніе въ глазахъ, Арчеевъ сталъ изслѣдовать продувательный трубопроводъ. Превозмогая ту же слабость, башенный унтеръ-офицеръ слѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ тутъ разошлися фланцы. Нужно болты.

Ковальчукъ досталъ инструменты.

— Ишь, какъ садитъ. Этакъ весь воздухъ утечетъ.

Напрягая всѣ оставшіяся силы, Ковальчукъ придерживалъ фланцы, Арчеевъ завинчивалъ болты.

— Готово. Идемъ стрѣлять, Ковальчукъ.

Оба они сидѣли на желѣзной настилкѣ, не имѣя силъ подняться.

— Кажись, помирать придется... — съ трудомъ вымолвилъ Ковальчукъ.

— Погоди помирать, Ваня... Надо додѣлать дѣло.

Ковальчукъ съ нѣжностью взглянулъ на башеннаго командира и, держась за стѣнку, подошелъ къ пушкамъ.

Арчеевъ послѣдовательно замкнулъ коммутаторы авто-

матической зарядки и, по окончанiи маневра, сѣлъ на мѣсто вертикальнаго наводчика комендора.

— Прицѣлъ 95... Пли!..

Орудiе качнулось. Продуванiе подѣйствовало.

— Недолетъ.

— Прицѣлъ 97.

Арчеевъ, съ трудомъ отдавая отчетъ въ своихъ движенiяхъ, изъ послѣднихъ силъ повторилъ маневръ зарядки.

— Отчего мы держимся, Ваня? — тихо спросилъ онъ. — Всѣ лежатъ.

— Сознательность, Вашбродь.

— Сознанiе долга, Ваня. Вѣрно понимаешь. Изъ одного двухъ дѣлаетъ.

И онъ, слегка ворочая мѣдный штурвалъ, подвелъ начерченную въ оптическомъ прицѣлѣ нить на носовую трубу «Роона».

— Пли!

Опершись лбомъ на гутаперчевый наглазникъ, онъ сквозь мелькавшiе передъ глазами темные блики, увидѣлъ, какъ на кормѣ «Роона» поднялся черный взрывъ.

— Носовая башня, отлично! — послышался дребезжащiй голосъ изъ безпомощно висѣвшей телефонной трубки.

Арчеевъ не отвѣтилъ. Все бѣжало и вихремъ кружилось въ его глазахъ. Онъ упалъ головою на прицѣлъ...

— Опять не стрѣляетъ носовая башня, — съ досадой промолвилъ командиръ. — Еще одно попаданiе и нѣмецъ не уйдетъ.

Но «Роонъ» уже скрывался за горизонтомъ. Видя, что «Рюрикъ» прекратилъ стрѣльбу, сталъ уходить и «Бременъ», который не могъ поддерживать съ «Рюрикомъ» единоборства.

— Перископъ на правомъ крамболѣ! — закричали сигнальщики.

Командиръ и штурманъ приложили къ глазамъ бинокли. Справа по носу что то торчало изъ воды.

— Лѣво на бортъ! Противоминной артиллеріи открыть огонь! — приказалъ командиръ.

«Рюрикъ» плавно покатился носомъ влѣво. Небо и море, какъ огромная передвижная панорама, повернулись на полкруга. 120-ти миллиметровыя орудія огласили воздухъ громкими рѣзкими хлопками. На мѣстѣ скрывшагося перископа забилъ цѣлый строй пѣнистыхъ фонтановъ.

Сизая дымка на горизонтѣ скрыла непріятельскіе корабли. «Рюрикъ» опять одинъ.

— Надо догонять нашу бригаду, — сказалъ командиръ. — Запросите по радіо ея мѣсто. Теперь можно не скрываться.

— Есть, — отвѣтилъ старшій штурманъ.

— Въ носовой башнѣ точно умерли всѣ. Спросите по телефону, въ чемъ дѣло.

— Телефонъ не отвѣчаетъ, — доложилъ телефонистъ.

— Бѣгомъ въ носовую башню! — крикнулъ командиръ ординарцамъ и, выйдя изъ боевой рубки, сталъ съ мостика смотрѣть, какъ ворочали мѣдный штурвалъ, откатывая тяжелую броневую дверь.

Нѣсколько секундъ спустя, расторопные ординарцы стали выносить на свѣжій воздухъ лежавшую безъ чувствъ, угорѣвшую и отравленную команду.

Вызвавъ доктора и санитаровъ, командиръ спустился внизъ и подошелъ къ башнѣ.

Докторъ поочередно щупалъ пульсъ и отгибалъ вѣки.

— Живы? — коротко спросилъ командиръ.

— Живы. Свѣжій воздухъ и кофе. А сейчасъ будемъ дѣлать искусственное дыханіе.

— Георгій Алексѣевичъ! какъ себя чувствуете? — спросилъ командиръ лежавшаго на палубѣ Арчеева, видя, что тотъ открылъ глаза.

— Хорошо, — шепотомъ отвѣтилъ онъ.

Глаза его смотрѣли въ небо, а небо сплошь было въ чайкахъ... Чайки и большіе мотыльки съ перламутровыми крыльями часто-часто рябили предъ его глазами, заслоняя солнце и застилая небеса, такъ что временами наступала темнота. Море убаюкивающе шумѣло, покрывая слабо доносившіеся до его слуха голоса. Иногда совсѣмъ темнѣло предъ глазами, и тогда онъ слышалъ голосъ матери, говорившій ему что то по-французски. Но тутъ же слышалась и невѣроятно крѣпкая рѣчь старшаго офицера, распоряжавшагося переносомъ отравленныхъ на кормовой мостикъ. Арчеевъ почувствовалъ уколъ въ руку и запахъ камфоры. Онъ очнулся и снова забылся, испытывая ломящую боль въ вискахъ. И надъ всѣмъ этимъ — тихое и спокойное сознаніе, что все хорошо, все, — какъ надо, все сдѣлано, ничего не забыто.

«СИВУЧЪ» И «КОРЕЕЦЪ»

Бой съ германскими крейсерами 6-го августа 1915 года.

4-го августа 1915 года послѣ продолжительныхъ усилій, подъ покровомъ густого тумана, нѣмцамъ удалось форсировать Ирбенскій проливъ и провести свои крейсера въ воды Рижскаго Залива.

Наши миноносцы, защищавшіе проливъ, отступили къ Монзунду, закрывши миннымъ загражденіемъ подходы къ нему съ юга. Заливъ оказался въ рукахъ нѣмцевъ, получившихъ доступъ къ Ригѣ и Пернову. Нашъ Сѣверный фронтъ оказался передъ угрозой нѣмецкаго десанта въ тылъ его праваго фланга.

Сосредоточенно - тревожное настроеніе охватило всѣхъ. На сѣверѣ Залива Минная Дивизія и подводныя лодки готовились къ отпору, но крѣпость Усть-Двинскъ и Рига какъ бы висѣли въ воздухѣ. Вопросъ ихъ охвата съ тыла, при владѣніи нѣмцами Рижскимъ Заливомъ, былъ вопросомъ нѣсколькихъ дней.

Въ этотъ моментъ въ Усть-Двинскѣ находились двѣ наши канонерскія лодки: «Сивучъ» и «Кореецъ», командированныя въ распоряженіе Сѣвернаго фронта для обстрѣла побережья, въ которое упирался лѣвый флангъ германскихъ армій. Эти канонерки своею отличной боевою службой и постояннымъ участіемъ въ бояхъ уже успѣли заслужить добрую славу у сухопутныхъ собратьевъ, поддерживая ихъ своимъ огнемъ съ моря.

4-го августа, при наличіи непріятеля въ Рижскомъ Заливѣ, «Сивучъ» и «Кореецъ» успѣшно бомбардировали расположеніе нѣмецкихъ батарей у мѣстечка Кемернъ, заставивъ нѣмцевъ отвести эти батареи въ тылъ. Вернувшись въ тотъ день въ Усть-Двинскъ, канонерки приняли послѣднюю похвалу сухопутнаго начальства:

«Покорно благодаримъ славныхъ братьевъ моряковъ за помощь. Ваша стрѣльба была поразительно точна. Полковникъ кн. Меликовъ».

Но похвальная телеграмма не мѣняла обстановки. Командиры лодокъ знали, что дни ихъ сочтены. Но эти сочтенные дни не должны быть пропущены даромъ. Несмотря на присутствіе нѣмцевъ въ Заливѣ, они успѣли еще разъ выйти въ море и ночью поставить минное загражденіе на путяхъ непріятеля къ Усть-Двинску.

Вернувшись, они получили приказаніе идти въ Монзундъ.

Съ разсвѣта, въ день Преображенія, началась срочная погрузка угля. Нельзя было терять ни минуты, такъ какъ у входа въ Двину могли появиться непріятельскіе корабли.

На сердцѣ камень. Рушилось дѣло, которому многіе мѣсяцы самоотверженно служили лодки. Командиръ «Корейца» отъ имени обѣихъ лодокъ отправился къ коменданту крѣпости проститься. Разставаніе было грустно, — совмѣстно пережитыя минуты опасности и отвѣтственной работы связываютъ людей узами родства.

— Но, вѣдь, непріятель уже въ Заливѣ, — удивлялся генералъ, — вы можете встрѣтить сильнѣйшаго врага и погибнуть совсѣмъ напрасно.

— Мы это знаемъ, — отвѣчалъ командиръ «Корейца».

— Сколько же шансовъ за то, что вы дойдете до Монзунда?

— Одинъ на сто, — отвѣтилъ командиръ.

Передъ командирами лодокъ былъ выборъ, — сдаться у пристаней или рискнуть гибелью въ неравномъ бою. Они

выбрали послѣднее. И они условились, что въ случаѣ гибели одной изъ лодокъ — оставшаяся должна уходить, не спасая тонущихъ людей, дабы не увеличивать тріумфа непріятеля и своею гибелью, неминуемой при такой задержкѣ. Рѣшеніе это было принято на основаніи прецедента, имѣвшаго мѣсто въ англійскомъ флотѣ, когда одна и та же подводная лодка утопила три англійскихъ крейсера подрядъ вслѣдствіе того, что они останавливались у гибнувшаго сотоварища, чтобы снять людей.

Передъ выходомъ въ море командиръ «Сивуча», капитанъ 2 ранга Черкасовъ, чувствовалъ себя нездоровымъ. Его мягкой, женственной натурѣ уже пришлось выдержать много серьезныхъ испытаній. Нынѣ судьба назначила ему совершить актъ безсмертнаго геройства. Въ виду его нездоровья капитанъ 2 ранга Федяевскій, командиръ «Корейца», сдѣлалъ прощальные визиты и въ полдень лодки вышли въ море, взявъ кратчайшій курсъ на Монзундъ. «Сивучъ», какъ старшій, шелъ головнымъ.

Позади — тихій благовѣстъ Преображенія. Впереди — тихое, притаившееся море. Штиль. Влажная мглистая дымка, точно гарь отъ лѣсного пожарища, легкой завѣсой легла между лодками и невидимымъ врагомъ, дыханіе котораго сразу же коснулось обреченныхъ. Едва выйдя въ море, лодки приняли радіо Командующаго Флотомъ о непріятельскихъ крейсерахъ, идущихъ въ сопровожденіи миноносцевъ отъ поста Медисъ курсомъ на нордъ-остъ.

Отступить? Отсрочить развязку? Но это означаетъ безславный плѣнъ у пристаней. Потеря Рижскаго Залива казалась неотвратимой.

Лодки продолжаютъ путь впередъ.

Въ морѣ тихо и мглисто. Пахнетъ гарью. И этотъ запахъ такъ успокаиваетъ, близитъ съ землей, хотя ея уже не видно.

Еще радіо: «Два непріятельскихъ крейсера и миноносцы — въ квадратѣ 238».

Командиры и штурмана склоняются надъ картой: квад-

ратъ 238 прямо по носу въ 25-ти миляхъ. Но солнце клонится къ закату. Ночь спасетъ, укроетъ.

Лодки идутъ прежнимъ курсомъ.

Новое радіо съ наблюдательнаго поста на островѣ Кюно: «непріятельскій крейсеръ и два миноносца проходятъ курсомъ на Перновъ». И отъ Начальника Минной Дивизіи, собравшейся въ Монзундѣ: «Большія непріятельскія силы подходятъ съ юга».

Куда идти? Непріятель движется къ Монзунду и къ Перновну. У лодокъ отрѣзаны всѣ базы. Вернуться? Невозможно. Обратный путь отсѣченъ гранью сильнѣе смерти. Нужны немедленныя указанія, а спрашивать нельзя. Но лодки все слышатъ. Телеграфисты все время приносятъ на мостикъ радіотелеграммы. Самимъ же говорить нельзя, такъ какъ ихъ характерная для небольшихъ судовъ радіоволна немедленно навлечетъ на нихъ непріятельскія силы. Командующій Флотомъ долженъ самъ вспомнить о нихъ. Лодки ждутъ и продолжаютъ идти прежнимъ курсомъ.

И вотъ сквозь телеграфныя волны непріятельскихъ судовъ, открыто разговаривающихъ въ Заливѣ, пробивается голосъ Командующаго Флотомъ:

— «Сивучу» и «Корейцу» идти подъ восточный берегъ и ждать темноты. Съ темнотою продолжать путь въ Монзундъ».

Солнце уже вступило въ сѣрую полосу гари и багровѣло краснымъ шаромъ, посылая лодкамъ свой прощальный взоръ.

«Кореецъ» спрашиваетъ по семафору: — «Куда пойдемъ? Непріятель занимаетъ пути на Перновъ и на Монзундъ».

«Сивучъ» показываетъ прежній курсъ. Идти подъ восточный берегъ согласно радіо Командующаго Флотомъ уже не имѣетъ смысла, такъ какъ туда только что прошелъ непріятельскій отрядъ.

Опять телеграфистъ бѣжитъ на мостикъ и подаетъ новый голубоватый бланкъ.

— «Начальникъ Минной Дивизіи оповѣщаетъ о постановкѣ минъ у входа въ Моонзундъ. Для встрѣчи и проводки лодокъ будетъ высланъ конвоиръ».

И сейчасъ же вслѣдъ за симъ: «Непріятельскіе крейсера и миноносцы держатся на линіи Усть-Двинскъ — Патерностеръ», т. е. прямо на курсѣ лодокъ.

Минута тягостнаго раздумья. «Сивучъ» стопоритъ машины и передаетъ семафоромъ на «Кореецъ»: — «Буду стоять здѣсь до полной темноты».

«Кореецъ» подошелъ и сталъ рядомъ.

Тускло красный дискъ солнца медленно погружался въ окутанное гарью море. Вокругъ жуткая, томительная тишина...

Сквозь густыя сумерки, на востокъ отъ лодокъ, появился рядъ дымковъ... Но еще немного и ночь укроетъ. Съ обоихъ мостиковъ напряженно вглядываются въ горизонтъ... Новые дымки — съ юга. Непріятель со всѣхъ сторонъ.

Вечерняя мгла густѣетъ и изъ нея четко выступаетъ силуэтъ трехъ-трубнаго крейсера... Непріятель... Но еще нѣсколько минутъ и все скроетъ ночь.

Тишина, тишина. Усыпляюще пріятно тянетъ гарью. Мысли уносятся далеко, къ землѣ. Хорошо пойти въ лѣсъ за грибами. Мягко хрустѣлъ бы хворостъ на мшистой землѣ... Непріятель?.. Закрыть глаза, не видѣть и не думать. Можетъ быть представится косогоръ и коровы у водопоя. Какъ хорошо. А открыть глаза... Тихо. Густыя сумерки. На западѣ багряная полоска. И вотъ слѣва черно-сизый силуэтъ. Молчитъ. Тихо все, но вѣдь это смерть. А какъ тихо. Ласково журчатъ забортныя струи. У орудій тихіе, замолкшіе люди. Они умрутъ черезъ четверть часа. Они знаютъ это, но не вѣрятъ. Развѣ можетъ быть смерть, когда такъ мирно, по деревенски пахнетъ гарью...

Темный призракъ слѣва близится и растетъ, опережая ростъ ночи. За нимъ, въ клубахъ дыма, меньшіе силуэты, ми-

носцы. Клубы дыма растутъ, обволакиваютъ небо. Кто то страшный разворачиваетъ въ небѣ черный плащъ.

Непріятель близится. Силы не равны. Надо уходить.

Лодки даютъ полный ходъ впередъ.

Но темный призракъ настигаетъ. Лодки разсчитанныя для вспомогательной, прибрежной службы, при полномъ напряженіи могутъ дать всего 10 узловъ. Слабо теплится надежда, что призракъ не видитъ, что спасительная темнота ляжетъ между нимъ и нами.

На темномъ силуэтѣ нервно замигалъ огонь. Опознательный сигналъ. Непріятель замѣтилъ лодки и ждетъ отвѣта. Что могутъ онѣ отвѣтитъ? Чужой опознательный сигналъ — тайна. Лодки молчатъ и стараются уйти.

По борту непріятеля, ослѣпительно прорѣзавъ тьму, вспыхнула зеленая молнія и вслѣдъ за нею прогремѣлъ орудійный громъ. За кормой у лодокъ поднялось нѣсколько водяныхъ столбовъ. Лодки, не отвѣчая, продолжаютъ уходить.

Непріятель умолкаетъ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ молча слѣдуетъ по пятамъ, безъ всякаго усилія, легко, настигая жертву.

Совсѣмъ стемнѣло. Но страшная тѣнь неуклонно растетъ, быстро выходя на лѣвый траверзъ и загораживая путь въ Монзундъ. Уже не видно силуэта, но лишь темная давящая масса, которая наваливается слѣва и заставляетъ склонять курсъ въ сторону отъ намѣченной цѣли.

Всѣ начинаютъ томиться. Смерть подступила. Но почему она молчитъ и въ мрачномъ молчаніи идетъ рядомъ, неотступная и жуткая, какъ нѣмая тѣнь Агасфера. Хоть бы конецъ скорѣе.

Комендоры замерли у орудій, стынетъ плечо, опертое на резиновый прикладъ. Офицеры не отнимаютъ отъ глазъ ночныхъ биноклей. Но видно плохо.

Вдругъ яркая вспышка опять до боли ослѣпила всѣхъ. Съ тяжкимъ гуломъ надъ лодками пронеслись непріятельскіе снаряды.

— Прицѣлъ 30 кабельтовъ! Открыть огонь! — командуютъ на лодкахъ.

Лодки даютъ отвѣтный залпъ. Сквозь ночную тьму просвѣчиваютъ паденія снарядовъ, легкими фосфоресценціями встающія изъ моря. Силуэтъ непріятеля проэктируется на нихъ. Перелетъ.

«Пять кабельтовъ меньше» — показываютъ свѣтящійся циферблатъ. Подносчики, скользя потными отъ волненія руками по латуннымъ гильзамъ, вталкиваютъ въ орудія унитарные патроны.

Цѣлить трудно. Непріятель слѣпитъ прожекторами. «Сивучъ» весь залитъ бѣлымъ свѣтомъ, весь обнаженъ и открытъ врагу. Вокругъ него въ лучахъ прожектора взлетаютъ бѣлые каскады, пересѣченные радугой, повисшей въ водяной пыли.

Снаряды пронизываютъ его незащищенный корпусъ. Онъ не выдерживаетъ поединка и начинаетъ склоняться вправо. Ворочаетъ все круче. Уже многія орудія подбиты. Стрѣляютъ только двѣ пушки. Наконецъ, пораженный сознаніемъ тщетности своихъ усилій, «Сивучъ» ложится на обратный курсъ и проходитъ по борту «Корейца». «Кореецъ» продолжаетъ идти впередъ, принявъ на себя непріятельскій огонь.

Снаряды рвутся теперь вокругъ «Корейца», засыпая его осколками и заливая каскадами воды. «Кореецъ» отвѣчаетъ изо всѣхъ пушекъ. Несмотря на это, непріятель подходитъ ближе. Циферблаты у орудій немедленно передаютъ измѣненія прицѣла. Но шальной осколокъ перебиваетъ провода и циферблаты бездѣйствуютъ. Стрѣльба выходитъ изъ подъ управленія и становится безсистемной. «Кореецъ» имѣетъ нѣсколько попаданій на вылетъ. Рвутся паровыя трубы. Падаютъ ранеными подносчики кормовой пушки. Ихъ стонъ доносится на мостикъ. Гибель кажется неотвратимой.

И передъ лицомъ смерти встаютъ незамѣтные, простые люди и идутъ дѣлать свое дѣло, точно нѣтъ этого града сна-

рядовъ, этихъ сотрясающихъ корабль взрывовъ. Унтеръ-офицеръ Шацкій чинитъ проводку управленія огнемъ. Она, конечно, будетъ снова перебита, но пока дѣйствуетъ опять и командиръ получаетъ возможность корректировать стрѣльбу.

Машинный кондукторъ Ермилъ Рѣпинъ перекрываетъ паръ, садящій черезъ разорванную трубу, и ставитъ запасную. Телеграфный унтеръ-офицеръ Ильинъ поправляетъ оборванную антену.

Стонутъ раненые подносчики. Машинный содержатель (писарь) Сурковъ, робкій и пугливый, предметъ шутокъ и насмѣшекъ всей команды, смотритъ изъ подъ прикрытія на мѣшкотню у пушки, потерявшей обоихъ подносчиковъ сразу, и въ трепетѣ ждетъ близкаго конца. Но вдругъ, перекрестившись, идетъ къ пушкѣ и работаетъ за обоихъ раненыхъ такъ споро и умѣло, что пушка начинаетъ стрѣлять, какъ стрѣляла раньше.

Неравный бой. Еще два-три удачныхъ залпа и крейсеръ пуститъ «Корейца» ко дну. Но наводчику носовой пушки улыбнулось счастье. Будучи ослѣпленъ прожекторомъ и почти не видя цѣли, онъ навелъ пушку на прожекторъ и удачнымъ выстрѣломъ сбилъ его въ воду. Все мгновенно погрузилось во тьму.

Крейсеръ прекратилъ стрѣльбу, пытаясь ввести въ дѣйствіе кормовой прожекторъ. Ворочая впотьмахъ, онъ потерялъ «Корейца» и снова вспыхнувшимъ яркимъ лучомъ, какъ щупальцемъ, сталъ нервно шарить по морю, отыскивая ускользнувшую жертву.

«Кореецъ» шелъ прежнимъ курсомъ. Непріятель продолжалъ поиски. Длинный бѣлый лучъ торопливо бѣгалъ по водѣ и все не находилъ «Корейца». Мелькнула слабая надежда, что непріятель окончательно потерялъ слѣдъ и, рѣшивъ, что лодки больше уже не существуетъ, — отойдетъ.

Увы, въ бѣломъ прожекторномъ лучѣ вдругъ вынырнулъ изъ темноты силуэтъ медленно уходившаго «Сивуча». Почти съ нимъ рядомъ оказались непріятельскіе миноносцы. «Си-

вучъ» сильно пострадалъ при первой схваткѣ и имѣлъ опасный кренъ.

Съ непріятельскаго крейсера вылетѣлъ въ небо ярко засіявшій голубоватымъ свѣтомъ шаръ, — освѣтительный снарядъ, — и сталъ медленно падать въ море, освѣщая цѣль. За нимъ непрерывно стали вылетать другіе, разливая вокругъ «Сивуча» мертвенный, но яркій свѣтъ.

Всѣ непріятельскія суда сразу открыли по «Сивучу» бѣглый огонь. Стрѣляли жадно, безсистемно, — въ упоръ, — навалившись всѣмъ животомъ. Вокругъ «Сивуча» билъ цѣлый лѣсъ каскадовъ. Они свѣтлыми саванами быстро вздымались изъ воды и неспѣшно исходили тонкою алмазной пылью. За ними въ страшной пляскѣ взметались другіе, падая и выростая вновь.

«Сивучъ» не двигался. Лопнули паровыя трубы. Повреждены машины. Рухнулъ мостикъ, увлекая за собой раненаго командира. Корабль остался безъ головы...

Нѣтъ. Капитанъ 2 ранга Черкасовъ встаетъ изъ подъ обломковъ и среди растущаго хаоса подымается на ростры, продолжая управлять огнемъ оттуда. Но умолкаютъ орудія, перебита прислуга, и однако бой продолжается, потому что на «Сивучѣ» уцѣлѣла одна 75-ти миллиметровая пушка. И эта пушка все еще стрѣляетъ.

На рострахъ вспыхиваетъ пожаръ. Огненные языки тянутся къ небу. Пожаръ разгорается и въ огненномъ нимбѣ послѣдній разъ виденъ командиръ...

Съ крейсера залпъ и капитанъ Черкасовъ исчезаетъ, разорванный на части и сметенный въ воду...

Пожаръ растетъ. Бортъ накаляется и багряно темной полосой рдѣетъ надъ водою. И черезъ до-красна раскаленный бортъ все стрѣляетъ та же чудомъ сохранившаяся пушка. «Сивучъ» весь въ пламени клонится мачтами къ водѣ, но продолжаетъ бой.

Два новыхъ массивныхъ силуэта выростаютъ съ непріятельской стороны... Гремитъ залпъ орудій крупнаго калиб-

ра... Глухимъ взрывомъ, точно стономъ, отдается съ «Сивуча»... Онъ разрывается пополамъ и исчезаетъ подъ водою. Мгновенно все погружается во тьму...

Нахлынула жуткая тишина. Нѣмцы спустили шлюпки и подняли съ воды оставшуюся въ живыхъ команду: трехъ офицеровъ и тридцать матросовъ, принявъ ихъ съ воинскими почестями на свои корабли.

Тѣмъ временемъ «Кореецъ» отходилъ на сѣверъ, стараясь выйти къ острову Кюно на мелкія глубины, дабы послѣ возобновленія боя и неминуемой вслѣдъ за нимъ гибели корабля дать возможность экипажу достичь берега вплавь и не сдаваться нѣмцамъ.

Командиръ приказалъ сжечь въ кочегаркѣ всѣ секретные коды, карты и документы. Лодка тихо коснулась мели и остановилась. Въ этомъ моментъ потухло зарево боя съ «Сивучемъ» и голубые свѣтящіеся шары разсыпались по всему небу, отыскивая ускользнувшаго «Корейца». Прожектора пересѣкали море по всѣмъ румбамъ и не находили ничего. Непріятель сталъ постепенно удаляться.

«Кореецъ», давъ полный ходъ назадъ, снялся съ мели и малыми глубинами пошелъ вдоль берега на нордъ. Онъ двигался самымъ малымъ ходомъ, такъ какъ картъ уже не было и плаваніе совершалось по лоту.

Наскоро исправлялись поврежденія. Палуба очищалась отъ обломковъ и стрѣляныхъ гильзъ. На разсвѣтѣ открылся восточный берегъ. Подойдя къ нему на полмили, «Кореецъ» отдалъ якорь и осмотрѣлся.

Обстановка была попрежнему тревожной. Въ морѣ всюду непріятельскіе дымки. Офицеръ, посланный на берегъ, сообщилъ, что нѣмцы у Пернова и берегъ повидимому будетъ сегодня занятъ. Пограничная стража донесла о томъ же. Командиръ созвалъ совѣщаніе офицеровъ. Оно признало положеніе лодки безвыходнымъ: ей грозилъ плѣнъ. Рѣшено было ее взорвать и съ боемъ пробиваться по берегу въ Ревель.

Съ жестокой болью въ сердцѣ это рѣшеніе было исполнено. Славный «Кореецъ» сѣлъ на дно, но надстройки остались надъ водою, что дало возможность потомъ снять съ него пушки и использовать ихъ на береговыхъ батареяхъ.

Но глубоко было горе доблестнаго экипажа и его браваго командира, когда на слѣдующій день, на берегу, они узнали, что непріятель изгнанъ изъ Рижскаго Залива, что положеніе возстановлено и Заливъ снова въ нашихъ рукахъ.

Высочайшимъ приказомъ капитанъ 2 ранга Черкасовъ посмертно былъ награжденъ орденомъ св. Георгія и произведенъ въ слѣдующій чинъ.

ПЕРВЫЙ ПОХОДЪ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «ВОЛКЪ»

1-9 мая 1916 года.

I.

Передо мною моя записная штурманская книжка. Она наполнена сухими, лаконическими записями и цифрами, поспѣшно заносившимися въ разграфленные листки. Но каждая замѣтка, краткая и торопливая, вызываетъ предъ глазами яркія и любопытныя картины, иногда жуткія иногда величественныя, но всѣ, безъ исключенія, необыкновенныя и не забываемыя никогда. Ихъ переживали немногіе, ибо невелико число людей, плававшихъ подъ водой.

Теперь, когда все тайное раскрывается и дѣлается явнымъ, я хочу заставить сухую и офиціальную хронику моей штурманской книжки разсказать понятнымъ языкомъ то, что дѣлалось тогда вокругъ, что думалось и переживалось...

«3 мая. 14 ч. 12 м. — пеленгъ Верхняго Дагерорта — 117, лагъ — 68,7. Поправка 0,4 и т. д.» — гласитъ краткая запись.

Спускаюсь съ мостика внизъ, чтобы проложить на картѣ послѣдній пеленгъ русскаго маяка. Черезъ нѣсколько минутъ онъ скроется и съ нимъ исчезнетъ съ горизонта послѣдняя точка русской земли. Впереди и вокругъ пустынное, сумрачное, непривѣтливое море со всѣми его тайными опасностями и секретами... Мины, подводныя лодки, сѣти... Что теперь скалы и мели, — обычная забота мирнаго времени. О

нихъ даже не думаютъ сейчасъ. Иныя заботы отягощаютъ умъ. Достаточно бросить взглядъ на секретную карту минныхъ полей, и жуткое чувство подступаетъ къ сердцу: къ норду, къ зюйду, въ осту, со всѣхъ сторонъ мины и мины. Плавающія и стоящія на мѣстѣ, видныя и не видныя. Пробираемся осторожно, съ волненіемъ внимательно слѣдя за лагомъ и постоянно провѣряя курсъ, сличая магнитный и электрическій компасы, ловя въ секстанъ днемъ солнце, ночью звѣзды. Но на картѣ вѣдь только наши загражденія и найденныя нѣмецкія. А сколько не найденныхъ? Гдѣ они? Быть можетъ нашъ тщательно провѣряемый курсъ ведетъ насъ къ смерти. Объ этомъ не хочется думать. Эти мысли всѣ гонятъ отъ себя...

— Справа по носу плавающая мина, — кричитъ съ мостика въ люкъ сигнальщикъ.

— Проходимъ или надо мѣнять курсъ? — спрашиваю я вахтеннаго начальника черезъ люкъ и, узнавъ, что проходимъ, возвращаюсь къ штурманскому столу.

— Иванъ Владиміровичъ, будемъ разстрѣливать мину? — обращаюсь къ командиру.

— Нѣтъ, не будемъ, — отвѣчаетъ онъ, нервно смахивая съ кожаной куртки соринку. — Въ такомъ мѣстѣ останавливаться не безопасно, — это дежурный постъ нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ. Нужно проскочить по возможности скорѣе. Поставьте на вахту лишняго сигнальщика, пусть смотритъ въ оба.

Командиръ говоритъ сухо и лаконически, только то, что нужно. Исполнивъ полученное приказаніе, я снялъ пальто и вошелъ въ каютъ-компанію, гдѣ старшій офицеръ и инженеръ-механикъ пили чай, изрѣдка обмѣниваясь немногими словами.

Лодку начинало качать, а потому столъ былъ утыканъ палочками, между которыми стояли стаканы и прочая посуда. Только при такомъ устройствѣ можно было удержать на столѣ предметы. Впрочемъ стаканы съ чаемъ приходилось

держать все время въ рукахъ, иначе чай изъ нихъ выливался. Вѣстовой Сосуновъ, съ трудомъ удерживая равновѣсіе, хватаясь то за буфетный шкапъ, то за столъ и стулья, подалъ мнѣ наполовину расплескавшійся стаканъ чаю и поставилъ передо мной тарелку съ сухарями, заткнувъ вокругъ нея свободныя палочки.

Мы сидѣли молча. Нашъ флотскій юморъ затихъ на время. Береговыя темы не затрагивались вовсе. Мысли прикованы были къ грядущему, жуткому и неизвѣстному.

Четверть часа спустя, я вышелъ наверхъ и принялъ вахту. Погода была ясная, но вѣтреная. Волненіе подымалось, но къ вечеру, судя по барометру и мѣнявшемуся направленію вѣтра, должно было стихнуть. Лодка твердо держалась на курсѣ, врѣзаясь длиннымъ, тяжелымъ корпусомъ въ волны, которыя катились по всей палубѣ, омывая пушки и заплескивая мостикъ. Въ силу своеобразной конструкціи подводныхъ лодокъ мостикъ нашъ такъ малъ, что приходится всю вахту стоять на мѣстѣ, не имѣя возможности сдѣлать даже трехъ шаговъ. Впрочемъ это не было бы возможнымъ и отъ качки. Приходилось держаться, обнявши перископную тумбу и сосредоточенно глядѣть впередъ.

Принято думать, что вахтенный начальникъ коротаетъ свое время въ блаженныхъ мечтахъ о невѣстѣ, о родныхъ и знакомыхъ, о береговыхъ забавахъ и другихъ утѣхахъ жизни. Въ данномъ случаѣ этой идилліи, воспѣтой Станюковичемъ въ его прекрасныхъ разсказахъ, не существовало. Всякій, вышедшій въ море навстрѣчу хитрому, притаившемуся врагу, рѣшительно порываетъ съ береговой жизнью и съ самыми воспоминаніями о ней, ибо каждую минуту можетъ произойти контрастъ, котораго не выдержатъ никакіе нервы. Вниманіе всецѣло поглощено моремъ, коварнымъ, а не поэтическимъ, по винѣ врага.

На вахту въ качествѣ добавочнаго сигнальщика для особо усерднаго наблюденія вышелъ самъ боцманъ. Отрапортовавъ о принятіи вахты, онъ сразу заговорилъ на злобы

дня. О нѣмцахъ, о минахъ, о непогодахъ и о томъ, что составляетъ обязательную тему у всякаго боцмана, — о своихъ прежнихъ плаваніяхъ. Болтовня его нѣсколько утомляла, но въ результатѣ помогла достоять вахту, не скучая.

— Вотъ когда мы съ господиномъ Вальрондомъ на «Крокодилѣ» плавали, въ запрошломъ году, насъ цепелинъ травилъ, и какъ разъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ мы сейчасъ есть, — степенно разсказывалъ боцманъ. — Плывемъ мы это въ надводномъ положеніи, а онъ изъ облаковъ вдругъ такой длинный и точно бы стоить. Насъ замѣтилъ сію же минуту. Мы отъ него погружаться и, какъ на несчастье, лодка въ ту пору не могла уйти на полную глубину. Идемъ на 90 футъ и слышимъ: тра-ахъ, тра-ахъ, бросаетъ бомбы, значитъ. Лодка то старая, трещитъ по всѣмъ швамъ. Мы думали, что пришелъ карачунъ. Инъ ничего: минутъ двадцать потравилъ и отсталъ, рѣшилъ, значитъ, что покончилъ съ нами. Мы ужъ такъ до ночи и не вылѣзали. Всплыли часовъ въ 9 вечера, въ полной темнотѣ. Былъ мѣсяцъ октябрь. Пока мы шли подъ водой, развело штормягу. На силу добрались и стали на якорь, въ нейтральныхъ водахъ, значитъ. Стоимъ день, стоимъ два. Штормъ все реветъ. На третьи сутки пришелъ шведскій миноносецъ и объявилъ, что мы нарушаемъ нейтралитетъ. Мы снялись. Походили немного. Штормъ не утихаетъ. До русскихъ береговъ не добраться никакъ. Къ вечеру вернулись обратно. Утромъ опять миноносецъ. Командиръ кричитъ, что это уже другая лодка и что мы только пережидемъ штормъ, а потомъ уйдемъ. Тѣ смѣются. — Холодно вамъ? — спрашиваютъ. — Разумѣется, холодно, — кричимъ. Пурга такъ и завываетъ. Тогда вдругъ съ миноносца на шестѣ протягиваютъ намъ бутылку коньяку. Миноносецъ качаетъ, насилу поймали... Да... Любопытно все это было. Потомъ миноносецъ ушелъ. Мы тоже ушли къ утру, когда потишало.. Командиръ все это, какъ есть по начальству отписалъ. Даже въ Ставкѣ объ этомъ Государю докладывали.

— Ну что же Государь?

— Говорятъ, засмѣялись и похвалили шведовъ. Они, конечно, люди не плохіе, — и боцманъ пустился въ дальнѣйшія воспоминанія.

Вахта кончилась. Я спустился внизъ. Въ каютъ-компаніи меланхолично попивали кофе и пускали грамофонъ.

Командиръ вышелъ изъ своей каюты и заглянулъ въ каютъ-компанію.

— Отчего вы не спите, господа? — спросилъ онъ кратко. Вопросъ казался немного страннымъ: было около 4-хъ часовъ пополудни.

— Мой совѣтъ, господа, спать во всякое свободное время и днемъ и ночью, ибо могутъ произойти обстоятельства, которыя заставятъ насъ бодрствовать многія сутки, не смыкая глазъ.

Посмотрѣвъ барометръ, лагъ и счетчикъ электрическаго компаса, командиръ ушелъ обратно въ свою каюту, приказавъ разбудить къ перемѣнѣ курса.

Попросивъ вахтеннаго начальника сообщить мнѣ объ открытіи ожидавшагося вечеромъ маяка, я послѣдовалъ совѣту командира и легъ спать.

II.

Меня разбудили извѣстіемъ объ открытіи острова, въ районѣ котораго по агентурнымъ свѣдѣніямъ насъ могли ожидать всякія козни и засады. Послѣ краткаго совѣщанія съ командиромъ мы рѣшили, что выгоднѣе всего будетъ пройти островъ возможно ближе къ берегу и для этого дождаться, когда совсѣмъ стемнѣетъ. Принявъ это рѣшеніе, мы застопорили машины и стали ждать.

Небо затягивалось тучами. Дулъ порывистый, но не сильный вѣтеръ. Горизонтъ темнѣлъ. Наступила ночь. Мы дали ходъ машинамъ и двинулись дальше. Я не въ очередь

вступилъ на вахту, такъ какъ этотъ опасный курсъ требовалъ присутствія штурмана. На мостикѣ остались я и два сигнальщика. Командиръ спустился въ рубку. Берегъ былъ близко. Если бы не темнота, то насъ легко могли бы увидѣть. Мы напряженно озирались вокругъ, стараясь возможно глубже проникнуть взоромъ окружающій насъ сумракъ. Всѣ томились желаніемъ скорѣе пройти нехорошее мѣсто. По берегу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣтились огни. Можетъ быть за моремъ наблюдали. Атмосфера была напряженна и тревожна...

Вдругъ въ темномъ небѣ разорвались тучи и яркая бѣлая луна ослѣпила насъ своимъ лучомъ. Лодка во всей своей наготѣ оказалась на серебристомъ фонѣ моря, освѣщеннаго луной, не имѣя возможности изъ за недостатка глубины ни погрузиться, ни измѣнить курсъ. И въ ту же минуту рѣзкій звенящій свистъ на берегу прорѣзалъ воздухъ. Огонь вдали заколебался. Мимо него промелькнули тѣни..

Мистически холодное, жуткое чувство объяло насъ. Я послалъ доложить командиру. Вмѣстѣ съ нимъ мы, напрягая зрѣніе, слѣдили за темной береговой полосой. Но тамъ вдругъ все сразу стихло. Точно притаилось. Дизеля работали на полный ходъ, слегка сотрясая лодку. Вода, пѣнясь, журчала по бортамъ и смыкалась за кормой въ длинную серебристую струю. Черезъ двадцать минутъ мы прошли опасный курсъ и проникли въ воды, порученныя нашему надзору. Мы перемѣнили курсъ и вздохнули облегченно. Замѣтили насъ или нѣтъ, такъ и осталось загадкой. Я спустился внизъ и, не снимая пальто, легъ на диванъ заснуть до слѣдующаго маяка.

Проснулся во время аврала погруженія. Наверху разсвѣло. Встрѣтился первый пароходъ. Не желая себя обнаруживать, командиръ рѣшилъ дальше идти подъ водой.

Я подошелъ къ свободному перископу. Небольшой бѣлый пассажирскій пароходъ подъ шведскимъ флагомъ проходилъ совсѣмъ близко отъ насъ. По палубѣ гуляли люди и равнодушно глядѣли на воду. Никому изъ нихъ не приходило

въ голову, что въ этотъ моментъ ихъ внимательно разсматриваютъ изъ подъ воды. На палубѣ громоздились чемоданы, корзины и узлы. Очевидно городскіе жители переѣзжали на дачу. Я смотрѣлъ на нихъ и преступная зависть шевельнулась во мнѣ. Вотъ будутъ они сегодня гулять по зазеленѣвшимъ лугамъ, слушать щебетанье птицъ и смотрѣть, какъ безмятежное солнце садится въ море предъ затихающей природой... А мы? Будемъ, какъ невѣдомый чудовищный звѣрь, бродить подъ водою, слушая завываніе своихъ моторовъ, и на благодушный закатъ солнца смотрѣть въ предательскій перископъ... Капли воды съ отсырѣвшаго потолка боевой рубки падаютъ мнѣ за воротникъ. Пароходъ скрылся въ отдаленьи.

Мы недалеко отъ назначенной намъ позиціи. Командиръ не отходитъ отъ перископа. Охотничій зудъ прòбирается въ самыя миролюбивыя сердца.

Проходитъ часъ, другой. Я сижу въ каютъ-компаніи у моего штурманскаго стола и вычерчиваю циркуляціи, которыя описываетъ командиръ, сближаясь временами со встрѣчными пароходами и разглядывая ихъ въ перископъ. Пароходы все нейтральные. Мы начинаемъ скучать. Какъ то не вѣрится въ успѣхъ. Играетъ граммофонъ.

Изъ рубки неожиданно раздается спокойный, но рѣзкій голосъ командира: — Комендорамъ приготовить снаряды. Пулеметъ въ рубку. Набрать сигналъ **«остановитесь».**

Граммофонъ, точно поперхнувшись, сразу обрываетъ свою пѣсню, комендоры запыхавшись бѣгутъ въ рубку, сигнальщики привязываютъ къ длинному шесту сигнальные флаги по международной книгѣ. Всѣ насторожились. Молчаніе водворилось во всѣхъ концахъ лодки. Сердце стучитъ громко и часто. Никто кромѣ командира не знаетъ, въ чемъ дѣло.

— Всплывай-ай! — рѣзко звучитъ голосъ изъ рубки. Рулевые, выпучивъ глаза и сжавъ губы, вертятъ штурвалы на всплытіе. Стрѣлка глубомѣра бѣжитъ выше, выше. Вотъ слышенъ уже плескъ волнъ. Солнечный лучъ вдругъ врывается

черезъ мутное стекло иллюминатора. Командиръ энергичнымъ взмахомъ руки поворачиваетъ рычагъ входного люка, откидываетъ крышку и выскакиваетъ наверхъ.

— Сигналъ поднять! Комендоры къ орудіямъ!

Сигнальщики высовываютъ въ люкъ длинный шестъ съ флагами, комендоры по колѣно въ водѣ пробираются къ своимъ пушкамъ.

Я тоже поднимаюсь наверхъ и осматриваюсь. Въ двухъ кабельтовахъ впереди насъ большой, черный пароходъ. Пароходъ замѣтилъ насъ не сразу. Только что не было никого вокругъ и вдругъ за кормой — длинное зеленое непонятное судно.

Чтобы привлечь вниманіе, командиръ приказалъ пустить пароходу вдогонку два снаряда. Два гулкіе выстрѣла прокатились по морю. Люди на мостикѣ парохода вздрогнули и обернулись назадъ. Съ этого момента начинается незабываемая картина, которая во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ навсегда запечатлѣлась въ моемъ мозгу.

Разобравъ нашъ сигналъ «остановитель», пароходъ поднялъ отвѣтный флагъ и застопорилъ машины. Мы вышли ему на траверзъ и остановились въ четверти кабельтова отъ него.

Бросивъ быстрый взглядъ вокругъ и убѣдившись, что въ настоящій моментъ намъ ничто не угрожаетъ, командиръ объявилъ, что дастъ возможность командѣ парохода спастись. Судьба парохода и людей рѣшалась у насъ на мостикѣ быстрымъ и единоличнымъ судомъ командира. Черезъ полминуты другой, лаконически-безжалостный сигналъ поднялся надъ нашимъ мостикомъ — **«покинуть судно, какъ можно скорѣе».**

Я, не спуская глазъ, смотрѣлъ на мостикъ парохода. Видно было, какъ сигнальщикъ сравнительно спокойно поднялъ отвѣтный вымпелъ до половины и началъ по книгѣ разбирать сигналъ. Узнавъ смыслъ сигнала, онъ панически вздернулъ отвѣтный вымпелъ и, не выбравъ фалы до мѣста, бросилъ ихъ по вѣтру и кинулся внизъ, что то громко крича.

Спустя нѣсколько секундъ вся команда парохода была наверху. Шлюпки буквально падали въ воду съ раздернутыми талями и въ нихъ безпорядочной живой струей сыпались по талямъ люди, садясь ногами на головы другихъ и падая внизъ. Такимъ же образомъ свалились въ шлюпку и двѣ женщины. Послѣ двухъ-минутной суматохи шлюпки отвалили отъ борта. На пароходѣ не осталось ни души.

Убравъ исполненный сигналъ, мы высоко на шестѣ подняли надъ мостикомъ Андреевскій флагъ. Командиръ знакомъ приказалъ нѣмецкимъ шлюпкамъ подойти къ нашему борту.

— Гдѣ капитанъ? — спросилъ онъ. Представительный нѣмецъ въ форменной фуражкѣ и пальто приподнялся и спросилъ, что угодно.

Старшій офицеръ передалъ ему по-нѣмецки приказаніе командира вернуться немедленно на пароходъ и привезти всѣ судовыя карты.

— Торопитесь. Даю сроку 5 минутъ, послѣ чего пароходъ будетъ утопленъ, — добавилъ командиръ сухо и сжато, пуская въ рукѣ секундомѣръ. Капитанъ заикнулся, что не успѣетъ такъ скоро, но командиръ перебилъ его, объявивъ, что, если онъ не успѣетъ, то будетъ утопленъ вмѣстѣ съ пароходомъ.

Шлюпка съ взволнованнымъ капитаномъ погребла обратно. Сбросивъ пальто, капитанъ судорожно быстрыми движеніями вскарабкался по штормъ-трапу наверхъ, дальше бѣгомъ на мостикъ и въ штурманскую рубку. Минуту спустя, онъ выскочилъ оттуда съ тяжелыми свертками картъ и, подбѣжавъ къ поручнямъ, въ безпорядкѣ сбросилъ карты на переполненную людьми шлюпку. Затѣмъ и самъ стремглавъ скатился по трапу съ мостика на палубу и съ палубы въ шлюпку.

Роковыя 5 минутъ минули, когда шлюпка находилась на полдорогѣ между пароходомъ и нами. Командиръ повернулъ рукоятки машиннаго телеграфа и сталъ разворачивать лод-

ку, направляя кормовые аппараты къ пароходу. Пароходъ медленно подходилъ на прицѣлъ.

— Товсь!, — тихо сказалъ командиръ.

— Товсь, — передалось въ рубкѣ.

— Товсь, — отдался заглушенный голосъ въ кормовомъ отсѣкѣ.

Нѣмецкія шлюпки подошли къ борту лодки и уцѣпились за наши трапы. Люди напряженно уставились на пароходъ, не шевелясь, не говоря ни слова...

Кормовые аппараты медленно подкатились къ линіи прицѣла.

— Пли, — сухо произнесъ командиръ.

— Пли, — повторили въ рубкѣ.

— Пли, — глухо отдалось въ кормовомъ отсѣкѣ.

Лодка точно чихнула. Шипящій короткій вздохъ раздался въ кормѣ ея и бѣлая пѣнистая струя, точно костлявая рука смерти, потянулась къ пароходу... Всѣ застыли, устремивъ глаза на остріе струи, которое все ближе и ближе подкрадывалось къ пароходу... Секунды казались минутами. Струя удлиннялась медленно и неуклонно. Вотъ она коснулась кормы парохода... И все еще ничего... Одна секунда... другая... И вдругъ точно что то дернуло пароходъ за корму. Лодка какъ то звеняще и рѣзко содрогнулась, а надъ кормой парохода съ сухимъ трескомъ стремительно взлетѣлъ черный столбъ дыма, обломковъ и щепокъ. Они сыпались вокругъ насъ, но никто не замѣчалъ ихъ, не въ силахъ отвести глазъ отъ парохода. Онъ сразу осѣлъ кормой, какъ раненый звѣрь присѣдаетъ на заднія лапы. Носъ задирался все выше и выше. Обнажилась подводная часть, сначала красная, потомъ ржаво-желтая. Корма заливалась водой. Теченіе сближало насъ. Мы были совсѣмъ близко. Зрѣлище было жуткимъ отъ необычайности: пароходъ вдругъ сталъ на попа, строго перпендикулярно къ поверхности воды. Огромное мокрое красное днище вздымалось къ небу, пугая своей неустойчивостью и неестественностью положенія. Крюки, анкерки, бух-

ты троса и прочіе предметы съ грохотомъ сыпались изъ подъ полубака въ воду. За вьюшку съ буксирнымъ перлинемъ судорожно цѣплялась кошка, мяукая и извиваясь. Не удержавшись, она оторвалась и, крутя въ воздухѣ хвостомъ, полетѣла внизъ.

Вода подходила къ дымовой трубѣ. Волна хлынула въ трубу. Еще нѣсколько мгновеній и раздался новый взрывъ. Опять щепки, обломки и угольная пыль столбомъ взвились вверхъ, мѣшаясь съ облакомъ пара изъ разорвавшихся котловъ. Послѣ второго взрыва пароходъ, сохраняя строго вертикальное положеніе, сталъ погружаться съ необычайной быстротою, точно вонзаясь въ воду. Черезъ нѣсколько секундъ онъ скрылся безслѣдно и навсегда. Волны сомкнулись надъ нимъ холодныя и мрачныя... Всѣ молча смотрѣли на нихъ, подавленные необычайнымъ волнующимъ зрѣлищемъ.

— Капитана возьмемъ съ собою, — прервалъ молчаніе командиръ.

Старшій офицеръ передалъ по-нѣмецки приказаніе командира, и капитанъ парохода вскарабкался къ намъ на мостикъ. Онъ натянуто улыбнулся и снялъ фуражку. Командиръ молча указалъ ему на входной люкъ, жестомъ предлагая спуститься внизъ.

Капитанъ утопленнаго парохода видимо спалъ передъ происшествіемъ, такъ какъ былъ въ пальто прямо на рубашку. За нимъ вслѣдъ съ одной изъ шлюпокъ бросили его жилетъ, сюртукъ и нѣсколько тяжелыхъ свертковъ картъ.

— Приготовиться къ погруженію, — приказалъ командиръ. — Отваливайте! — махнулъ онъ нѣмецкимъ шлюпкамъ, все еще цѣплявшимся за нашъ бортъ. Сидѣвшіе въ нихъ люди уже пришли въ себя и разсматривали насъ любопытными взорами. Женщины улыбались, ежась отъ утренней прохлады, и кутались въ теплые платки.

Не видя съ нашей стороны никакихъ жестокихъ намѣреній, шлюпки отошли отъ нашего борта и спокойно принялись ставить паруса. До берега было около 30 миль.

— Заполняй балластныя. Лишніе внизъ, — приказалъ командиръ. Помпы загудѣли съ протяжнымъ воемъ. Люди сошли внизъ. Лодка стала уходить на глубину.

Старшій офицеръ обходилъ палубы и поздравлялъ команду отъ имени командира и офицеровъ съ первымъ успѣхомъ.

Записавъ точную широту и долготу утонувшаго парохода «Гера» — Бременъ, и проложивъ новый курсъ, я принялся разсматривать нѣмецкія карты. Въ нихъ обнаружилось много чрезвычайно важнаго и цѣннаго матерьяла, не для читателя, конечно, а для оперативнаго отдѣла Штаба флота. Капитанъ былъ подвергнутъ допросу. Онъ отвѣчалъ вѣжливо и обстоятельно, но видно было, что многое скрывалъ. Записавъ свѣдѣнія объ утопленномъ пароходѣ, я предложилъ ему собственноручно внести въ мою книжку его имя и фамилію. Прежде, чѣмъ сдѣлать это, онъ долго и недовѣрчиво разсматривалъ написанное выше, вѣроятно, опасаясь подписать что-нибудь ему неизвѣстное. Тогда я перевернулъ страницу и предложилъ ему написать его имя на первой строкѣ сверху. Онъ успокоился и съ достоинствомъ начерталъ: Karl Stindt.

Старшій офицеръ отвелъ ему койку въ носовой палубѣ и велѣлъ за нимъ присматривать. Ему предложили обѣдъ, но онъ не прикасался ни къ чему. Снявъ пальто, сгорбившись сидѣлъ на своей койкѣ, упорно смотря въ одну точку.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ лодка шла подъ водою. Командиръ и старшій офицеръ попеременно стояли у перископа, разсматривая, что дѣлалось вокругъ. Множество пароходовъ прошло навстрѣчу, неся нейтральные флаги и нейтральныя марки на бортахъ. Какой то шведскій пароходъ съ радіотелеграфомъ остановился у шлюпокъ съ «Геры», снялъ людей и поднялъ шлюпки на палубу. Съ этого момента наше присутствіе здѣсь переставало быть тайной. Погоня за нами была неизбѣжна. Приходилось быть на чеку и напряженно всматриваться въ каждый силуэтъ на горизонтѣ.

Черезъ три съ половиной часа на мѣстѣ потопленія

«Геры» показался четырехъ-трубный миноносецъ, который перемѣнными курсами сталъ обслѣдовать море. Вскорѣ онъ приблизился къ намъ настолько, что мы вынуждены были убрать перископы и погрузиться на 100 футъ. Нѣсколько разъ надъ нами слышна была работа винтовъ.

Около 4-хъ часовъ пополудни, когда хожденіе надъ нами прекратилось, командиръ рѣшилъ осмотрѣться. Быстро пройдя жуткій слой отъ 30 футъ до поверхности, слой, въ которомъ мы, будучи еще слѣпы, могли быть протаранены случайно проходящимъ надъ нами судномъ, мы подняли перископы и осмотрѣлись вокругъ...

Погода стихла. День попрежнему солнечный и ясный. Попрежнему по обѣ стороны отъ насъ многочисленные пароходы бороздятъ бирюзовую синеву моря. Миноносца не видно, но много неизвѣстныхъ дымковъ на горизонтѣ. Прямо по носу пароходъ съ типично нѣмецкой черно-бѣлой окраской. Командиръ медленно отводитъ лодку немного въ сторону отъ курса съ расчетомъ пройти отъ встрѣчнаго парохода въ разстояніи кабельтова. У одного перископа командиръ, у другого я. Иногда уступаю мѣсто старшему офицеру.

Мы ничего не говоримъ, но всѣ уже напряженно, какъ то особенно, молчатъ, а сигнальщики подтаскиваютъ къ люку шестъ съ флагами. Комендоры на ципочкахъ, точно боясь спугнуть кого то, несутъ цинковый ящикъ со снарядами, спотыкаются о трапъ, на нихъ цыкаютъ. Кондукторъ Зуевъ распорядительнымъ шопотомъ спрашиваетъ, наклонившись къ моему уху: — Какой сигналъ? — Остановитесь, — отвѣчаю я. — Давайте прямо: покинуть судно, какъ можно скорѣй, — говоритъ командиръ.

Сигнальщики торопятся. Зуевъ вполголоса вразумительно ихъ нудитъ. Командиръ приказываетъ убрать одинъ перископъ, такъ что дальнѣйшее видитъ только онъ. Иногда на секунду отнимаетъ руку, чтобъ по привычкѣ стряхнуть съ себя воображаемую пыль. Жилы слегка надуваются у него на лбу.

— Что это? — сумрачно и нервно произноситъ онъ. — Ворочаетъ? Да. Значитъ, замѣтилъ... Всплыва-ай! Комендоры къ орудiямъ.

Лодка наполняется гуломъ моторовъ и бѣготней. Слышенъ прибой волны о боевую рубку и шипѣнiе пѣны. Командиръ откидываетъ крышку выходного люка, всѣ на секунду глохнутъ отъ пониженiя давленiя. Комендоры поспѣшно вытаскиваютъ свой ящикъ и разбѣгаются къ орудiямъ. Сигнальщики выставляютъ шестъ и императивный сигналъ развѣвается по вѣтру. Я вслѣдъ за командиромъ выскакиваю наверхъ.

Нѣмецкiй пароходъ находится въ пяти кабельтовахъ отъ насъ. Онъ уже успѣлъ повернуть на 8 румбовъ и полнымъ ходомъ уходилъ по направленiю синѣвшихъ на горизонтѣ шведскихъ береговъ. Первымъ дѣломъ мы дважды внимательнѣйшимъ образомъ осмотрѣли въ бинокль весь горизонтъ. Видны были на различныхъ дистанцiяхъ парусники и пароходы. Военныхъ судовъ замѣтно не было. Перейдя съ моторовъ на дизеля, начали погоню въ полномъ надводномъ положенiи.

Несмотря на категоричность сигнала и на очевидную безнадежность положенiя, германскiй пароходъ, не отвѣчая на сигналъ, стремился уйти отъ насъ, пользуясь небольшимъ преимуществомъ хода.

Видя, что разстоянiе увеличивается, командиръ приказалъ открыть огонь. Послѣ нѣсколькихъ недолетовъ, снаряды стали поражать надстройки и мостикъ. Видно было минутное замѣшательство, но тѣмъ не менѣе пароходъ продолжалъ уходить. Тогда командиръ рѣшилъ догнать его миной.

Какъ и въ первый разъ, съ громкимъ шипѣнiемъ устремилась мина на непокорнаго врага. Но врагъ, для котораго гибель была ясна, продолжалъ упорствовать, не желая исполнить сигнала, предоставлявшаго людямъ спасти свою жизнь. Пароходъ отклонился отъ курса и мина, шедшая ему вдогонку, проскочила за кормой. Но этотъ маневръ, отсрочившiй неминуемый ударъ на двѣ минуты, послужилъ причиной

окончательной гибели. Уклоняясь отъ курса, пароходъ на непродолжительное время развернулся къ намъ всѣмъ своимъ лѣвымъ бортомъ. Не упуская мгновенья, командиръ, наведя на него носовые аппараты, атакуетъ его вторично... Всѣ возбуждены ужасной охотой. Всѣ блестящими, широко раскрытыми глазами смотрятъ на обреченный пароходъ и на безразсудныхъ упрямцевъ, бѣгающихъ по мостику, приговоренныхъ къ смерти единоличнымъ рѣшеніемъ человѣка, стоящаго среди насъ, спокойнаго наружно, но глубоко взволнованнаго въ нѣдрахъ души, ибо вздрагиваютъ мускулы его лица и длинныя рѣсницы нервно опускаются на его красивые глаза, столь непохожіе на очи грознаго судіи, созерцающаго жертву, обреченную имъ на смерть...

Черезъ нѣсколько секундъ вторая мина, съ увеличеннымъ зарядньмъ отдѣленіемъ, достигаетъ парохода и видно, какъ остріе струи касается середины корабля... Двѣ секунды, непонятно длинныя и затѣмъ взрывъ, заставившій содрогнуться всѣхъ. Отъ середины корабля поднялся громадный бѣлый столбъ воды, взлетѣвшій мгновенно на чрезвычайную высоту и закрывшій собою весь пароходъ... Точно каскады мельчайшихъ бриллiантовъ, разсѣиваясь по вѣтру, пересѣченныя радугой, медленно падали струи воды, постепенно открывая смертельно пораженнаго врага...

Пароходъ лежалъ на боку, накрениваясь все больше и больше. Мачты, трубы и надстройки грудой безформенныхъ обломковъ загромождали залитую водою палубу. Нѣсколько человѣкъ торопливо суетилось около единственной уцѣлѣвшей шлюпки, еще висѣвшей на таляхъ. Тали запутались. Ихъ рубятъ топоромъ. Шлюпка падаетъ въ воду. Въ нее прыгаютъ пять человѣкъ и, не дожидаясь остальныхъ, отталкиваются отъ гибнущаго парохода, который уже наваливается на нихъ своимъ тяжелымъ бортомъ. Еще нѣсколько мгновеній и пароходъ стремительно переворачивается вверхъ дномъ, накрывъ, какъ могильной плитою, не успѣвшихъ сѣсть въ шлюпку людей. Еще минута и волны сомкнулись надъ нашей но-

вой жертвой, на кормѣ которой я успѣлъ прочесть и записать слова: «Кольга» — Любекъ.

Всѣ молчатъ и временами взглядываютъ на командира.

— Вѣроятно, погибли люди, — говоритъ вдругъ онъ.

— Что же дѣлать. Вѣдь это война. Надо было слушаться сигнала, — задумчиво отвѣчаетъ старшій офицеръ. — Они топятъ, не предупреждая, а мы, подвергая себя страшному риску, всплываемъ и обнаруживаемъ себя, ради гуманныхъ чувствъ.

Въ молчаніи, осмотрѣвъ еще разъ горизонтъ, мы снова скрываемся подъ водой. Пароходы, наблюдавшіе взрывъ, измѣнили курсы и прошли стороною. Но, спустя часъ, на горизонтѣ появились новые, державшіе прямо на насъ. Медленно прошли мимо одинъ испанскій и два шведскихъ. Командиръ попрежнему, не отрывая глазъ, стоялъ у перископа, сумрачный и молчаливый. Къ концу второго часа подводнаго хода онъ знакомъ подозвалъ старшаго офицера и, уступивъ мѣсто у перископа, — спросилъ односложно: — Да? — Да, — отвѣтилъ старшій офицеръ и, поспѣшно спустившись въ центральный постъ, занялъ свое мѣсто между рупорами переговорныхъ трубъ, соединявшихъ его со всѣми частями лодки.

— Всплывай-ай! — протяжно командуетъ командиръ.

Черезъ минуту лодка выскакиваетъ на поверхность и ворочаетъ вслѣдъ за только что прошедшимъ на контра-курсѣ новымъ германскимъ пароходомъ. Опасаясь терять время понапрасну, мы открыли огонь одновременно съ поднятіемъ сигнала. Пароходъ сначала заметался изъ стороны въ сторону, потомъ остановился и безсмысленно засвистѣлъ, вѣроятно, призывая на помощь. Мы подошли вплотную и старшій офицеръ передалъ по нѣмецки приказаніе покинуть пароходъ. На немъ засуетились медленно и безтолково.

— Шнеллеръ! Шнеллеръ! — кричалъ на нихъ старшій офицеръ.

Объявивъ для ускоренія дѣла, что пароходъ будетъ

утопленъ черезъ двѣ минуты, мы отошли на траверзъ и навели кормовой аппаратъ.

Какъ только послѣдняя шлюпка отвалила отъ борта, вновь раздалась краткая команда «пли» и въ третій разъ оглушительный раскатъ взрыва пронесся надъ моремъ.

На этотъ разъ намъ попался совершенно новый, чисто выкрашенный пароходъ, груженый лѣсомъ. Взрывъ произошелъ въ носу и корабль погружался, задирая корму. «Біанка»—Гамбургъ,—записалъ я его имя и портъ приписки. Въ моментъ взрыва открылся, вѣроятно, какой-нибудь клапанъ и пароходъ засвистѣлъ. Черезъ минуту онъ уже сталъ на попа, усѣявъ досками и бревнами все пространство вокругъ себя. Жалобно свистя, онъ медленно уходилъ въ воду, точно съ трудомъ вонзаясь въ нее, а вверху надъ кормою меланхолично, размѣреннымъ малымъ ходомъ, работалъ винтъ, какъ бы помогая пароходу пройти свой послѣдній, предсмертный курсъ. Какъ и въ первый разъ, какъ только коснулась труба поверхности моря, раздался вторичный взрывъ и, объятый облакомъ пара, пароходъ стремительно исчезъ подъ водою.

Съ обѣихъ сторонъ отъ насъ видны были нейтральныя суда, которыя, застопоривъ машины, наблюдали невиданное зрѣлище. Нѣкоторыя были совсѣмъ близко.

Командиръ приказалъ нѣмецкимъ шлюпкамъ приблизиться и высадить капитана. Высокій, черномазый, сутуловатый мужчина въ синей кепкѣ вылѣзъ къ намъ на палубу и былъ отправленъ къ своему собрату, цѣлый день молча просидѣвшему на койкѣ.

Другая шлюпка тоже порывалась пристать къ нашему борту. Старшина ея указывалъ на матроса съ завязанной платкомъ головою и кричалъ, что онъ раненъ осколками снаряда, прося сдѣлать ему перевязку. Командиръ махнулъ, чтобы они подошли, но нѣсколько тревожнымъ взоромъ все разсматривалъ черный дымокъ, за которымъ скрывалось какое то быстроходное судно.

Боцманъ лихо развернулся и ловкимъ кругообразнымъ движеніемъ метнулъ бросательный конецъ на нѣмецкую шлюпку, которая, подымаясь на волнѣ, не знала, за что зацѣпиться. Видно, это былъ самый неудачный день въ жизни раненаго нѣмца. Вмѣстѣ съ другими онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы поймать конецъ, но поскользнулся и грузъ бросательнаго конца хлестко звякнулъ ему по переносицѣ, такъ что кровь хлынула изъ обѣихъ ноздрей. Въ этотъ моментъ командиръ нервно отнялъ отъ глазъ бинокль и въ одинъ голосъ съ вахтеннымъ начальникомъ воскликнулъ:

— Миноносецъ!

Нѣмецкую шлюпку немедленно отпихнули шестомъ отъ борта и, выйдя полнымъ ходомъ изъ района, усѣяннаго плавающими бревнами, скрылись подъ водой. Окутанный дымомъ миноносецъ быстро двигался въ нашу сторону. Мы убрали перископы и погрузились на 100 футъ.

Сдѣлавъ необходимыя навигаціонныя записи, я принялся за опросъ второго капитана. Несмотря на приказаніе взять съ собой всѣ карты, онъ не привезъ ничего, ссылаясь на то, что былъ слишкомъ взволнованъ. Сообщилъ только, что шелъ съ лѣсомъ изъ Хапаранды въ Киль, что о нахожденіи подводныхъ лодокъ въ этомъ районѣ его никто не предупреждалъ и что всѣ пароходы пересѣкали Норчепингскій заливъ такъ же, какъ и онъ, совершенно не подозрѣвая о возможныхъ опасностяхъ. Въ общемъ разговоръ былъ уклончивъ и я, давъ ему написать его имя вверху страницы, отпустилъ его на покой.

Вдвоемъ, капитаны нѣсколько оживились, завязали вполголоса торопливый разговоръ и не отказались отъ щей, предложенныхъ имъ во время ужина. Къ вечеру подъ водой стало сыро и озябшіе капитаны, почтительно снявъ фуражки, постучали въ каютъ-компанейскую дверь и просили разрѣшенія перейти въ машинное отдѣленіе, погрѣться у дизелей.

Поручивъ наблюденіе за ними рулевому кондуктору Зуеву, командиръ разрѣшилъ имъ безпрепятственное хожденіе

отъ назначенныхъ имъ коекъ до дизелей, около которыхъ грѣлась и сушила промокшее платье вся команда.

Съ наступленіемъ темноты мы всплыли и начали зарядку аккумуляторовъ. Мотористы добродушно предложили капитанамъ два табурета, а сами полукругомъ на корточкахъ и прямо на палубѣ разсѣлись вокругъ нихъ. Завязался разговоръ на непонятныхъ другъ другу языкахъ. Неясности разъяснялись обильной жестикуляціей. Руководившій собесѣдованіемъ кондукторъ Зуевъ воодушевился больше всѣхъ, стараясь показать капитанамъ настоящее салонное обращеніе и хорошій тонъ.

Тѣмъ временемъ, дизеля стучали на полный ходъ, торопясь возстановить растраченную аккумуляторами на долгомъ подводномъ ходу энергію. Вахтенные начальники напряженно всматривались въ темный горизонтъ. Лодка стояла на мѣстѣ съ разобщенными отъ винтовъ двигателями, не имѣя, такимъ образомъ, возможности, въ случаѣ тревоги, сразу же дать ходъ.

Положеніе было безпокойное. Состояніе вахтенныхъ весьма напряженно. Пользуясь свободнымъ для меня временемъ, я легъ спать въ каютъ-компаніи на диванѣ, рядомъ со штурманскимъ столомъ.

III

Я проснулся отъ того, что мнѣ на голову вылился чайникъ, поставленный кѣмъ то на штурманскомъ столѣ. Вслѣдъ за нимъ посыпались книги, протракторъ, циркуля, линейки и прочая штурманская принадлежность. Я немедленно вскочилъ и, чтобы удержаться на ногахъ, долженъ былъ ухватиться за буфетный шкапъ, изъ котораго уже сыпалась плохо закрѣпленная посуда. Лодка съ сильнымъ уклономъ на носъ уходила на глубину. Обѣ створки двери въ центральный постъ распахнулись сами собой и я увидѣлъ каскадъ воды, лившійся изъ выходного люка черезъ боевую рубку въ цент-

ральный постъ. Позади меня, у противоположной двери, два плѣнныхъ капитана съ открытыми ртами и блѣдными, какъ полотно, лицами, смотрѣли передъ собой.

— Электромоторы полный впередъ! — нервно кричалъ командиръ. — Неужели не готово? Скорѣй!

Нѣсколько вымокшихъ насквозь людей спрыгнуло внизъ. Входную крышку, захлестнутую волною, закрыли съ трудомъ, когда она уже была подъ водою. Около дизелей суетились мотористы и, едва сохраняя равновѣсіе, разобщали муфту, соединявшую во время зарядки дизеля съ электромоторами.

Въ этотъ моментъ странное жужжанье пронеслось вдоль всей лодки и, пройдя надъ погруженнымъ носомъ, перешло съ одного борта на другой.

— Мина! — воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Электромоторы полный впередъ!.. — возбужденно крикнулъ командиръ, и электрики, давно сжимавшіе рубильники въ своихъ рукахъ, замкнули ихъ на полный ходъ.

Минный машинистъ Бирюковъ, стоявшій у переводной муфты, сдѣлалъ въ этотъ моментъ послѣдній ея поворотъ и хотѣлъ вынуть рычагъ изъ гнѣзда. Но разобщенная муфта уже завертѣлась на валу и рычагъ съ размаху ударилъ Бирюкова по животу. Онъ упалъ, не успѣвъ крикнуть, но успѣвъ все же выдернуть злополучный рычагъ, который, оставшись на мѣстѣ, могъ бы сорвать все движеніе. Лодка, забравъ ходъ, наконецъ выравнялась на глубинѣ, а черезъ минуту надъ нашей головой, бурля винтами, проскочилъ нѣмецкій миноносецъ.

— Погружайся на 100 футъ, — приказалъ командиръ горизонтальнымъ рулевымъ. Завыли рулевые моторы и стрѣлка глубомѣра стала падать внизъ подъ жадно устремленными на нее взорами столпившихся въ центральномъ посту людей. Перейдя за назначенный предѣлъ, она медленно вернулась на указанную цифру и лодка пошла на сто футовой глубинѣ.

Лежавшаго безъ чувствъ Бирюкова перенесли на его койку и осмотрѣли. По признакамъ, не оставлявшимъ сомнѣ-

нія, фельдшеръ опредѣлилъ кровоизліяніе въ животъ, грозившее неминуемой смертью. Нѣкоторое время спустя, Бирюковъ застоналъ и пришелъ въ сознаніе. Несчастный просилъ все время пить и очень хотѣлъ молока. Ему разводили въ водѣ консервированное, стараясь создать иллюзію настоящаго. Онъ имѣлъ силы пройти нѣсколько разъ, сгорбившись и спотыкаясь, подъ руку съ фельдшеромъ въ уборную, но вскорѣ слегъ и, простонавъ еще сутки, умеръ въ слѣдующую ночь.

Обернувъ Андреевскимъ флагомъ, его оставили лежать на своей нарѣ, завѣсивъ ее простыней. Командиръ не хотѣлъ воспользоваться правомъ спустить его въ море, а рѣшилъ довезти до Ревеля для преданія землѣ со всѣми почестями, подобающими герою.

Присутствіе поблизости отъ нихъ покойника тревожило капитановъ и они, почти не смыкая глазъ, провели остальное время похода, сидя у дизелей.

Въ теченіе дня, когда мы взорвали три германскихъ парохода, мы дважды видѣли миноносецъ, очевидно посланный для нашего уничтоженія. Зная его присутствіе неподалеку отъ насъ, мы допустили все же нѣкоторую неосторожность, расчитывая на темное время, и остановились для зарядки аккумуляторовъ въ непосредственной близости отъ мѣста нашихъ дѣйствій. Кромѣ того, мы стояли въ позиціонномъ положеніи, имѣя палубу вровень съ поверхностью моря, и волны, катясь черезъ нее, отмѣчали наше мѣсто длиннымъ бѣлымъ буруномъ, который и привлекъ вниманіе разыскивавшаго насъ миноносца. Стоявшій на вахтѣ старшій офицеръ замѣтилъ какой-то темный предметъ подъ горизонтомъ, но не торопился прекращать зарядки, желая убѣдиться, что онъ отъ продолжительнаго напряженія не ошибается. Но темный предметъ быстро увеличивался въ размѣрахъ и стало ясно, что онъ движется очень большимъ ходомъ и можетъ быть только миноносцемъ. Прекращеніе зарядки и погруженіе было произведено со стремительностью, стоившей жизни одному

человѣку. Случайный же дифферентъ на носъ избавилъ насъ отъ очевидной гибели, такъ какъ мина прошла надъ носовой палубой, почти вплотную.

Мы пробыли подъ водой почти до разсвѣта, все время отходя на остъ. Наконецъ, рискнули всплыть, чтобы закончить зарядку.

Напряженно и нервно наблюдали мы за горизонтомъ, а на разсвѣтѣ дали ходъ однимъ дизелемъ, продолжая зарядку другимъ.

Море какъ то странно опустѣло. Движеніе судовъ, столь обильное наканунѣ, почти прекратилось. Перепуганныя нами не вышли въ море даже и нейтральныя суда. Проходивъ весь день подъ водою, мы замѣтили только три шведскихъ парохода, и послѣ нихъ не видѣли никого.

При такихъ обстоятельствахъ наше дальнѣйшее пребываніе здѣсь становилось ненужнымъ. Тѣмъ болѣе, что за нами слѣдили уже два миноносца, силуэты которыхъ мы наблюдали одновременно къ норду и къ зюду. А потому, прождавъ сутки, мы всплыли съ темнотою и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня двинулись на остъ.

Не доходя сѣверной оконечности Готланда, мы замѣтили вправо отъ насъ силуэтъ низко сидящаго парохода, надъ палубой котораго желтѣлись какъ будто доски. Похоже было, что пароходъ шелъ къ острову, перегруженный лѣсомъ. Не останавливая на немъ особеннаго вниманія, мы продолжали путь.

Минутъ черезъ десять кто то опять захотѣлъ посмотрѣть на пароходъ. Но онъ непонятно исчезъ. Это заинтересовало всю вахту. Онъ былъ отъ насъ не далѣе, чѣмъ въ двухъ миляхъ, и скрыться за горизонтомъ никакъ не могъ. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли въ сторону пропавшаго парохода и уже стали отворачиваться понемногу, когда вдругъ кто то громко закричалъ: — Справа на траверзѣ — перископъ!

Устремивши поспѣшно свои бинокли по указанному направленію, мы увидѣли кабельтовыхъ въ десяти отъ насъ слег-

ка отсвѣчивавшій на солнцѣ стержень и за нимъ легкую борозду по заштилѣвшему морю.

Не имѣя времени разсуждать о связи парохода съ подводной лодкой, мы быстро повернулись къ перископу кормой и погрузились въ воду. Уже на спокойномъ подводномъ ходу, послѣ оживленныхъ дебатовъ мы пришли къ единственному заключенію, которое могло объяснить исчезновеніе парохода, а именно, что посредствомъ легкихъ щитовъ нѣмецкія лодки могли маскироваться. Въ данномъ случаѣ желтые щиты впереди и позади боевой рубки, похожей на мостикъ, съ перископной тумбой, похожей издали на дымовую трубу, создали впечатлѣніе грузовика, переполненнаго лѣсомъ, и легко отвели отъ него вниманіе, тѣмъ болѣе, что онъ шелъ на Готландъ, а шведы для внутреннихъ перевозокъ не стали бы пользоваться иностранными судами.

Подъ вечеръ мы всплыли и по засвѣжѣвшей волнѣ въ полномъ надводномъ состояніи прошли между островами Готландъ и Готска-Сандэ.

Намъ пришлось испытать неожиданныя затрудненія по штурманской части. Электрическій компасъ Сперри пересталъ дѣйствовать, такъ какъ работавшіе на него моторы во время атаки на насъ миноносца, были залиты водой, которая повредила обмотку якорей, разъѣвъ изоляцію. Магнитные же компасы разошлись на сорокъ градусовъ между собою по причинамъ, которыхъ доискаться было невозможно. Пришлось маневрировать на большой волнѣ для срочнаго уничтоженія девіацiи и согласованія компасовъ. Покончивъ съ этой работой, мы, наконецъ, легли на курсъ къ Дагерорту, погрузившись ночью на 40 футъ, спеціально для отдыха команды, ибо на подводномъ ходу для обслуживанія движенія лодки достаточно было 4-хъ человѣкъ.

На разсвѣтѣ всплыли и я съ волненіемъ ждалъ открытія Верхняго Дагерортскаго маяка, правильное или неправильное появленіе котораго должно было подтвердить или опровергнуть всѣ мои штурманскіе разсчеты. Впрочемъ, не это было

важно. Важно было безъ ошибки войти въ невидимыя ворота между минныхъ полей и загражденій, разсѣянныхъ далеко вокругъ Дагерорта. Послѣдствія ошибки могли быть слишкомъ роковыми...

И вотъ Дагерортскій маякъ открылся въ должномъ направленіи, удостовѣривъ правильность моихъ расчетовъ. Вздохъ облегченія невольно вырвался у насъ. Мы подняли мачту и дали радіотелеграмму на маякъ о нашемъ преждевременномъ возвращеніи. Маякъ не отвѣтилъ и мы пошли безъ оповѣщенія. Это послужило причиной нашего послѣдняго приключенія. Съ момента открытія русскаго маяка мы сразу же почувствовали себя дома. Увидѣвъ немного въ сторонѣ нашъ дозорный миноносецъ, мы довѣрчиво бросились къ нему навстрѣчу, но онъ открылъ по насъ ураганный огонь, несмотря на опознательный сигналъ, тщетно развѣвавшійся по вѣтру. Не убирая даже мачты, мы вынуждены были спасаться подъ водой, съ полнаго хода грохнулись на песчаное морское дно и затѣмъ, опасаясь быть протараненными на фарватерѣ, ползли по песку Дагерортской банки, обходя фарватерныя вѣхи завѣдомо не съ той стороны. Только пройдя Дагерортскую мель мы всплыли на поверхность, размахивая шестомъ съ опознавательнымъ сигналомъ.

Узнавъ свою лодку, миноносецъ подошелъ съ извиненіями. Мы сообщили ему результаты нашего похода и онъ немедленно объявилъ о нихъ по радіо всему флоту.

Съ наступленіемъ темноты, мы легли на дно у банки Аполлонъ и, впервые за истекшіе восемь дней, выспались спокойно, зная, что на днѣ морскомъ насъ никто не атакуетъ.

На утро продолжали путь домой. Пройдя Суропскіе маяки, мы открыли всѣ входные люки и команда, за исключеніемъ сигнальщиковъ и комендоровъ, вся просидѣвшая девять дней взаперти расположилась на верхней палубѣ отогрѣться и просохнуть на привѣтномъ майскомъ солнцѣ. Съ этого момента можно было разрѣшить себѣ мысли о берегѣ, о ваннѣ, о комфортѣ.

Мы входили на рейдъ съ приспущеннымъ флагомъ, какъ имѣющіе покойника на борту. Суда, мимо которыхъ мы проходили, ставили во фронтъ команду и кричали ура. Было совѣстно и лестно.

Стоявшій въ гавани подъ флагомъ Командующаго флотомъ крейсеръ «Россія» встрѣтилъ насъ музыкой и карауломъ. На его мачтахъ поднялся сигналъ:

— «Волку» Адмиралъ изъявляетъ свое особое удовольствіе.

Польщенные встрѣчей, о которой мы вовсе и не думали, мы подошли къ транспорту-базѣ и подали швартовы.

Начальникъ Подводнаго Плаванія вышелъ намъ навстрѣчу, поздоровался съ нами и поздравилъ съ удачнымъ походомъ. Многочисленные вопросы посыпались одинъ за другимъ, но ихъ перебилъ адмиральскій катеръ, который подошелъ съ распоряженіемъ поднять флагъ до мѣста, дабы не нарушать общаго радостнаго впечатлѣнія, и сообщилъ, что Командующій Флотомъ приглашаетъ командира и штурмана прибыть къ нему, въ чемъ есть, съ картами похода и навигаціоннымъ журналомъ.

2-й и 3-й ПОХОДЫ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «ВОЛКЪ».

Іюнь 1916 года.

I

Въ связи съ полученіемъ агентурныхъ данныхъ, Штабомъ Флота была намѣчена очередная совмѣстная операція русскихъ и англійскихъ подводныхъ лодокъ у германскихъ береговъ.

Для принятія обстановки, командиръ (Ив. Вл. Мессеръ) и я явились къ Начальнику Службы Связи Балтійскаго Флота въ его береговой кабинетъ. Одновременно съ нами туда же прибылъ и командиръ англійской подводной лодки Е9, капитанъ Кроми, впослѣдствіи убитый большевиками. Съ нимъ были и другіе англійскіе офицеры. Кроми выдѣлялся среди нихъ бѣлымъ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ, полученнымъ имъ за утопленіе въ Балтійскомъ морѣ германскаго крейсера «Принцъ Адальбертъ».

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошелъ Начальникъ Службы Связи, контръ-адмиралъ Непенинъ, впослѣдствіи Командующій Флотомъ, тоже убитый большевиками, и, сѣвъ въ кресло передъ столомъ съ генеральною картой Балтійскаго морского театра, началъ излагать обстановку, временами прерывая свою рѣчь и давая слово переводчику, старшему лейтенанту Антонію Эссенъ, который повторялъ сказанное адмираломъ Непенинымъ — по англійски. Самъ адмиралъ, не владѣя англійскимъ языкомъ бѣгло, иногда лишь поправлялъ его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находилъ переводъ не точнымъ.

Талантливѣйшій организаторъ и блестящій знатокъ фло-

та, Непенинъ отличался вспыльчивымъ и подчасъ грубымъ характеромъ, что, однако, прощалось ему всѣми и всецѣло въ виду его общепризнаннаго таланта, вызывавшаго къ нему благоговѣніе всего флота. Рѣчь его обильно пересыпалась нецензурными выраженіями, отъ которыхъ онъ, какъ истый морской волкъ и холостякъ, не могъ воздержаться.

— На параллели Либавы поперекъ моря держится завѣса изъ легкихъ крейсеровъ. Идя по назначенію, вамъ надлежитъ прорвать эту завѣсу, не обнаруживая себя и не увлекаясь благопріятными случаями атаки. Я знаю, вы — спортсмэнъ, мистеръ Кроми, но свободу вашего спортсмэнскаго пыла я разрѣшаю лишь на обратномъ пути. Въ Данцигскихъ докахъ стоитъ сейчасъ крейсеръ «Кайзерина Августа». Крейсеръ то самъ по себѣ — г..., но, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною, на немъ собирается выйти въ море принцъ Генрихъ Прусскій. «Кайзерина» подъ его флагомъ выйдетъ изъ Данцига черезъ 3-4 дня. Въ теченіе этого времени вамъ надлежитъ держаться въ квадратѣ 824. «Кайзерина», выйдя изъ канала, ляжетъ на вестъ, къ Гіедзеру. Тутъ то вы и пришпильте ее, такъ ее и разэтакъ, съ какого конца будетъ угодно.

Переводчикъ заминается.

— Насчетъ литературныхъ украшеній, какъ знаете, а прочее безъ отсебятинъ, — подсказываетъ ему Непенинъ.

Кроми сдержанно улыбается и спрашиваетъ, нѣтъ ли донныхъ минъ въ Данцигскомъ каналѣ, гдѣ онъ предпочелъ бы лечь на дно у самаго порта въ ожиданіи «Кайзерины».

Непенинъ бросаетъ на него одобрительный взглядъ.

— Вотъ молодчина, чертъ васъ дери. Но думаю, что въ каналъ лучше не заходить: мало ли чего они тамъ наклали. Точныхъ свѣдѣній объ этомъ у меня нѣтъ. Идя обратно, можете снять пѣнки съ г....., которое тилипается въ завѣсѣ, но не переходите къ весту отъ 18-го меридіана, чтобы не встрѣтиться съ «Волкомъ» и не напакостить другъ другу. Черезъ 10 дней васъ будетъ ждать дежурный миноносецъ, который

проведетъ васъ въ Рогокюль Соэло-зундомъ. Если вернетесь раньше, то идите кругомъ, черезъ Дагерортъ, сообщивъ по радіо точный часъ подхода, иначе васъ обложатъ батареи.

— А вамъ, — повернулся Непенинъ къ командиру «Волка», — вамъ назначается походъ къ Гіедзеру. Если «Кайзерина» увильнетъ отъ Кроми, что, впрочемъ, мало вѣроятно, то вы должны будете ее ущучить по дорогѣ къ Кильскому каналу. Но имѣйте въ виду, что все пространство у входа въ каналъ зас...но минами на десять миль вокругъ. Имѣются входныя вѣхи, — вотъ ихъ снимокъ, — но ихъ легко проглядѣть, особенно въ мглистую погоду. Вамъ предоставляется самому оцѣнить обстановку. Предупреждаю, что районъ все время обслѣдуется германскими миноносцами, такъ ихъ и разэтакъ, а потому днемъ на поверхность показываться отнюдь нельзя. Вообще никого не трогать до прохода «Августы», т. е. первые четыре дня. Начиная съ пятаго дня, шпильте направо и налѣво. Возвращаясь, не переходите 18-го меридіана къ осту, дабы не спутаться съ Е9.

Пожелавъ намъ успѣха, Непенинъ кончилъ свою служебную бесѣду съ нами и мы отбыли на базу подводныхъ лодокъ готовиться къ походу.

II

Закончивъ пріемъ путевыхъ запасовъ и консервовъ и высадивъ на берегъ писаря и баталера (завѣдующаго провіантской частью), мы отдали швартовы и вышли на рейдъ. Сдѣлавъ пробное погруженіе и провѣривъ механизмы, дали полный ходъ обоимъ дизелямъ и подъ вечеръ вышли за боновое загражденіе въ море.

Минула короткая іюньская ночь и русскіе берега скрылись съ горизонта. День наступилъ ласковый и теплый. Море, — какъ зеркало. Кругомъ ни души, если не считать ча-

екъ, которыя, описывая круги въ воздухѣ, то ниспадали къ морю, чиркая крыльями по водѣ, то взвивались къ небесамъ.

Лодка медленно ползла въ позиціонномъ (полуподводномъ) положеніи, оставляя за собой на зеркальной поверхности моря широкую бѣлесоватую дорогу, покрытую мелкими кружками и завитками пѣны.

Глубокая идиллія, полная скрытыхъ опасностей со всѣхъ сторонъ.

Сидя въ боевой рубкѣ, слышу черезъ открытый люкъ разговоръ сигнальщиковъ, стоящихъ вахту наверху.

— Чайки все бѣлыя, а одна черная.

— Гдѣ?

— А вонъ тамъ, повыше.

— То, должно, не чайка, а коршунъ.

— Какой же тебѣ коршунъ на водѣ.

— Такъ то оно такъ, а только онъ совсѣмъ, какъ коршунъ: крыльями не машетъ, точно бы застылъ. Паритъ, значить...

Стоящій на вахтѣ старшій офицеръ вдругъ соскакиваетъ внизъ. За нимъ стремительно валятся въ люкъ оба сигнальщика и рулевой. Старшій офицеръ быстрымъ движеніемъ руки замыкаетъ электрическій ревунъ, означающій боевую тревогу и погруженіе.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Аэропланъ, — отвѣчаетъ онъ. — Пошлите доложить командиру.

Командиръ быстро поднимается въ боевую рубку. Электромоторныя помпы съ шумомъ заполняютъ среднія систерны.

— Погружайся на 60 футъ, — приказываетъ командиръ горизонтальнымъ рулевымъ.

Систерны наполнены. Въ лодкѣ наступаетъ тишина. Лишь пріятно для уха жужжатъ главные электро-моторы, замкнутые на полный ходъ. Лодка идетъ на 60-ти футовой глубинѣ.

Вдругъ звенящій трескъ прорѣзаетъ тишину... Точно уда-

ры металлическаго бича по стальному корпусу лодки со свистомъ и лязгомъ часто падаютъ на насъ, одинъ за другимъ...

— Разъ, два, три, четыре... семь, — съ остановившимся дыханіемъ считаемъ мы взрывы аэропланныхъ бомбъ. Даже при электрическомъ свѣтѣ видно было, какъ поблѣднѣли многія лица. По бортамъ снаружи лодки — въ аппаратахъ Джевецкаго — 8 ничѣмъ не прикрытыхъ минъ Уайтхеда. Достаточно небольшому осколку снаряда щелкнуть по запальному стакану и — отъ лодки не останется слѣда. Или, если даже и не будутъ тронуты мины, — отъ взрыва одной лишь аэропланной бомбы — треснетъ обшивка, прямымъ столбомъ или плоскими косыми вѣерами ворвется внутрь вода. Въ одну минуту зальетъ моторы. Мгновенная темнота. А за нею безвѣстная смерть. Не на людяхъ, не въ пылу атаки, не съ лихо занесенной надъ головой саблей, не въ упоеніи подвигомъ, не подъ покровомъ голубыхъ небесъ, — а въ тоскѣ вынужденнаго бездѣйствія, въ холодномъ, мокромъ мракѣ, въ ожогахъ отъ разлившейся изъ аккумуляторовъ кислоты, среди смрадной тьмы и скрежета зубовъ...

Но никто не позволялъ себѣ тогда этихъ размышленій. Я рисую эту картину въ память тѣхъ, кто погибъ на семи нашихъ подводныхъ лодкахъ, утопленныхъ въ минувшую войну, въ память тѣхъ, о чьей трагической и геройской смерти тогда нельзя было громко говорить изъ военныхъ соображеній.

— Погружайся на 100 футъ, — нервно приказываетъ командиръ.

Бомбы перестаютъ падать. Молчаніе продолжаетъ царить въ лодкѣ. Проходитъ минута, другая. На лицахъ появляются улыбки.

— Штобъ ему ни дна, ни покрышки, слышится нерѣшительный возгласъ.

— И откудова онъ взялся? Вѣдь и береговъ то не видать.

Старшій офицеръ даетъ отбой тревоги и вмѣстѣ съ боц-

маномъ обходитъ лодку, осматривая, не появилось ли гдѣ течи.

Мы остаемся идти подъ водой. Люди разбредаются по своимъ угламъ. Въ носовомъ отдѣленіи запускаютъ граммофонъ:

— «Да, я — а-э-ро-планъ
Системы новой,
Въ полетъ готовый...»

залихватски визжитъ шансонетка.

— «Коль за-хо-чу,
Того безплатно прокачу».

— О-хо-хо-хо-хо, — ржутъ успокоенные голоса.

Въ каютъ-компаніи начинается безконечный чай. Курильщики томятся и проклинаютъ аэропланъ, загнавшій насъ подъ воду, гдѣ куреніе недопустимо.

Съ наступленіемъ темноты всплываемъ и однимъ дизелемъ начинаемъ зарядку аккумуляторовъ, другимъ поддерживаемъ ходъ впередъ.

Съ разсвѣтомъ погружаемся. Нѣсколько разъ подымаемъ перископы, но ничего въ нихъ не видимъ: точно ихъ забили бѣлой ватой. Командиръ рѣшаетъ всплыть, чтобъ осмотрѣться и узнать, въ чемъ дѣло.

Оказывается — нашелъ густой туманъ. Не было надобности дальше идти подъ водой, тратя аккумуляторную энергію, которую съ такимъ трудомъ, урывками, исподтишка, приходится возобновлять. При дневномъ свѣтѣ нашли забившіеся въ палубную настилку осколки аэропланныхъ бомбъ и что-то вродѣ шрапнельныхъ пуль, но кубической формы.

Но черезъ часъ верхняя вахта опять стремительно валится въ люкъ и пѣніе ревуна опять оглушаетъ лодку. Погода прояснилась, и слѣва отъ насъ, на самомъ близкомъ разстояніи, обнаруженъ былъ нѣмецкій перископъ. Съ прибли-

женіемъ къ непріятельскимъ водамъ обстановка, естественно, становится тревожной. Остылъ юморъ. Каждый сосредоточенно и покойно дѣлалъ свое дѣло, въ возможно болѣе тщательномъ выполненіи котораго всякій изъ насъ инстинктивно чувствовалъ уменьшеніе опасности, обступившей насъ со всѣхъ сторонъ.

Въ темнотѣ мы подошли ко входу въ Данцигскій заливъ. Наша позиція находилась къ западу. Чтобъ не помѣшать англійской лодкѣ и пройти стороной, надо было точно опредѣлить свое мѣсто.

Мы всплыли. Командиръ никакъ не могъ открыть выходной крышки. Ему помогало двое рулевыхъ, но рычагъ не подвигался съ мѣста.

Атмосфера сразу стала напряженной. На поверхности моря намъ можно было находиться только при самомъ обостренномъ вниманіи къ тому, что дѣлалось вокругъ. А при закрытомъ люкѣ мы были въ этомъ отношеніи крайне стѣснены. Перископы ночью безполезны. Иллюминаторы, расположенные по окружности боевой рубки, были очень малы и поминутно заливались волной. Я быстро передвигался отъ одного иллюминатора къ другому, напряженно вглядываясь черезъ нихъ въ ночную темноту. Море казалось особенно мрачнымъ и холоднымъ. Безжизненная холодная луна лила мертвенный молочный свѣтъ на сумрачныя волны, которыя съ глухимъ рокотомъ медленно и тягуче катились на насъ, лѣниво разливаясь по палубѣ и обдавая рубку пѣной. Направо, съ размѣренною по секундамъ точностью, мигалъ маякъ. Это была единственная живая точка на мертвомъ фонѣ и къ ней невольно тянулся глазъ.

За моей спиной продолжали возиться съ рычагомъ. Молчаніе царило въ лодкѣ. Я опять посмотрѣлъ на маякъ и справа отъ насъ замѣтилъ темный силуэтъ: можетъ быть, буй, — а, можетъ быть, сторожевое судно безъ огней. Немедленно сообщилъ объ этомъ командиру.

— Заполняй балластныя, — крикнулъ онъ, бросивъ рычагъ.

Лодка стала быстро погружаться. На глубинѣ 90 футъ подъ давленіемъ столба воды выходная крышка плотнѣе прижалась къ своему мѣсту, и рычагъ легко открылся. Стало ясно, что крышка не открывалась потому, что повышеннымъ давленіемъ внутри лодки она выпиралась наружу и сильно натягивала запирающій ее рычагъ. Давленіе же внутри лодки обычно повышается, вслѣдствіе утечки сжатаго воздуха изъ баллоновъ, гдѣ онъ хранится, на случай необходимости срочнаго продутія систернъ погруженія или на случай аваріи моторныхъ помпъ, которыми онѣ откачиваются обычно. Такимъ образомъ, барометръ въ лодкѣ на подводномъ ходу всегда показываетъ максимальную плотность, по обывательски: великую сушь, несмотря на дѣйствительную сырость.

Пройдя еще нѣкоторое время подъ водой и не слыша надъ собой движенія, мы опять стали подыматься... На глубинѣ 40 футъ лодка за что то зацѣпилась. Старшій горизонтальный рулевой, вслухъ объявлявшій глубину черезъ каждые 5 футъ, нѣсколько разъ повторилъ одну и ту же цифру.

— Что такое? — въ недоумѣніи спросилъ командиръ. — Посмотрите на указатель скорости: имѣемъ ли ходъ впередъ?

Я взглянулъ на циферблатъ электрическаго лага. Стрѣлка указывала ноль.

— Сѣть! — промелькнула щемящая мысль.

— Полный ходъ впередъ, — приказываетъ командиръ...

Поютъ электромоторы...

Указатель хода показываетъ ноль.

— Такъ можетъ быть только хуже, — подумалъ я. — Можемъ сорвать верхнія мины или запутаться еще больше.

— Стопъ, электромоторы, — командуетъ командиръ, видимо думая то же, что и я.

Гробовое молчаніе во всей лодкѣ. Всѣ напряженно смотрятъ по направленію къ центральному посту.

— Заполняй балластныя, — приказываетъ командиръ, не давая хода ни впередъ ни назадъ.

Лодка сначала стоитъ на мѣстѣ, потомъ вдругъ, точно оторвавшись, начинаетъ падать. Старшій рулевой, тоже о чемъ то догадываясь, со вздохомъ облегченія начинаетъ называть глубину:

— 75, 80, 85, 90...

— Задержаться на 100 футъ, — говоритъ командиръ. — Электромоторы малый впередъ, право на бортъ.

Лодка медленно описываетъ широкую циркуляцію подъ водой, выходя изъ опаснаго района. Вмѣстѣ съ командиромъ мы разсматриваемъ карту наиболѣе крупнаго масштаба, стараясь по характеру глубинъ догадаться о мѣстахъ возможнаго расположенія противо-лодочныхъ сѣтей, примѣненіе которыхъ создало для подводныхъ лодокъ новую смертельную опасность, ужасную тѣмъ, что экипажъ запутавшейся въ сѣтяхъ лодки, обреченъ на медленную смерть отъ истощенія запасовъ воздуха, если сѣти не были снабжены подрывными патронами, упрощающими развязку. То и другое было одинаково по конечнымъ результатамъ, а потому командиръ рѣшилъ не переходить черезъ подозрительную узкость, лежавшую на нашемъ пути, а, дождавшись разсвѣта выслѣдить въ перископъ, какъ ее проходятъ надводныя суда.

Весь слѣдующій день мы провели подъ водой, невдалекѣ отъ узкости, и за весь день не видѣли ни одного судна, что укрѣпило насъ въ подозрѣніи о непроходимости этого района.

Произведя ночную зарядку, мы отошли на сѣверъ и стали на путяхъ, которыми обычно слѣдовали грузовые пароходы, въ надеждѣ повторить уловъ нашего перваго похода. Но всѣ суда, безъ исключенія, держались на этотъ разъ подъ берегомъ, не выходя изъ нейтральной полосы, которую шведы спеціально для этого протралили и обставили особыми вѣхами.

Не желая тратить времени напрасно, командиръ рѣшилъ вернуться и испросить новыхъ инструкцій.

Съ досаднымъ чувствомъ безрезультатности похода, мы вернулись въ Ревельскую базу и донесли о нашихъ наблюденіяхъ, касательно сѣтей.

III

Пріостановивъ посылку лодокъ черезъ указанный нами районъ до болѣе точныхъ данныхъ, Командующій Флотомъ назначилъ намъ походъ въ Ботническій заливъ, для ловли нѣмецкихъ пароходовъ.

Получивъ отъ начальника Або-Оландской позиціи шведскія карты, мы пересѣкли шхеры и вышли въ Ботническій заливъ. Шхерные острова, еще недавно бывшіе убѣжищемъ для дачниковъ, спасающихся отъ городского шума, теперь превращены были въ маленькія крѣпости, уставленныя морскими батареями, наблюдательными постами, авіаціонными пунктами и станціями радіотелеграфа. Частное пароходство было прекращено, а для мѣстныхъ нуждъ ходилъ разъ въ недѣлю пароходикъ съ военнымъ комендантомъ.

Мы однимъ галсомъ пересѣкли Ботническій заливъ по діагонали и къ вечеру слѣдующаго дня подошли къ шведскимъ берегамъ.

Еще до того, какъ насъ могли бы увидѣть, мы скрылись подъ водой и къ берегу подошли невидимкой.

Надо было точно опредѣлить мѣсто. Въ перископъ видны были крутые гористые берега, покрытые темнымъ ковромъ зелени и мховъ. Надъ обрывомъ высился старинный замокъ, сумрачный и одинокій. Другого жилья не было замѣтно далеко вокругъ, лишь лоцманская станція на островкѣ, выброшенномъ въ море. Къ сѣверу въ море выдавался опознанный мною по соотвѣтствію пеленговъ мысъ, прикрывавшій подходъ къ фіорду, въ глубинѣ котораго лежалъ городъ Эрншельдсвикъ. Надъ самымъ обрывомъ этого мыса бѣлѣлъ маленькій мая-

чокъ. Мы повернули на него и пошли самымъ малымъ ходомъ, полтора узла, въ расчетѣ, что нѣмецкіе пароходы, огибая мысъ, вѣроятно позволятъ себѣ маленькій рискъ не прижиматься къ берегу въ этомъ мѣстѣ и такимъ образомъ дѣлать большой крюкъ, а пересѣчь бухту по замыкающей ее прямой, покинувъ на четверть часа нейтральную зону.

Наступила бѣлая ночь. Даже въ полночь было такъ свѣтло, что мы не могли бы всплыть, себя не обнаруживая. До береговъ было всего четыре съ небольшимъ мили.

Въ 2 часа ночи, на уровнѣ мыса появился пароходъ. Мы медленно повернули ему навстрѣчу. Въ виду ночного времени онъ не несъ флаговъ, а потому надо было пройти возможно ближе, чтобы опредѣлить его національность по порту приписки, который обозначается обычно на кормѣ. Командиръ рѣшилъ на этотъ разъ атаковать по-нѣмецки, т. е. безъ предупрежденія и не всплывая, чтобы не спугнуть другихъ. Гибель парохода могла быть приписана сорвавшейся съ минныхъ полей или плавающей минѣ. Электрическій ревунъ поднялъ спавшую команду. Всѣ разбѣжались по своимъ мѣстамъ и застыли въ ожиданіи приказаній. Минные машинисты ухватились за спусковые рычаги своихъ аппаратовъ и напряженно уставились, каждая пара на свой рупоръ переговорной трубы изъ центральнаго поста.

Но надо было еще, чтобъ пароходъ вышелъ хоть на минуту изъ 3-хъ мильной нейтральной полосы и, кромѣ того, надо было убѣдиться, что это пароходъ нѣмецкій...

И вотъ, стало видно, какъ пароходъ медленно отдѣляется отъ берега, расчитывая сократить путь пересѣченіемъ бухты внѣ нейтральныхъ водъ. Мы тихо приближаемся къ нему. Поднятъ только одинъ перископъ. Командиръ, держась за его ручки ворочаетъ его, ища надписей на борту парохода.

— «Дорита»... Штетинъ... Первый номеръ Джевецкаго, — товсь!

Соотвѣтствующій минный машинистъ, давно уже готовый, крѣпче сжимаетъ свой рычагъ.

— Пли!..

Машинистъ дергаетъ рычагъ. Раздается шипящій вздохъ и мина, отдѣлившись отъ своего гнѣзда на палубѣ лодки, устремляется впередъ...

До парохода кабельтовъ съ небольшимъ. Мина, имѣя скорость 50 узловъ, должна достичь его черезъ 8-9 секундъ. Съ затаеннымъ дыханіемъ считаемъ про себя эти секунды, ожидая взрыва... Но проходитъ 10, 12, полминуты, — взрыва нѣтъ.

— Промахъ, — говоритъ командиръ.

Пароходъ тѣмъ временемъ уже перешелъ за нашъ траверзъ. Поворачивать за нимъ подъ водою было бы очень долго, и онъ успѣлъ бы войти снова въ нейтральную полосу.

— Всплывай! — приказываетъ командиръ, предпочитая себя обнаружить, но не упустить непріятельскаго судна.

Лодка выплываетъ на поверхность и ворочаетъ вслѣдъ за пароходомъ. Сигналъ не былъ заблаговременно набранъ, а потому, пока сигнальщики прицѣпляли флаги, комендоры остановили пароходъ, пустивъ ему вдогонку нѣсколько снарядовъ. Въ блѣдномъ сумракѣ бѣлой ночи видно было, какъ снаряды, пробивая бортъ, оставляли за собой въ желѣзной бортовой обшивкѣ раскаленные красные кружки, которые, спустя мгновеніе, потухали.

Пароходъ въ смятеніи остановился. Мы приблизились и голосомъ передали приказаніе немедленно покинуть пароходъ, а капитану привезти съ собой всѣ карты.

Полуодѣтая команда черезъ полминуты была вся наверху и сейчасъ же вслѣдъ за симъ двѣ большія шлюпки, наполненныя блѣдными людьми, отвалили отъ парохода. Одна изъ нихъ подошла къ нашему борту и высадила тяжело дышавшаго и прижимавшаго руку къ сердцу капитана.

— Какой грузъ? — спросилъ командиръ.

— Желѣзная руда, — прерывающимся голосомъ отвѣтилъ капитанъ.

— Товсь! — скомандовалъ командиръ, выйдя на траверзъ парохода.

— Пли!

Черезъ 10 секундъ мина дотрагивается до середины парохода... Поднимается столбъ воды, угольной пыли и пара... Взрывъ глухимъ раскатомъ несется по заштилѣвшей бухтѣ, отдается эхомъ въ горахъ и громовымъ могучимъ перебоемъ катится по спящему фіорду, затянутому розовой, полупрозрачной дымкой предразсвѣтнаго тумана.

Черезъ 50 секундъ пароходъ переворачивается вверхъ дномъ и исчезаетъ подъ водою. На его мѣстѣ остается плавать опрокинутая пустая шлюпка...

Нѣмецкій капитанъ, держась рукой за сердце и съ трудомъ дыша, стоитъ у насъ на мостикѣ и растерянно смотритъ передъ собой. Командиръ предлагаетъ ему спуститься внизъ.

Лодка погружается. Я прокладываю на картѣ провѣренные нѣсколько разъ пеленга лоцманской станціи и маяка, дабы не было споровъ о нарушеніи нейтралитета. Пеленга пересѣкаются въ 4-хъ съ половиной миляхъ отъ берега, т. е. показываютъ наше мѣсто въ полутора миляхъ отъ шведскихъ территоріальныхъ водъ.

Командиръ предлагаетъ и нѣмецкому капитану показать на картѣ мѣсто гибели парохода, дабы убѣдиться, что и онъ не обвиняетъ насъ въ нарушеніи шведскаго нейтралитета. Но капитанъ, продолжая тяжело дышать, норовитъ указать мѣсто гораздо ближе: въ шведскихъ водахъ. Я отыскиваю среди привезенныхъ имъ съ собой нѣмецкихъ картъ карту даннаго района и нахожу проложенный на ней нѣмецкимъ штурманомъ курсъ парохода, почти совпадающій съ нашимъ и лежащій внѣ шведскихъ водъ. Оправданіе наше неоспоримо. Нѣмецкій капитанъ вынужденъ съ этимъ согласиться.

— Что съ вами? — спрашиваетъ командиръ, видя, что тотъ все держится за сердце.

— У меня астма и аневризмъ. Я призванъ изъ запаса, въ которомъ находился по болѣзни сердца, и лишь недавно, вслѣдствіе нехватки личнаго состава, назначенъ для плаванія на транспортахъ въ наиболѣе спокойныхъ районахъ... Что не помѣшало мнѣ однако попасть сегодня въ плѣнъ.

Старшій офицеръ, вахтенный начальникъ и механикъ подходятъ въ сопровожденіи вѣстового съ бокалами шампанскаго на подносѣ.

— Позвольте, Иванъ Владиміровичъ, поздравить васъ съ неизмѣняющимъ вамъ успѣхомъ, — говоритъ старшій офицеръ.

— Благодарю, — сдержанно улыбаясь, лаконически отвѣчаетъ командиръ. — Дайте ему шампанскаго, киваетъ онъ на нѣмецкаго капитана. — Можетъ быть, это полезно для поддержанія сердца. Смотрите, онъ еле дышетъ.

Нѣмецъ пьетъ. Я записываю его имя: Теодоръ Фридрихсенъ, послѣ чего старшій офицеръ отводитъ ему въ носовомъ помѣщеніи койку и рекомендуетъ лечь.

Начинаю разборку захваченныхъ картъ. Вниманіе наше привлекъ новый шведскій нейтральный фарватеръ и курсы, обходящіе стороною мѣсто, гдѣ мы въ прошлый разъ за что то зацѣпились. Нѣмецкій капитанъ при опросѣ былъ болѣе растерянъ, чѣмъ его коллеги, захваченные нами прошлый разъ, и проговорился, что за нимъ должны пройти еще нѣсколько нѣмецкихъ пароходовъ. Поэтому, въ расчетѣ, что эти пароходы успѣли выйти въ путь до полученія вѣстей о насъ отъ спасшейся съ «Дориты» команды, мы остались подъ водой въ прежнемъ районѣ, самымъ малымъ ходомъ двигаясь на нордъ.

Мимо прошли нейтральные пароходы. Шведская канонерка вышла изъ Эрншельдсвика и долго крейсировала неподалеку отъ насъ, разумѣется, насъ не видя.

Въ полдень повернули на обратный путь, продолжая наблюденіе за райономъ.

Пришла ночь, такая бѣлая, что всплытіе наше было невозможно. Наступили вторыя сутки безпрерывнаго пребыва-

нія нашего подъ водой. Дыханіе стало стѣсненнымъ, но командиръ упорно ждалъ, разыскивая нѣмецкія суда среди довольно многочисленныхъ пароходовъ, проходившихъ мимо.

Въ теченіе вторыхъ сутокъ недостатокъ воздуха сталъ ясно сказываться почти на всѣхъ. Подняться въ боевую рубку на нѣсколько ступенекъ вверхъ — по дѣйствію на сердце казалось восхожденіемъ на высокую гору. Ничтожное усиліе для поворота перископа вызывало тяжелую одышку. Въ виду этого многіе легли, стараясь не дѣлать лишнихъ движеній. Впрочемъ на состояніи духа обстоятельство это ничуть не отражалось. Всѣ единодушно одобряли упорство командира и ждали появленія непріятельскихъ судовъ.

Подъ конецъ вторыхъ сутокъ дальнѣйшее пребываніе подъ водою стало невозможнымъ. Чтобы пройти отъ центральнаго поста до моторовъ, нужно было нѣсколько разъ, прислонившись къ стѣнѣ, отдыхать. Къ тому же нѣмецкій капитанъ давно лежалъ пластомъ, не принималъ пищи и, казалось, пересталъ дышать; а онъ подлежалъ допросу въ Штабѣ Флота, и его не только по человѣчеству надо было сохранить.

Тогда, выйдя полнымъ ходомъ изъ видимости шведскихъ береговъ, мы всплыли на поверхность и открыли всѣ три люка. Загудѣли вентиляторы и все въ лодкѣ оживилось. Нѣмецкаго капитана убѣдили, что онъ еще живъ и заставили принять пищу.

Пересѣкши Ботническій заливъ по направленію къ русскимъ берегамъ, мы вошли въ Сѣверный Кваркенъ и остановились у перваго островка съ постомъ службы связи, прося вызвать изъ Николайштадта катеръ съ офицеромъ для принятія плѣннаго капитана, болѣзненное состояніе котораго внушало намъ опасенія за его цѣлость и стѣсняло насъ. Въ ожиданіи катера начали, какъ читатель уже можетъ догадаться, срочную зарядку аккумуляторовъ, энергія которыхъ почти вовсе истощилась за двое сутокъ непрерывнаго хода подъ водою.

Въ полночь прибылъ самъ Начальникъ Николайштадтскаго воднаго района и привезъ съ собой на всякій случай двухъ русскихъ лоцмановъ, которыхъ мы приняли къ себѣ, не имѣя въ нихъ нужды, но чтобы дать имъ возможность получить награду. Начальникъ воднаго района увезъ нѣмца съ собой*) и принялъ отъ насъ свѣдѣнія объ утопленномъ пароходѣ для сообщенія Штабу Флота. Такимъ образомъ оффиціальное оповѣщеніе отъ Ставки вышло во всѣхъ газетахъ еще до нашего окончательнаго возвращенія изъ похода.

Продолжая однимъ дизелемъ зарядку, мы снялись съ якоря и двинулись въ сѣверную часть Ботники на новое мѣсто. Вслѣдствіе бѣлой ночи немыслимо было пройти незамѣтно до снабжавшей нѣмцевъ лѣсомъ Хапаранды и мы, выбравъ позицію на полдорогѣ, погрузились у ближайшаго изгиба шведскихъ береговъ, гдѣ можно было ожидать выхода нѣмецкихъ судовъ на короткое время изъ шведскихъ территоріальныхъ водъ.

Мѣсто было спокойное. Большинство людей отдыхало. Но командиръ самъ стоялъ съ утра у перископа, слѣдя за проходящими судами. Легкій бризъ наносилъ по временамъ полосы тумана, и тогда мы на нѣкоторое время слѣпли. А когда прояснялось, являлись миражи. Парусники и пароходы поднимались изъ подъ горизонта вверхъ ногами, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія, у нихъ оказывалось два силуэта: прямой и опрокинутый, которые своими макушками касались другъ друга. Далѣе опрокинутый силуэтъ исчезалъ и предметъ принималъ свои естественныя формы.

Позиція была очень скучной. Нѣмцы видимо о насъ узнали и отмѣнили выходъ пароходовъ.

Для спокойствія мы держались вблизи огражденной со всѣхъ сторонъ вѣхами банки. Такимъ образомъ пароходы не

---

*) Послѣ опроса въ Штабѣ Флота, плѣнный капитанъ, какъ и предыдущіе, былъ отправленъ на поселеніе въ Олонецкую губернію.

очень приближались къ намъ и не вынуждали насъ ни отходить въ сторону, давая имъ дорогу, ни погружаться, — что влекло бы за собой лишнюю трату аккумуляторной энергіи, экономить которую на случай серьезнаго дѣла было заботой всякаго командира...

Но вотъ изъ рубки слышится команда:

— Право руля.

Немного спустя вдругъ:

— Больше право.

И вслѣдъ за симъ уже повышеннымъ голосомъ:

— Полный впередъ! право на бортъ.

Вѣроятно добыча, — думаю я.

— Полный назадъ! — командуетъ вдругъ командиръ.

Не отходя отъ своего стола, въ недоумѣніи жду, что будетъ дальше. Положеніе кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что задняго хода подъ водой мы никогда не употребляли, ибо при перемѣнѣ хода съ передняго назадъ лодка теряетъ дифферентъ.

Дѣйствительно, — лодка остановилась и стала наклоняться носомъ внизъ, вызывая непріятное ощущеніе потери подъ ногами почвы. Створки всѣхъ дверей открылись къ носу и со стола поѣхали на полъ карты, книги и прочіе предметы.

— Погружайся! — слышится громкій голосъ командира.

Я всталъ изъ за стола и хотѣлъ пройти въ центральный постъ, но въ эту минуту лодка задрожала, надъ головой послышался лязгъ разрываемаго желѣза, бурленіе чьихъ то винтовъ, и вслѣдъ за симъ въ боевую рубку сверху хлынула вода...

— Всплывай!.. продуть систерны!.. — во весь голосъ воскликнулъ командиръ.

Продутіе балластныхъ систернъ сжатымъ воздухомъ означало чрезвычайную срочность. Всѣ, вскочивъ съ мѣстъ, не двигаясь, смотрѣли по направленію къ центральному посту,

ожидая, всплыветъ ли лодка, и не понимая еще, что именно произошло...

Паденіе воды изъ боевой рубки въ центральный постъ понемногу затихаетъ и въ рубкѣ появляется слабый дневной свѣтъ. Я поднимаюсь къ командиру.

— Негодяй насъ протаранилъ, — взволнованно говоритъ командиръ, — невозможно было думать, что онъ повернетъ на насъ: за нами банка, туда нѣтъ дороги. Кромѣ того онъ несъ нейтральныя, шведскія марки. Когда мы стали ворочать, онъ упорно слѣдовалъ за нами, цѣлясь прямо на перископъ. Марки фальшивы. Это — нѣмецъ. Комендоры къ орудіямъ! Откройте люкъ..

Люкъ не открывается. Черезъ иллюминаторы видны разрушенія на мостикѣ: обломки загромождаютъ выходную крышку.

— Откройте палубные выходы! скорѣй!

Старшій офицеръ распоряжается открытіемъ носового люка, который запирается водонепроницаемою дверью не только изнутри, но и снаружи листомъ палубной настилки, завинчиваемой сверху. Такимъ образомъ открытая изнутри массивная водонепроницаемая дверь уперлась въ стальную палубную настилку.

— Ломы! — распоряжается старшій офицеръ.

Слѣпые и безпомощные мы стоимъ на поверхности, не зная, что предпринимаетъ таранившій насъ непріятель. Сознаніе опаснаго безсилія заставляетъ тайно волноваться. Сыплются глухіе, дробные удары ломовъ... Трещитъ настилка. Лоцмана, не сознававшіе до сихъ поръ обстановки, вдругъ поняли ее и устремились къ выходному люку.

— Что же это будетъ? — жалобно простоналъ одинъ изъ нихъ, распространяя вокругъ себя неприличный запахъ.

— Запереть его въ гальюнъ, — велитъ старшій офицеръ.

Наконецъ палубный листъ отваливается въ сторону и въ носовое помѣщеніе врывается лучъ свѣта. Командиръ,

старшій офицеръ и два комендора выскакиваютъ наверхъ къ пушкамъ. За ними слѣдую я.

Кругомъ пусто. Легкое облако тумана нашло на насъ и закрыло собой таранившій насъ пароходъ, силуэтъ котораго слегка угадывался въ полумилѣ, но черезъ нѣсколько секундъ исчезъ совсѣмъ. Стрѣльба и погоня были безполезны. Можно было обстрѣлять другого. Начали бѣглый осмотръ разрушеній.

По палубѣ были оборваны лишь провода безпроволочнаго телеграфа, на мостикѣ же сломаны подъемная мачта, перископъ, своротены: компасный нактоузъ, зенитная пушка, штурвалъ и перископная тумба. Все это грудой обломковъ загромождало боевую рубку и свисало внизъ. На счастье наше и таранившаго насъ парохода онъ не зацѣпилъ наружныхъ минъ.

Старшій офицеръ вызвалъ всю свободную команду наверхъ для разборки поломокъ. Одновременно съ этимъ мы дали ходъ и пошли обратно, пользуясь внутренними приборами управленія.

Спускаюсь внизъ проложить кратчайшій курсъ въ Сѣверный Кваркенъ. За переборкой, черезъ корридоръ, слышно, какъ одинъ изъ подвахтенныхъ мотористовъ учитъ перепуганнаго лоцмана пользованію уборной.

— Это тебѣ не то, что на берегу или на надводномъ суднѣ: потому мы всегда подъ давленіемъ. Ты, когда уходить будешь, сперва завинти верхнюю крышку, затѣмъ накачай воды, а изъ этой вотъ трубки пусти сжатый воздухъ. Опосля надави рычагъ, — откроется шпигатное отверстіе и все вылетитъ, куда надо, за бортъ, значитъ... Да верхнюю крышку то завинтитъ не позабудь: а то замѣсто того, чтобъ въ шпигатъ, — все тебѣ въ хряпъ вылетитъ. Оченно красивымъ выйдешь.

— Премудрости какія, жалуется лоцманъ. — Даже сходить по человѣчески нельзя. Никогда на подводную лодку ногою больше не ступлю.

Мы полнымъ ходомъ идемъ въ Николайштадтъ. Поломанныя части убираются внизъ, поврежденія маскируются и накрываются чехлами.

Туманъ налетаетъ временами и мѣшаетъ войти въ шхеры. Приходится отдать якорь и ждать ясной погоды. Утомленный походомъ ложусь спать. Просыпаюсь въ 2 часа и не могу понять: дня или ночи. Совершенно свѣтло, но туманъ и солнца не видно. Изъ разспросовъ выясняю, что сейчасъ ночь. Къ пяти часамъ утра туманъ разсѣивается и мы входимъ въ Сѣверный Кваркенъ.

Въ 8 часовъ утра приходимъ въ Николайштадтъ, — патріархальный, уютный сѣверный финляндскій городокъ, скромно украшенный недолговѣчной зеленью и насквозь проникнутый безмятежіемъ и тишиной.

Шифрованной телеграммой вызываемъ себѣ смѣну и, высадивъ храбрыхъ лоцмановъ, идемъ дальше на югъ, въ Або.

Подъ вечеръ слѣдующаго дня входимъ въ Або-Оландскія шхеры и черезъ три часа — въ лиманъ рѣки Ауры. Кругомъ легкій сумракъ полночи. Мигалки едва замѣтно вспыхиваютъ, отражаясь огненною стрѣлкой въ зеркальной глади лимана. По берегамъ тихія виллы съ маленькими пристанями, около которыхъ мирно дремлютъ маленькія яхты. Все безмятежно и тихо спитъ.

— Экая благодать. Хорошо живутъ чухонцы, — задумчиво произноситъ командиръ.

Полчаса спустя, подходимъ къ военной пристани и швартовимся къ канонеркѣ «Хивинецъ».

Тишина и благолѣпіе ночи угашаютъ во мнѣ тревожныя переживанія похода. Я выхожу на берегъ и иду прямо по дорогѣ. Противъ замка Густава-Адольфа сажусь на камень...

Усталъ немного... Тишина... Предразсвѣтный бризъ ласково шепчетъ: — Погружайся на 100 футъ... Хорошо живутъ чухонцы...

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКѢ «ПАНТЕРА»

Въ теченіе лѣта 1916 года въ составъ дѣйствующаго флота на Балтійскомъ морѣ одна за другой входили новыя подводныя лодки водоизмѣщеніемъ въ 900 тоннъ, такъ называемыя Бубновскаго типа, по имени корабельнаго инженера Бубнова, строившаго ихъ на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ въ Петербургѣ.

Лодки эти во многомъ отличались отъ англійскихъ, прорвавшихся къ намъ въ началѣ войны, превосходили ихъ величиною и вооруженіемъ, какъ миннымъ, такъ и артиллерійскимъ, но уступали имъ въ скорости хода. Впрочемъ, къ началу 1917 года у насъ появились уже лодки типа «Кугуаръ», превосходившія англійскія не только вооруженіемъ, но и скоростью хода.

Развитіе подводной войны требовало полнаго напряженія, какъ въ области конструированія лодокъ, такъ и въ дѣлѣ скорѣйшей подготовки личнаго состава. Послѣднее оказывалось труднѣе перваго и зачастую личный составъ новыхъ лодокъ временно пополнялся людьми лодокъ, находившихся въ ремонтѣ и на отдыхѣ.

Такъ въ октябрѣ 1916 года, пока подводная лодка «Волкъ», на которой я уже совершилъ нѣсколько боевыхъ походовъ, была въ ремонтѣ, я былъ командированъ на подводную лодку «Пантера» для похода въ Норчепингскій заливъ, гдѣ часто появлялись германскіе пароходы подъ конвоемъ сторожевыхъ судовъ.

«Пантера» стояла въ передовой базѣ Рогокюль, постро-

енной съ американской быстротой на пустынномъ берегу Монзунда. До войны здѣсь была лишь убогая рыбачья деревушка, не имѣвшая ни желѣзно - дорожнаго сообщенія, ни подходныхъ фарватеровъ, годныхъ хотя бы лишь для миноносцевъ. Теперь здѣсь возникъ цѣлый городокъ. Казармы, церковь, портовыя мастерскія, нефтяные склады, радіостанція, удобныя пристани. Желѣзно-дорожная вѣтка соединяла базу съ Гапсалемъ, а заново вычерпанные фарватеры открывали къ ней доступъ изъ Монзунда для миноносцевъ и транспортовъ. Землечерпательные караваны продолжали работать во всѣхъ направленіяхъ, подготовляя фарватеры для крейсеровъ и линейныхъ кораблей.

Поѣздъ пришелъ засвѣтло. Съ наступленіемъ вечера база погружалась въ абсолютную тьму. Внѣ закрытыхъ помѣщеній не разрѣшалось ни одного огня, такъ какъ база уже привлекла вниманіе непріятельскихъ аэроплановъ и цеппелиновъ, которые удавалось отгонять днемъ, но очень трудно было бы отогнать ночью.

«Пантера» готовилась къ своему первому походу. Не доставало штурманскаго офицера. Съ моимъ прибытіемъ эта нехватка пополнялась и лодка должна была сняться со швартововъ на слѣдующій день.

Командиръ показалъ мнѣ оперативное заданіе, полученное наканунѣ, и объявилъ, что хочетъ выйти на разсвѣтѣ.

Густой туманъ лежалъ надъ Монзундомъ. Налеты были невозможны, и мы спокойно выспались передъ походомъ.

Туманъ не разсѣялся и на утро. Но всѣ мы уже пріобрѣли навыкъ бравировать силы природы, и лодка, не видя вокругъ себя далѣе, чѣмъ на 20 саженъ, осторожно вышла изъ гавани и легла на фарватеръ.

Точное счисленіе вывело насъ къ выходу изъ Монзунда. Въ полдень слегка прояснило и мы благополучно выбрались въ открытое море.

Навигаціонныя опасности остались позади, но развер-

нулись опасности боевыя, подкарауливавшія насъ со всѣхъ сторонъ.

Весь день и всю ночь мы шли, прямымъ курсомъ пересѣкая море. Къ разсвѣту слѣдующаго дня пришли въ Норчепингскій заливъ, но вслѣдствіе густого тумана должны были бездѣйствовать весь день.

Неопытность наспѣхъ подготовленнаго личнаго состава сказывалась на каждомъ шагу. Непосвященному уху быть можетъ трудно уловить это въ такого рода діалогахъ.

— Туманъ разсѣивается, — докладываютъ съ мостика.

Командиръ и я поднимаемся наверхъ.

— Что видно?

— Парусникъ въ двухъ миляхъ.

— Ну это ничего. Парусникъ вещь безобидная.

— Увы, не такъ, возражаю я. — На многихъ парусникахъ есть радіо-телеграфъ, состоящій на германской службѣ, независимо отъ флага, которымъ парусникъ себя прикрываетъ.

— Но мы въ двухъ миляхъ отъ него. На такомъ разстояніи онъ не пойметъ, что мы за птица: изъ воды торчитъ только мостикъ и больше ничего.

— Я думаю, что у нихъ уже давно выработалось правило: если изъ воды торчитъ что-нибудь непонятное, то это значитъ подводная лодка.

Погружаемся и до темноты ходимъ подъ водой. Съ наступленіемъ ночи всплываемъ и приближаемся къ обычному пути пароходовъ, пересѣкающихъ Норчепингскій заливъ.

Какое тутъ оживленіе. Одинъ за другимъ, въ кильватеръ и параллельными курсами идутъ цѣлыя колонны нейтральныхъ судовъ. Они предпочитаютъ ходить въ этихъ мѣстахъ ночью, когда ихъ меньше безпокоятъ дозорныя суда воюющихъ сторонъ. Конечно, среди нихъ замѣшались и германскія, но теперь ихъ обнаружить можно было бы только прожекторомъ, раскрывъ тѣмъ самымъ свое присутствіе здѣсь, что не входило въ наши планы.

Въ густой, безлунной темнотѣ суда шли, неся всѣ установленные огни. Только мы, какъ въ шапкѣ невидимкѣ, въ надводномъ положенiи, но безъ единаго огня, слѣдовали однимъ курсомъ съ ними, иногда сближаясь съ тѣмъ или другимъ до того близко, что ясно слышали то шведскую, то датскую рѣчь перекликавшихся вахтенныхъ матросовъ.

Иногда попадались встрѣчные, и мы, молча, невидимо для нихъ отходили въ сторону, давая имъ дорогу.

Потомъ опять сближались и слушали голоса. Такимъ уютомъ и чисто морской идилліей вѣяло отъ мирно плывшихъ кораблей, не подозрѣвавшихъ о тайномъ наблюдателѣ, невидимо шедшемъ вровень съ ними.

Наконецъ, утомленные безрезультатнымъ напряженіемъ, мы вышли изъ колонны и, отойдя въ сторону, начали зарядку.

Пока стояли на мѣстѣ, я легъ спать.

На утро меня пригласили къ перископу. Лодка медленно шла подъ водой заранѣе проложеннымъ мною курсомъ.

Въ перископъ виденъ былъ полосатый маякъ Ландсортъ и вытянувшаяся отъ него вереница пароходовъ съ типично нѣмецкой, четкой, черно-бѣлою окраской. Вокругъ нихъ въ боевомъ порядкѣ группа сторожевыхъ судовъ.

— Все совершенно ясно. Они сейчасъ вытянутся въ сплошную линію и мы, подойдя немного ближе, можемъ безъ промаха атаковать ихъ залпомъ верхнихъ минъ, — сказалъ я командиру.

Командиръ взялся за ручки перископа и направилъ лодку пересѣкающимся курсомъ на встрѣчу германскимъ кораблямъ.

Послѣ того, какъ подводная лодка «Волкъ» утопила въ этомъ же заливѣ три германскихъ транспорта, нѣмцы стали ходить, или прижимаясь къ берегу, въ нейтральной полосѣ, что значительно удлиняло ихъ путь и въ навигаціонномъ отношеніи не было удобно, или, собираясь группами, пересѣкали море подъ конвоемъ сторожевыхъ судовъ.

Такую группу мы и видѣли сейчасъ передъ собою.

Сторожевыя суда рыскали въ стороны, высматривая перископы. На близкую дистанцію подходить было опасно.

Практика войны показала, что въ ясную погоду безъ промаха можно было атаковать съ разстоянія не болѣе десяти кабельтовъ (верста и три четверти).

Командиръ, приблизившись на эту дистанцію, не рѣшался идти дальше, такъ какъ сторожевыя суда постоянно поворачивались къ намъ носами, создавая у насъ впечатлѣніе, что они насъ открыли. Старшій офицеръ и я съ трудомъ уговорили командира рискнуть перейти границу, чего онъ совершенно справедливо не хотѣлъ дѣлать безъ достаточной тренировки. Но въ это время одинъ изъ конвоировъ опредѣленно повернулъ на насъ и по большому бѣлому буруну подъ его носомъ видно было, что онъ идетъ къ намъ большимъ ходомъ.

Командиръ устоялъ противъ искушенія немедленно убрать перископы и уйти на глубину. Но, наведя лодку на колонну непріятельскихъ судовъ, самъ схватилъ два рычага верхнихъ аппаратовъ, старшій офицеръ — третій, и быстро далъ залпъ вѣеромъ изъ трехъ минъ, послѣ чего мы сейчасъ же убрали перископы и полнымъ ходомъ пошли на глубину.

Черезъ полминуты раздался оглушительный взрывъ, сильно сотрясшій лодку. Это могъ быть подрывъ германскихъ кораблей, но могъ быть и взрывъ нашихъ же минъ отъ паденія ихъ послѣ промаха на дно. Могъ быть и разрывъ особыхъ, противолодочныхъ снарядовъ, которыми снабжались германскія сторожевыя суда.

Повернувшій на насъ конвоиръ, увы, помѣшалъ выждать результатъ атаки и наблюдать его въ перископъ, а потому мы ничего опредѣленнаго не имѣли права утверждать.

Командиръ приказалъ погружаться на сто футовую глубину и одновременно сталъ описывать подводную циркуляцію въ сторону отъ проходившихъ мимо и надъ нами непріятельскихъ кораблей. Такимъ образомъ, лодка быстро шла по нисходящей дугѣ, забирая вглубь и вправо, когда вдругъ что

то дернуло ее. Послышался знакомый уже мнѣ подводный звукъ разрываемаго желѣза. Лодка остановилась и стала наклоняться носомъ внизъ.

— Что такое? — съ тревожнымъ изумленіемъ спрашивали мы другъ друга.

Звукъ разрываемаго желѣза былъ не сильный. Больше всего похоже было на то, что мы за что то зацѣпились.

Лодка продолжала наклоняться носомъ внизъ. Цѣпляясь за переборки, мы съ командиромъ бросились къ картѣ. Дѣйствительно, увлекшись атакой, мы проглядѣли находившуюся въ раіонѣ нашей циркуляціи одиноко стоящую подводную скалу, помѣченную на 60-ти футахъ глубины, не имѣющей значенія для надводныхъ судовъ. Очевидно скала была остроконечной формы, вродѣ сахарной головы, на которую мы и сѣли кормовой систерной.

— Надо же было такъ потрафить, — волновался командиръ. — Вѣдь, если нарочно въ нее цѣлить, такъ не попадешь ни за что въ жизни. Откачивай среднюю! — приказалъ онъ.

Лодка висѣла на скалѣ носомъ внизъ, съ дифферентомъ градусовъ тридцать, что крайне непріятно дѣйствовало на нервы, вызывая чувство, близкое къ тошнотѣ.

Помпа съ оглушительнымъ стукомъ начала откачивать среднюю балластную систерну. Дифферентъ сталъ выравниваться понемногу. Старшій офицеръ отправился въ обходъ всѣхъ помѣщеній осматривать, не появилось ли гдѣ-нибудь течи.

Течи не было. Пробоина оказалась въ кормовой систернѣ, за водонепроницаемой переборкой, что не представляло опасности для лодки, но лишало ее возможности всплывать до полнаго надводнаго положенія и тѣмъ углубляло нашу надводную осадку, сокращая выборъ фарватеровъ при возвращеніи къ нашимъ берегамъ.

Кромѣ того обстоятельство это замедляло нашъ надводный ходъ и ухудшало управляемость и поворотливость лодки.

Мы всплыли немного, чтобы отцѣпиться отъ скалы, и стали спѣшно отходить въ сторону, изъ подъ пути слѣдованія пароходовъ.

Спустя нѣкоторое время поднялись на 30 футъ и выставили перископы. Кругомъ было пусто. Маякъ едва виднѣлся на горизонтѣ.

Аварія наша не мѣшала подводному ходу, и мы продолжали наблюденіе за моремъ.

Съ наступленіемъ темноты всплыли до позиціоннаго (полуподводнаго) положенія и начали зарядку аккумуляторовъ. Тутъ наша аварія дала себя почувствовать слѣдующимъ неудобствомъ. Обычный въ осеннее время на Балтійскомъ морѣ зюдъ-вестъ развелъ довольно сильную волну, которая стала заливать мостикъ и захлестывать выходной люкъ, попадая внутрь лодки. Мостикъ съ выходнымъ люкомъ въ позиціонномъ положеніи лодки возвышался надъ уровнемъ моря всего на 5-6 футъ. Пробоина не давала намъ возможности подняться выше. Держать же водонепроницаемую крышку люка закрытой во время производства зарядки было нельзя, такъ какъ на зарядку работали дизеля, поглощавшіе массу воздуха, вслѣдствіе чего люкъ долженъ былъ быть открытъ все время настежь.

При затянувшейся свѣжей погодѣ положеніе наше могло стать безвыходнымъ: на надводномъ ходу вода попадала бы внутрь лодки, для подводнаго же хода оставшейся аккумуляторной энергіи хватило бы только на сутки, втеченіе которыхъ мы не успѣли бы добраться до русскихъ береговъ.

Такимъ образомъ мы становились въ полную зависимость отъ погоды.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, командиръ рѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что обратный курсъ домой лежалъ въ данный моментъ, какъ разъ, по вѣтру, и немедленно идти къ русскимъ берегамъ. При попутномъ вѣтрѣ мы все время уходили отъ волны и, несмотря на нашъ уменьшенный ходъ, она, хотя и заливала палубу до мостика, но въ люкъ не попадала.

По счастью свѣжій вѣтеръ не перешелъ въ штормъ, и мы черезъ сутки благополучно подошли къ Дагерорту.

Съ большими трудностями проходили мы фарватеры, объявленные свободными отъ минъ, чувствуя, какъ временами задѣваемъ днищемъ о песокъ.

При поворотѣ въ Монзундъ, въ Кертельской бухтѣ, фарватеръ оказался слишкомъ мелкимъ для нашей увеличившейся осадки и мы застряли, врѣзавшись въ грунтъ.

Давъ объ этомъ радіо, стали ждать буксировъ.

На помощь пришла возвращавшаяся съ работъ группа тральщиковъ : « Илья Муромецъ », « Добрыня Никитичъ », « Алеша Поповичъ », и « Микула Селяниновичъ ». Эти славные богатыри сначала по одиночкѣ, затѣмъ по два и, наконецъ, всѣ вчетверомъ впряглись въ поданные нами буксиры, но, увы, сдвинуть насъ съ мѣста не могли, ибо носили названія, не соотвѣтствовавшія ихъ силамъ.

Въ заключеніе изъ Рогокюля прибылъ большой портовый буксиръ, который и стащилъ насъ на болѣе глубокую воду и передалъ намъ пластырь, подведя который, мы откачали балластныя систерны и, принявъ нормальную осадку, вернулись въ Монзундъ, а оттуда въ Ревель для ремонта въ докѣ.

Агентурныя свѣдѣнія не подтвердили благопріятнаго результата нашей атаки, а потому осталось признать слышанный нами взрывъ — за разрывъ нашихъ минъ при паденіи ихъ на морское дно.

СЛУЧАЙ СЪ ПОДВОДНОЙ ЛОДКОЙ АГ 15

Однажды, въ концѣ іюля 1917 года, не помню точно, какого числа, мнѣ, какъ флагманскому штурману Шхернаго Отряда, пришлось дежурить по Штабу Або-Оландской позиціи. Эта укрѣпленная шхерная позиція прикрывала собою входъ въ Ботническій заливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являлась правымъ флангомъ нашей передовой морской позиціи, запиравшей нѣмцамъ подступы къ Финскому заливу. На маленькихъ шхерныхъ рейдахъ у выходовъ въ открытое море поочередно дежурили отряды крейсеровъ, а въ менѣе важныхъ пунктахъ стояли канонерскія лодки. Штабъ позиціи находился въ Або и оттуда руководилъ дежурными отрядами и судами.

Въ этотъ памятный день кромѣ дежурныхъ судовъ на рейдѣ Люмъ находился дивизіонъ новыхъ подводныхъ лодокъ, прибывшихъ за годъ передъ тѣмъ въ разобранномъ видѣ изъ Америки. Лодки эти были собраны на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ и при зачисленіи въ дѣйствующій флотъ были названы иниціалами АГ (Американскій Голандъ) 11, 12 и т. д. Стоя на рейдѣ Люмъ, лодки поочередно выходили въ море, а прочія упражнялись на рейдѣ, продѣлывая учебныя погруженія и стрѣльбы.

Часовъ около 2-хъ пополудни дежурный телефонистъ доложилъ мнѣ, что, по сообщенію наблюдательнаго пункта Службы Связи въ Люмѣ, подводная лодка АГ 15 снялась съ якоря и вышла на середину рейда для учебнаго погруже-

нія. Телефонограмма не представляла никакого особаго интереса и была отложена въ сторону.

Черезъ пять минутъ телефонистъ, запыхавшись, прибѣжалъ доложить, что лодка погрузилась, но такъ, что на поверхности остались плавать командиръ и два матроса. Начальникъ позиціи велѣлъ включить телефонъ на постоянную съ пунктомъ Люмъ и передать туда распоряженіе непрерывно докладывать о томъ, что будетъ происходить дальше. Такимъ образомъ мы, находясь въ 30-ти миляхъ отъ мѣста происшествія, освѣдомлялись обо всемъ такъ же быстро, какъ и находившіеся на самомъ рейдѣ.

Одновременно было дано распоряженіе двумъ большимъ буксирамъ немедленно отбыть въ Люмъ съ водолазами и стальными перлинями.

Черезъ нѣсколько минутъ съ поста Люмъ сообщили, что къ мѣсту исчезновенія лодки собрались всѣ дежурныя шлюпки отряда и подобрали спасшихся людей. Вслѣдъ за симъ поступило донесеніе начальника дивизіона подводныхъ лодокъ о томъ, что подводная лодка АГ 15 при пробномъ погруженіи неожиданно получила сильный диффернтъ на корму повидимому отъ хлынувшей въ кормовое отдѣленіе черезъ плохо задраенный кормовой люкъ воды и утонула. Командиръ — лейтенантъ Максимовичъ, рулевой и сигнальщикъ остались на поверхности, не успѣвъ спуститься, — такимъ образомъ остался открытымъ и средній люкъ въ центральный постъ. Начальникъ дивизіона просилъ о срочной присылкѣ водолазовъ и спасательныхъ судовъ, которые къ этому времени уже находились въ пути.

Далѣе наблюдательный постъ донесъ, что матка подводныхъ лодокъ спустила водолазовъ, а черезъ полчаса начальникъ дивизіона извѣстилъ, что водолазы слышатъ въ носовомъ отдѣленіи утонувшей лодки стукъ. Повидимому въ этомъ отдѣленіи, герметически задраенномъ, остались живыми люди. Штабомъ позиціи была дана телеграмма въ Ревель о присылкѣ спасательнаго судна «Волховъ», построеннаго

спеціально для подъема утонувшихъ или потерпѣвшихъ аварію подводныхъ лодокъ.

Черезъ два съ половиною часа послѣ происшествія на рейдъ Люмъ прибыли посланные изъ Або буксиры и за ними вслѣдъ самъ Начальникъ Позиціи на миноносцѣ.

Нѣсколько водолазовъ, спущенныхъ вокругъ лодки, начали заводить стальные перлиня. Суда, имѣвшія на борту сильныя лебедки, снялись съ якорей и, расположившись вокругъ утонувшей лодки, совмѣстными усиліями стали выбирать перлиня, но лебедки оказывались недостаточно сильными и начальникъ дивизіона просилъ торопить «Волховъ».

Въ отвѣтъ на наше повторное требованіе мы получили изъ Ревеля телеграмму, что «Волховъ» въ виду его тихоходности и далекаго разстоянія прибудетъ только черезъ полтора дня.

Опять пустили въ ходъ лебедки и послали въ Люмъ пловучій кранъ, слишкомъ впрочемъ слабый для того, чтобы ожидать отъ него полезный результатъ.

Въ это время наблюдательный пунктъ сообщилъ, что утонувшая лодка выстрѣлила миной, къ хвосту которой былъ привязанъ кусокъ холста съ надписью, сдѣланной сурикомъ: «Въ носовомъ отдѣленіи живы одиннадцать человѣкъ во главѣ со старшимъ офицеромъ. Вода понемногу затопляетъ насъ. Просимъ немедленной помощи».

Съ лихорадочнымъ рвеніемъ снова пущены были лебедки. Послѣ новой неудачи буксиры сдѣлали попытку оттащить лодку, волоча ее по дну, на болѣе мелкое мѣсто. Но лодка, застрявъ между камнями, не подавалась ни на вершокъ, и такимъ образомъ всѣ предпринятыя попытки оказались тщетны. Оставалось ждать «Волхова», но за полтора дня спасшіеся въ носовомъ отдѣленіи люди должны были неминуемо погибнуть медленною смертью.

Наступилъ вечеръ. Начальникъ позиціи вернулся въ Або, не достигши никакихъ результатовъ. Съ тяжелымъ чув-

ствомъ закончили мы день, рѣшивъ на утро возобновить попытки.

Вдругъ часовъ въ 10 вечера съ поста Люмъ поступила телефонограмма: «На мѣстѣ гибели лодки одинъ за другимъ всплыли изъ воды десять человѣкъ команды и послѣднимъ старшій офицеръ, лейтенантъ Матыевичъ - Мацѣевичъ. Люди подобраны шлюпками, дежурящими на мѣстѣ погибшей лодки и отправлены въ лазаретъ. Состояніе спасшихся удовлетворительно».

На слѣдующій день, когда тревоги за судьбу оставшихся въ живыхъ людей уже не существовало и можно было терпѣливо ждать прибытія спасательнаго судна для подъема самой лодки, — я столкнулся въ дверяхъ штаба съ самимъ лейтенантомъ Матыевичемъ, который, поздоровавшись, задалъ мнѣ какой то совершенно посторонній и незначительный вопросъ.

— Постой! — воскликнулъ я. — Вѣдь это же ты вчера ночью живымъ вышелъ изъ могилы?

— Да, я, — спокойно отвѣтилъ онъ. — А что такое?

— Боже мой! — и вмѣсто того, чтобы разсказать о такомъ изумительномъ, невѣроятномъ случаѣ, ты спрашиваешь о какихъ то пустякахъ!

Я засадилъ его за столъ и онъ, начертивъ на листѣ бумаги поперечный разрѣзъ лодки, разсказалъ собравшимся все по порядку.

— Во время аврала погруженія я задраился герметически въ носовомъ отсѣкѣ лодки съ людьми, которые по расписанію находились у своихъ постовъ. Лодка неожиданно быстро погрузилась съ дифферентомъ на корму и я почувствовалъ, что мы легли на дно. Слишкомъ быстрое погруженіе и отсутствіе сигнализаціи и вообще признаковъ жизни за переборкой въ смежномъ съ носовымъ отсѣкомъ центральномъ посту указывало на то, что лодка вся затоплена водою кро-

мѣ нашего отсѣка. Положеніе сразу же представилось безвыходнымъ и мы обреченными на медленную смерть, ибо я отлично зналъ, что средствъ для подъема лодки ни на рейдѣ Люмъ, ни въ Абоскомъ порту — нѣтъ. Была слабая надежда лишь на то, что насъ оттащатъ по дну на мелкое мѣсто, но и это было сомнительно, такъ какъ дно Люмскаго рейда, судя по характеру окружающихъ его островов, должно изобиловать большими камнями, изъ за которыхъ тащить насъ по грунту врядъ ли оказалось бы возможнымъ.

Но, какъ ни мрачны были эти мысли, нельзя было ихъ обнаруживать передъ растерявшейся командой. По устремленнымъ на меня тоскливо-тревожнымъ взорамъ видно было, что всѣ свои надежды они возлагаютъ на меня. Я успокоилъ ихъ, сказавъ, что насъ, конечно, подымутъ, и для подбодренія пустилъ въ ходъ граммофонъ.

Черезъ полчаса за бортомъ послышалось шуршанье стальныхъ перлиней и движеніе водолазовъ. Обнадеженные этимъ мы начали стучать, давая знать, что въ лодкѣ есть люди. Далѣе по содроганіямъ лодки мы догадались, что насъ тянутъ. Спасеніе сразу же показалось близкимъ и несомнѣннымъ. Но, увы, не надолго, ибо мы чувствовали, что лодка движенія впередъ не имѣетъ. Тутъ начинаются самыя ужасныя минуты.

Въ нашъ отсѣкъ стала просачиваться вода... Уровень ея медленно, но неуклонно повышался, понемногу затопляя нашъ отсѣкъ, а работы за бортомъ прекратились.

Чтобы извѣстить о надвигающейся на насъ гибели, я вдругъ сообразилъ выстрѣлить миной, привязавъ къ ея хвосту нѣчто вродѣ письма. Вывинтивъ ударникъ и закрывъ клапанъ потопленія, чтобы обезвреженная мина осталась плавать на поверхности воды, я написалъ на холстѣ нѣсколько словъ о насъ и мина была выпущена изъ аппарата.

По возобновленію попытокъ буксировать насъ по дну я понялъ, что мина дошла по назначенію, но въ то же время мнѣ ясно стало, что намъ ничѣмъ помочь не могутъ. Тѣмъ

не менѣе, пока была возможность я продолжалъ заводить граммофонъ и всячески поддерживалъ бодрое настроеніе, шутя и разговаривая такъ, будто ничего особеннаго намъ не угрожало.

А вода поднялась уже выше колѣнъ. За бортомъ стихли всѣ работы, а съ ними исчезли и надежды. Настроеніе стало падать. Залитые водою аккумуляторы перестали давать токъ. Погасъ свѣтъ...

Мы были въ абсолютной тьмѣ, — вода доходила намъ до плечъ. Ощупью нагромождая различные предметы, мы старались забираться выше...

Наконецъ, гонимые водою, мы всѣ повисли на желѣзномъ трапѣ, размѣстившись головами вокругъ выходного люка, вдававшагося внутрь лодки въ видѣ отрѣзка широкой трубы.

Команда давно потеряла всякое присутствіе духа. Плакала, ругалась, причитала. Одинъ изъ матросовъ, проклиная судьбу, сошелъ съ ума и, оторвавшись отъ трапа, утонулъ.

Такъ, въ абсолютной тьмѣ, головой къ головѣ стѣснившись вокругъ выходного люда, висѣли мы по горло въ водѣ, ожидая своей послѣдней минуты...

Вотъ вода коснулась нижняго срѣза выходной трубы. Весь отсѣкъ уже затопленъ. Осталось лишь воздушное кольцо вокругъ отрѣзка выходной трубы. Въ этомъ кольцѣ кругомъ расположились десять головъ, тяжко и стѣсненно втягивавшихъ въ себя послѣдній воздухъ, сдавленный въ кольцѣ. Конецъ нашъ былъ очевиденъ. Онъ долженъ былъ наступить черезъ нѣсколько минутъ...

Тогда меня вдругъ осѣнила мысль — открыть выходной люкъ и выброситься наружу. Глубина была 90 футъ. Давленіе, существующее на этой глубинѣ, требовало медленнаго и осторожнаго подъема во избѣжаніе вскипанія крови, но... выбора не было. Смерть придвинулась вплотную.

Далѣе, — думалъ я. Если я открою люкъ, то вода мгновенно заполнитъ наше воздушное кольцо и выскочить успѣ-

ютъ, набравши въ себя воздуху, только два-три человѣка. Такимъ образомъ мнѣ лично все равно предстояла смерть, ибо я могъ выйти только послѣднимъ...

Вздохнувъ съ трудомъ полной грудью, я окунулся въ воду и, нащупавъ рычагъ, — открылъ выходную крышку. Нырнувъ обратно въ воздушное кольцо, я къ удивленію обнаружилъ, что оно не заполнилось водою, какъ я предполагалъ, но лишь еще немного сжалось, — до сравненія наружнаго и внутренняго давленій. Тогда, воодушевившись возможностью спасти всѣхъ, я сталъ поочередно брать за шиворотъ цѣплявшихся и упиравшихся матросовъ и, окуная ихъ головою подъ ребро срѣза выходной трубы, выталкивалъ ихъ подъ открытый люкъ. Дальше ихъ уже выпирало давленіемъ вверхъ и безпрепятственно выбрасывало на поверхность. Вытолкнувъ всѣхъ, я послѣдовалъ за ними: нырнувъ подъ ребро срѣза, просунулъ голову въ люкъ, послѣ чего незримая сила повлекла меня ввысь. По дорогѣ меня ударило головою о стальной штагъ, протянутый съ мостика на бакъ, и затѣмъ послѣдовало автоматическое всплытіе, показавшееся мнѣ страшно долгимъ...

Голова моя вдругъ вынырнула между шлюпокъ, собравшихся вокругъ и я увидѣлъ надъ собою звѣзды.

— А вскипаніе крови?

— Его не произошло или, можетъ быть оно мало сказалось. Мы всѣ положены были въ лазаретъ, такъ какъ чувствовали себя дурно.

Русскому читателю осталось неизвѣстнымъ многое въ области работы русскаго флота въ минувшую войну. Военныя обстоятельства требовали тайны. Многое разскажется потомъ, когда тяжелая злободневность перестанетъ угашать въ насъ интересъ къ событіямъ еще недавнимъ, но уже такимъ далекимъ. Къ только что изложенному случаю умѣстно будетъ замѣтить, что половина погибшихъ за всю войну на-

шихъ подводныхъ лодокъ приходится на революціонное лѣто 1917 года.

Объясняется это тѣмъ, что революціонная матросня первымъ дѣломъ потребовала уничтоженія званія кондукторовъ флота и увольненія сверхъ-срочно служащихъ, т. е. полнаго разгона кадра наилучшихъ и наиболѣе опытныхъ спеціалистовъ. Требованіе это было инспирировано непріятельскими агентами и послушно исполнено Керенскимъ.

Безъ хорошихъ спеціалистовъ остались и подводныя лодки. Прочіе, кто былъ посмышленѣе, устремились въ совѣты и комитеты.

Однако наблюденіе за моремъ и періодическая глубокая развѣдка оставались попрежнему необходимы. Офицеры, какъ то было и на фронтѣ, старались бравировать всѣ препятствія и съ малоопытнымъ составомъ выходили въ опасные походы. За три лѣтнихъ мѣсяца 1917 года въ Балтійскомъ морѣ погибли въ боевыхъ походахъ подводныя лодки: «Барсъ», «Гепардъ», «Львица», АГ 16, и во время учебнаго погруженія — АГ 15. Послѣдняя была поднята черезъ два дня спасательнымъ судномъ «Волховъ». Въ кормовомъ отсѣкѣ, гдѣ команда была безъ офицера, всѣ люди погибли и были найдены приникшими къ выходному трапу, скорченные и застывшіе въ разнообразныхъ позахъ.

Только находчивости и героическому поведенію лейтенанта Матыевича обязаны своимъ спасеніемъ люди, бывшіе съ нимъ въ носовомъ отсѣкѣ.

ПОДЪ ЭФИРОМЪ

Въ ожиданіи профессора, который назначилъ операцію подъ вечеръ сегодняшняго дня, я лежу на спинѣ, стараясь не двигаться и не тревожить раненой ноги.

У моего изголовья русскій докторъ, сдѣлавшій мнѣ первую перевязку, а въ ногахъ, облокотившись на спинку кровати, — сестра милосердія, финляндка, съ равнодушно ласковымъ лицомъ и покойнымъ взглядомъ. Она задаетъ мнѣ привычно участливые вопросы, удивленно сѣтуя на то, что людей ранятъ теперь не на фронтѣ, а на улицѣ, всего лишь за офицерскую фуражку. И, точно желая устранить первоисточникъ случившейся бѣды, она беретъ со стула мою морскую фуражку и вѣшаетъ ее въ шкапъ.

Въ окно видны покрытыя снѣгомъ деревья и порхающіе по нимъ воробьи. Вечерѣетъ. Палата наполняется отраженнымъ отъ стѣнъ зеленоватымъ свѣтомъ. Докторъ сосредоточенно молчитъ. Я вижу въ этомъ знакъ серьезности положенія и стремлюсь пробудить въ себѣ надежды.

— Вѣдь, перебитыя кости срастаются въ шесть недѣль? — спрашиваю я.

Докторъ медлитъ и съ заминкой отвѣчаетъ:

— Да... въ ваши годы... можетъ быть, въ шесть недѣль, — и въ голосѣ его слышится сомнѣніе. Испытывая себя, я мысленно рисую картину наиболѣе неблагопріятнаго исхода, — не могу удержаться и вздыхаю.

Докторъ встаетъ и прощается. Обѣщаетъ зайти завтра посмотрѣть, какъ меня лѣчатъ. Повернувшись къ нему, я неосторожно толкаю проволочный каркасъ, гдѣ лежитъ моя

нога, и отъ сильной боли инстинктивно хватаюсь за него обѣими руками, стараясь поставить его ловчѣе. Но удобное положеніе потеряно. Какъ ни ворочаюсь, какъ ни подвигаю каркасъ, — найти прежняго положенія не могу, и нога мучительно болитъ, не давая забыться ни одной минуты. Воробьи за окномъ несносны. Не порхаютъ, а безсмысленно и глупо скачутъ.

Въ корридорѣ слышатся шаги. Быстрой поступью входитъ профессоръ, сопровождаемый ассистентомъ, за ними двѣ сестры. Профессоръ лаконически здоровается и дѣлаетъ знакъ сестрамъ подвинуть кровать къ окну. Ассистентъ ставитъ около моей ноги особенный станокъ и начинаетъ снимать перевязку. Движенія его безпощадны. Отъ страшной боли потъ выступаетъ на моемъ лицѣ. Профессоръ мелькомъ заглядываетъ мнѣ въ глаза и что то говоритъ сестрѣ по-шведски. Та вынимаетъ у меня изъ подъ головы подушку и кладетъ маску на мое лицо.

Впервые въ жизни мнѣ приходилось засыпать подъ наркозомъ. Необычайное волненіе охватило меня вдругъ. Приторно сладкій запахъ эфира былъ противенъ. Превозмогая себя, я нѣсколько разъ старательно вздохнулъ. Странная чернота сразу же разостлалась предо мною. Голоса стали отодвигаться куда то вдаль, и я, взволнованный необычнымъ состояніемъ, захотѣлъ перекреститься. Рука казалась налитой свинцомъ, и было трудно думать, куда и въ какой послѣдовательности нужно ее передвигать. Это поразило кого то, потому что я услышалъ нѣсколько обезпокоенный женскій голосъ, воскликнувшій: «Онъ умираетъ»! Я почувствовалъ, что улыбнулся, и, съ трудомъ передвинувъ руку на лѣвое плечо, медленно и съ усиліемъ отвѣтилъ:

— Да нѣтъ же. Будьте спокойны, — господинъ профессоръ.

Въ ту же секунду голоса исчезли, а я, какъ лежалъ съ закинутой назадъ головою, — полетѣлъ куда то внизъ, не въ силахъ двинуть ни однимъ членомъ, и равнодушный го-

лось чей то отрывисто чеканилъ надо мною: — Да, да, да, да, да... затихая постепенно, и наконецъ умолкъ...

Я упалъ на мягкій узорчатый коверъ и сейчасъ же твердо всталъ на обѣ ноги. Большая комната устлана восточными коврами. Такими же коврами увѣшаны всѣ стѣны и покрыты длинные рундуки, стоящіе по сторонамъ. Въ комнатѣ нѣтъ оконъ, и я не вижу, откуда струится тихій, мягкій свѣтъ. И все вокругъ объято тою великой тишиной, отъ которой слухъ наполняется беззвучнымъ шумомъ.

Кто то подходитъ ко мнѣ, безшумно ступая по ковру, и точно ждетъ моихъ вопросовъ.

— Гдѣ я? — спрашиваю тихо, стараясь своимъ голосомъ не оскорбить великой тишины.

— Это Обитель Истины, благосклонно отвѣчаетъ Неизвѣстный, ставъ рядомъ со мной.

— Мы всегда отъ нея такъ далеки, — подумалъ я, — и вотъ, я въ Ея Домѣ!

Волнующее ощущеніе великаго овладѣваетъ мной. Я чувствую, какъ начинаетъ сильно биться мое сердце. Мнѣ страшно хочется спросить о чемъ то важномъ, что такимъ сладкимъ бременемъ лежитъ въ душѣ. Вѣдь, если здѣсь обитаетъ Истина, то на всякій мой вопросъ я получу истинный отвѣтъ, неопровержимый, превосходящій человѣческую мудрость. Я начинаю все больше волноваться. Чувствую, что нужно спросить скорѣе, но вопросы спутаннымъ вихремъ кружатся въ моей головѣ и передъ сознаніемъ не останавливается ни одинъ изъ нихъ. Я ищу словъ и не нахожу. Отчаяніе овладѣваетъ мною.

— О Боже! — воскликнулъ я, ломая руки. — Какое странное безсиліе! Я не могу собрать мыслей хотя бы для одного вопроса. Или Истина недоступна людямъ, пока въ нихъ бьется живое сердце? Или, когда мы касаемся Ея, — умолкаетъ нашъ языкъ ?

Благосклонный Незнакомецъ смотрѣлъ на меня участливо и терпѣливо.

— Да. Истина познается лишь за гробомъ, — зазвучала его рѣчь. — Страсти мѣшаютъ людямъ Ее видѣть, хотя они иногда бываютъ близки отъ Нея. Но въ часы душевнаго покоя преграды между Нею и людьми становятся тоньше и прозрачнѣй. Оттого любятъ люди вечернюю тишину, недвижный воздухъ, тихую гладь воды и уходящіе вдаль голоса засыпающей природы. Тогда въ затихшей человѣческой душѣ, какъ въ зеркальной глади моря, отражаются не имѣющія предѣловъ небеса, и въ безпредѣльности этой ощущаетъ человѣкъ безпредѣльность и вѣчность собственной души. Ничтожнымъ начинаетъ казаться ему все земное. Миръ сходитъ тогда въ его душу и всякій разъ приноситъ новую частицу мудрости, недоступной суетнымъ сердцамъ. Тогда растетъ въ душѣ неясная печаль о Вѣчномъ, сладостная грусть и непередаваемая человѣческими словами тоска разлуки съ чѣмъ то близкимъ и роднымъ, тоска разлуки съ иной, забытой нами для земныхъ утѣхъ, небесной долей...

Я слушалъ тихую рѣчь Незнакомца и спросилъ его:

— Но отчего нельзя добровольно оставить земную жизнь и вернуть себя къ утраченной небесной долѣ?

— Это было бы неповиновеніемъ Промыслу, который руководитъ міромъ. Такому неповиновенію поставлены преграды: для разумныхъ — сознаніе жизненнаго долга, для неразумныхъ — страхъ смерти, отъ котораго нельзя укрыться. Если ему скажутъ: — вотъ твоя смерть близко, — она придетъ отъ пищи, — онъ будетъ трепетать при видѣ убраннаго яствами стола. Если скажутъ, что она придетъ ночью, — онъ будетъ ужасаться темноты. Если скажутъ, что она придетъ днемъ, — онъ будетъ содрагаться на восходѣ солнца, когда ликуетъ и славословитъ бытіе возставшая отъ сна природа.

Шумъ наполнилъ мои уши. Я слышалъ, какъ громко стучало мое сердце. Дерзновенное желаніе вдругъ поднялось во мнѣ. Не въ силахъ сдерживать волненія я спросилъ:

— Могу ли я увидѣть Истину... теперь... когда я нахо-

жусь въ самой Обители Ея? Пусть безумна моя просьба, но я хочу, чтобы въ моей душѣ запечатлѣлся Ея обликъ и чтобы этотъ обликъ я унесъ съ собой...

Сердце мое стучитъ такъ громко, что я почти не слышу своихъ словъ.

— О, гдѣ же Истина? Я хочу Ее увидѣть.

— Истина всегда рядомъ съ нами, но люди недостойны Ее видѣть, — тихо отвѣтилъ Незнакомецъ. — Она рядомъ съ нами и теперь. Открой дверь, — можетъ быть, ты Ее увидишь...

Безшумно передвигаясь по ковру, я устремился къ двери и съ неописуемымъ волненіемъ открылъ ее...

Взорамъ моимъ предстала комната, убранная подобно той, въ которой я находился. Мягкій свѣтъ изъ незримаго источника наполнялъ ее. Въ ней не было никого. Но въ тотъ моментъ, когда я растворялъ дверь, — напротивъ меня затворилась другая, и я успѣлъ замѣтить край бѣлой одежды, скрывшійся за ней.

— Кто это былъ? — воскликнулъ я и сейчасъ же самъ себѣ отвѣтилъ: — Но вѣдь это Истина!

— Вѣдь это Истина! это Истина! это Истина! — хоромъ повторили чьи то голоса.

Въ страшномъ волненіи я бросился къ противоположной двери, стремительно распахнулъ ее и, вбѣгая въ слѣдующую комнату, опять увидѣлъ, какъ затворялась слѣдующая дверь и край бѣлой одежды мелькнулъ за ней.

— Но вѣдь это сама Истина!! — закричалъ я внѣ себя, и тысячи голосовъ со всѣхъ сторонъ, какъ эхо, повторяли:

— Это Истина! это Истина! это Истина!

Я мчался черезъ длинную амфиладу залъ, открывая одну за другой расположенныя другъ противъ друга двери, и всякій разъ, какъ открывалъ одну, — закрывалась противоположная, и я успѣвалъ видѣть только край бѣлой одежды. Я чувствовалъ, что изнемогаю. Слезы хлынули изъ моихъ глазъ.

Въ ушахъ громко шумѣли чьи то голоса и сердце билось все сильнѣе...

— Остановись, — сказалъ мой спутникъ. — Ты видѣлъ то, чего достигъ въ жизни. Сегодня ты все равно большаго не увидишь.

— О, твои слова истина! — въ изнеможенiи воскликнулъ я.

— Сама истина! сама истина! сама истина! — повторилъ за мной тысячеголосый хоръ.

Слезы градомъ катились по моему лицу.

— Неужели я ничего больше не увижу? — въ волненiи повторилъ я нѣсколько разъ...

Сбоку отъ меня оказалась другая дверь. Безотчетно я открылъ ее и сквозь завѣсу слезъ увидѣлъ комнату, наполненную зеленоватымъ свѣтомъ, — прямо противъ себя — окно и на его фонѣ склоненныя головы профессора и ассистента въ бѣлыхъ колпакахъ. Они озабоченно дѣлали что то, безшумно двигая руками. Но сейчасъ же темная завѣса неощутимо и беззвучно упала на мои глаза, и я почувствовалъ сладкiй запахъ эфира.

Я уже ничего не видѣлъ, но мой незримый спутникъ стоялъ рядомъ со мною. И мнѣ опять мучительно хотѣлось спросить его о чемъ то, но мысли разбѣгались и слезы безсилiя градомъ лились изъ глазъ...

Но вотъ опять зеленоватый свѣтъ забрезжилъ предо мною. Сквозь шумъ въ ушахъ смутно стали доноситься чьи то спокойно размѣренные голоса. Я открылъ глаза и увидѣлъ, что лежу въ своей палатѣ. Нога моя, туго перевитая бинтами, удобно расположена въ станкѣ, слегка приподнятая надъ кроватью. Слезы продолжали струиться по моему лицу. Кто то выходилъ изъ палаты. Это профессоръ. Я повернулъ голову, чтобы поблагодарить его, но дверь закрылась, и я успѣлъ замѣтить лишь край его бѣлаго халата.

— Но вѣдь это Истина! — возбужденно повторялъ я весь въ слезахъ.

И въ то время, какъ закрывалась одна створка двери, — открылась другая, и въ комнату вошла моя жена.

— О, какъ все дивно сочетается! — въ умиленіи воскликнулъ я. — Вѣдь это Истина! это Истина! Голубушка, открой скорѣй вторую створку двери, ты увидишь, — профессоръ долженъ быть тутъ, сейчасъ же за порогомъ. Открой, пожалуйста! это Истина! Отчего ты плачешь?.. Вѣдь это Истина...

Жена, вся въ слезахъ, опускается около моей кровати на колѣни, съ испугомъ смотритъ на меня и плачетъ. Сестра, наклонившись, ей что то тихо говоритъ.

— О, откройте же дверь, въ изнеможеніи повторяю я. — Вѣдь это Истина!

— Сама Истина... сама Истина... — затихая, шепчетъ мнѣ въ уши тысячеголосый хоръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОГЛАВЛЕНІЕ

IMP. «PASCAL». 13, RUE PASCAL. PARIS.